

ЭРИН НОЭЛЬ
ОБНАЖАЯ ПРАВДУ

Эрин Ноэль

Обнажая правду (Обнажая правду #2)

Ее смутное прошлое не тревожило меня. Я никогда не съеживался от ее душераздирающих шрамов, и демоны, которые ее преследовали, делали меня только сильнее. Но в тот день, когда Блейк Мартин украли у меня, я был до смерти напуган. Я был готов сделать что угодно, чтобы вернуть ее. Но и не подозревал, что это будет стоить мне жизни. Меня зовут Мэдден Декер, и это моя история.

+18 (в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

Переведено для группы https://vk.com/bellauroora_pepperwinters.

Содержание

#1.....	0005
Пролог. Рейз.....	0006
Глава 1. Мэдден.....	0008
Глава 2. Блейк.....	0014
Глава 3. Блейк.....	0019
Глава 4. Мэдден.....	0023
Глава 5. Блейк.....	0027
Глава 6. Мэдден.....	0032
Глава 7. Блейк.....	0037
Глава 8. Рейз.....	0041
Глава 9. Мэдден.....	0045
Глава 10. Блейк.....	0049
Глава 11. Блейк.....	0054
Глава 12. Мэдден.....	0059
Глава 13. Блейк.....	0063
Глава 14. Мэдден.....	0066
Глава 15. Мэдден.....	0069
Глава 16. Рейз.....	0075
Глава 17. Мэдден.....	0077
Глава 18. Мэдден.....	0081
Глава 19. Блейк.....	0087
Глава 20. Мэдден.....	0091
Глава 21. Рейз.....	0095
Глава 22. Блейк.....	0096
Глава 23. Мэдден.....	0101
Глава 24. Блейк.....	0104
Глава 25. Мэдден.....	0108
Глава 26. Блейк.....	0112
Глава 27. Рейз.....	0116
Глава 28. Мэдден.....	0118
Глава 29. Мэдден.....	0120
Глава 30. Блейк.....	0121
Эпилог. Мэдден.....	0124

**Эрин Ноэль
Обнажая правду**

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Любое копирование без ссылки на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО! Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Пролог. Рейз

(Something I Can Never Have ~ Nine Inch Nails)

В день, когда мне исполнилось четырнадцать, я в первый раз пытал человека. Он висел голым на одном из складов, принадлежащих моему отцу. С кляпом во рту, чтобы мне не приходилось терпеть крики его предательской задницы, которой он на самом деле и являлся, пока я каждые полчаса почти целый день отрезал по кусочку от его тела. За последние пару лет я уже множество раз наблюдал за тем, как это происходит, и теперь просто повторял то, что видел.

Сначала шли руки и ноги, каждую из них я отрезал одним взмахом своей новой пилы, подаренной мне за завтраком отцом в день моего рождения. Я помнил, как он и мой дядя гордились моими аккуратными, точными ударами, настаивая, чтобы каждый из них мы отмечали рюмкой элитной водки. Алкоголь поднял мою уверенность в себе и в собственной правоте, и, когда я в пятый раз вернулся в комнату для допросов, освещаемую только мерцающей флуоресцентной лампой, висящей в центре потрескавшегося потолка, я чувствовал себя крутым паханом: непобедимым, бессмертным, стоящим на вершине пирамиды Русской мафии.

Еще один взмах позолоченного лезвия, и мужчина технически перестал быть мужчиной. И когда я привел его хорошенькую невесту увидеться с ним в последний раз, я, находясь всего лишь в полуметре от него, продемонстрировал ему все способы, которыми он больше не сможет ею наслаждаться, жестко трахая каждую дырку, что предлагало ее тело. Чтобы он не мог закрыть глаза, его веки были прибиты степлером, вынуждая наблюдать за тем, как она, забыв обо всех своих клятвах, дрожала от оргазма на моем молодом члене, пока я грязно вколачивался в нее.

Затем, когда остальные члены моей семьи по крови и чести, ушли, чтобы продолжить с ней в соседней комнате, я поднес лезвие к шее этого кастрированного ублюдка и прошептал по-русски:

— Прости меня, боже, ибо я согрешил, — а потом перерезал ему горло от уха до уха.

Весь склад содрогнулся от поздравлений и аплодисментов, пока шестерки, члены банды, находящиеся на самой нижней ступеньке ее иерархии, бросились убирать кровавое месиво, оставшееся после нас, чтобы успеть до того момента, когда женская половина семьи и мои школьные друзья придут на настоящий праздник.

Возможно, я и родился в могущественной семье Кабиновых благодаря слепому случаю, но умру я преступником добровольно.

Все это произошло восемнадцать лет назад, и, хотя теперь я третий человек в одной из самых влиятельных преступных организаций в мире, став мужчиной, я стал ко многому относиться по-другому. Мне больше не интересно тратить время, разделявая всяких вонючих ублюдков или трахая распутные киски грязных шлюх. Нет. Я больше не проматываю жизнь, занимаясь этим дерьмом. Я берегу свой гнев до того дня, когда человек, ответственный за убийство моих жены и брата, да и многих других членов моей семьи, предстанет передо мной, чтобы ответить за то, что совершил.

И, взяв в свидетели Господа Бога на небе и дьявола в Преисподней, клянусь, что когда я до него доберусь, Винсент Риччи всеми фибрами души захочет, чтобы я остался все тем же четырнадцатилетним мальчишкой, который не знал, что это такое, когда у тебя отнимают самое дорогое в жизни. Мальчишкой, который не чувствовал яростной агонии и расчетливого гнева, что приходят к тебе, когда ты теряешь человека, которого любил больше всего на свете.

Несмотря на то, что боссу могущественного семейства Риччи из Чикаго на протяжении последних двух лет удавалось ускользать от меня и моих братьев, наконец, я заполучил одну вещицу, которую он страстно желает иметь. Вещицу, которая сделает его уязвимым, заставит забыть об опасности и долге перед семьей.

И в данный момент она привязана к моей кровати.

Глядя на то, как она крепко спит, одурманенная тем, что ей вколола эта рыжая сука, я не могу не заметить, как она похожа на мою Дарью. Моего милого котика — мою Дарью.

Фарфоровая кожа. Густые, темные ресницы мирно покоящиеся на высоких скулах. Розовые губы, такие пухлые и сочные, будто сами умоляют поцеловать их. Я почти боюсь того момента, когда она откроет глаза. А что, если они будут того же сапфирового цвета, что может...

Я резко встаю со стула, стоящего у кровати и подхожу к окну, вглядываясь в то, как волны неустанно разбиваются о скалистое Тихоокеанское побережье и смеюсь над собой за эти абсурдные мысли. Сейчас не время думать о ресницах, губах или цвете глаз. Не время обольщаться прелестями моей пленницы — этой американской принцессы, как они ее называют.

Она всего лишь средство для достижения цели.

Потому что пришло время мстить.

Глава 1. Мэдден

(No Moon ~ Iron & Wine)

Севший во время ланча аккумулятор в машине. Это раз. Опоздание на встречу днем из-за севшего аккумулятора. Это два. Мобильный телефон, потерянный где-то между моим офисом, парковкой и дневной встречей, на которую я опоздал из-за севшего аккумулятора. Это, мать твою, три.

Сегодня все, определенно, пошло не так, как я предполагал, и, если бы это была не пятница, я бы, наверное, убил бы кого-нибудь прямо сейчас, сидя в час пик в пробке на печально знаменитом сто первом шоссе. Ненавижу, когда все идет не так, как запланировано. Я уже в восьмой раз за последние десять минут смотрю на часы на приборной панели, и в настоящий момент все действительно идет не так, как, на хер, запланировано.

Я потратил уйму времени, дожидаясь, пока механик из дилерского центра «Мерседес» приведет мою машину в рабочее состояние. Затем я еще дольше общался с чрезмерно услужливой молоденькой сотрудницей «Эппл Стора», которая целый час выписывала мне новый телефон, взамен потерянного, загружала на него мой контент и настройки, и все это время смотрела на меня взглядом, умоляющим отвезти ее ко мне и хорошенько трахнуть. И вот, наконец, я еду домой, чтобы начать уик-энд со своей сладкой девочкой... которая до сих пор не ответила ни на один мой звонок или сообщение. Да что сегодня такое происходит?

Дотянувшись до телефона, лежащего на пассажирском сидении, я большим пальцем жму на маленькую круглую кнопку, и черный экран подтверждает, что я ничего не пропустил, ни звонка, ни смски. Хватаясь покрепче за руль, я недовольно ворчу, мои костяшки сначала синеют, а потом белеют. Блейк прекрасно известно, что я волнуюсь, если она сразу мне не отвечает. И, так как я хорошо знаю, что в этот момент она должна находиться в своей машине и ехать ко мне домой, у нее нет абсолютно никаких причин, чтобы за последние двадцать минут не перезвонить или не написать мне. Я уже серьезно подумываю о том, чтобы при встрече перегнуть ее через колено и отшлепать ее аккуратную маленькую задницу.

К тому времени, когда я подъезжаю к своему дому в испанском стиле в Калабасе, мой желудок сворачивается в тугой узел от беспокойства. Прошло уже больше часа, а от Блейк до сих пор ни слуху, ни духу. На нее это совсем не похоже, и, хотя за последние несколько недель ее эпизоды стали повторяться гораздо реже, нельзя исключать возможность, что что-то могло опять спровоцировать один из них. Мысль о том, что она совершенно незащитная лежит где-то в таком состоянии, или что у нее мог за рулем случиться приступ, заставляет меня похолодеть. Она может быть в опасности или серьезно ранена.

Нет! Говорю я себе, выходя из машины, я отказываюсь думать о самом худшем. Держу пари, что это просто недоразумение, возможно у нее разрядился телефон, и она забыла дома автомобильную зарядку. Уверен, Блейк сейчас уже на пути сюда, застряла где-то на шоссе вместе с тысячами других автовладельцев, которым так же, как и мне, не терпится начать свой уик-энд.

Открывая дверь и проходя внутрь, я продолжаю убеждать себя, что она вот-вот приедет, и все будет так, как было каждые выходные на протяжении по-

следней пары месяцев. Я просто накручиваю себя... позволяя своей доминантной, властной натуре, проявляющейся, когда Блейк рядом, взять верх над здравым смыслом. Да, Мэдден, ты, черт побери, накручиваешь себя. Проветрись, на хер.

Я изо всех сил стараюсь избавиться от мрачных предчувствий и быстро просматриваю записку от Сары, моей домоправительницы, о том, как разогреть ужин, который она приготовила и оставила в холодильнике. Усмехнувшись над последней строчкой, в которой она напоминала мне, что в конце надо выключить духовку, я беру с верхней полки пиво и направляюсь наверх, принять душ и переодеться. К тому времени, когда я закончу, моя сладкая девочка уже должна быть здесь.

За последние шесть лет, до того, как я встретил Блейк, выходные меня совсем не радовали. После того как я из-за пошатнувшегося здоровья отца неожиданно раньше срока стал генеральным директором «Декер Энтерпрайзис», я обнаружил, что больше предпочитаю проводить время в офисе и заниматься развитием и расширением нашего семейного бизнеса, чем одному сидеть дома. Конечно, я довольно часто бывал с братом или какими-нибудь друзьями в барах. По обыкновению, я выпивал несколько бокалов, а потом уходил с какой-нибудь хорошенькой мордашкой, но меня всегда не покидало чувство, что я делаю все это, потому что должен, а не потому, что мне этого хочется.

Теперь же уик-энд обрел для меня новый смысл. Он означает, что я три ночи подряд проведу с Блейк, и я начинаю обратный отсчет с той самой минуты, когда она покидает мой дом в понедельник утром. Я не понимаю, как мы так быстро к этому пришли, да это и не важно. И, несмотря на мои первоначальные намерения, я определенно влюблен в нее. Сильно. Это самое естественное чувство, которое я когда-либо испытывал.

Но, каждый раз, когда я начинаю произносить эти три слова, чтобы сказать ей как сильно и как глубоко мое чувство к ней, и как много она значит для меня, Блейк находит способ прервать меня, как будто она еще не готова к тому, что они за собой несут. Поэтому я жду, опасаясь, что оттолкну ее, если буду настаивать. Прежде всего, ей следует осознать, что она достойна быть любимой, и это то, над чем я сейчас так усердно тружусь.

Несмотря на то, что мне известно очень немного о ее тяжелом прошлом, я довольно быстро выяснил, что, что бы там не случилось, это было по-настоящему дерьмово. Чтобы в двадцать два года оказаться без семьи и начинать все заново в совершенно незнакомом городе, где она не знает ни единого человека, не каждый обладает подобным мужеством, и моя цель состоит в том, чтобы дать ей чувство надежности и безопасности, чтобы стать яркой, красивой, веселой молодой женщиной, образ которой иногда проскальзывает наружу, когда мы остаемся наедине. Я хочу, чтобы она была такой всегда. Я хочу этого для нас.

В семь пятнадцать, когда я, наконец, смыл с себя пыль и грязь трудового дня и переоделся в удобную футболку и пару джинсов, ее все еще нет на месте. С телефона на меня по-прежнему глядит пустой экран, мне хочется схватить еще одну банку пива, чтобы успокоить свою тревогу, но меня останавливает настойчиво крутящаяся мысль о том, что, возможно, придется снова сесть за руль, чтобы поехать на ее поиски.

В восемь вечера я начинаю сходить с ума. За последние сорок пять минут я так часто ходил туда-сюда по твердому деревянному полу в кабинете, что удивляюсь, как не протер в нем колею. Я больше не могу сидеть здесь и ничего не делать. Я нутром чую, что что-то совершенно точно не так, а моя интуиция меня редко подводит.

Схватив ключи и бумажник, я, предположив, что она может лежать где-то на обочине, решаю сначала отправиться к ее квартире в Вудлен-Хиллс. Я веду машину в полной тишине, у меня настолько вымотаны нервы, что звуки музыки, доносившейся из приемника, стали для меня невыносимы, и с каждой пройденной в темноте милей по кусочку исчезает и мое непоколебимое хладнокровие. Мне нужно ее увидеть. Мне нужно знать, что с ней все хорошо.

Не заметив никаких признаков того, что она или ее машина сейчас дома, я еще двадцать минут в гробовом молчании продолжаю свой путь к ней на работу в Бербанк. Когда я подъезжаю к погруженному в темноту, запертому зданию и обнаруживаю, что ее «джетта» осталась единственной припаркованной машиной на стоянке для сотрудников, тысячи тревожных звоночков начинают звенеть у меня в голове.

— Чееееерт! — кричу я и бью ладонями по рулю.

Быстро остановив машину, я выскакиваю из нее и бегу к ее простенькому седану, тщательно, от переднего до заднего бампера, осматривая его в поисках каких-нибудь подсказок, где может находиться Блейк. Я падаю на колени, отчаянным взглядом шаря по асфальту рядом с машиной и под ней. Но, к несчастью, ничего не нахожу. Ни единого долбанного следа.

На меня накатывает волна страха. Страх и чего-то еще, похожего на неконтролируемую панику. Но прежде чем окончательно отдаться двум этим эмоциям, я, в надежде привести свои мысли в порядок, делаю через нос глубокий вдох и выдыхаю сквозь сжатые губы. Если я хочу ее найти, я должен сохранять над собой контроль, я не могу теперь потерять голову. Мне нужен план.

Отыскав номер телефона Джей среди рабочих электронных писем, которые она послала мне ранее на этой неделе, я звоню ей, надеясь, что как самая близкая подруга Блейк и ее коллега, она знает, что происходит. Хотя я зол, как черт, что Блейк не позвонила и не появилась у меня дома, как должна была, мне будет легче, если я буду знать, что она цела и невредима.

— Привет, это Джей, — отвечает она сразу же после первого гудка.

Откашлявшись, я, пытаюсь сохранить самообладание, начинаю:

— Привет, Джей. Это Мэдден Декер. Извини, что потревожил тебя в пятницу вечером, но я звоню тебе на счет Блейк.

— Блейк? — спрашивает она явно обеспокоенно. — С ней все хорошо? Что происходит?

— Я надеялся, что ты сможешь ответить мне на этот вопрос. Я сейчас стою на парковке перед вашим офисом, здесь ее машина, но уже половина десятого, а я до сих пор не видел ее и не получал от нее никаких известий, — отрывисто говорю я.

— Ничего не понимаю. Она сказала, что ты заберешь ее сегодня после работы, — заявляет она, превращая мою обеспокоенность в панику. — Днем она получила от тебя сообщение и сказала, что ты приготовил для нее сюрприз... что к шести часам вечера ты пришлешь автомобиль, чтобы забрать ее.

Мой желудок болезненно сжимается. Что, на хер, происходит?

— Нет! — резко бросаю я, почувствовав шум в голове. — Я не мог послать ей сегодня днем никакого сообщения. Я еще раньше потерял телефон.

— О, черт, — бормочет она. — Похоже, у нас серьезная проблема. Чем я могу тебе помочь?

Я даю ей свой домашний адрес и, прежде чем повесить трубку, прошу приехать туда, как можно быстрее. А потом, запрокинув голову вверх, я гляжу в темное ночное небо, пытаюсь отогнать от себя удушливый страх. Для него сейчас нет времени. Блейк в опасности. Мне это известно так же точно, как то, что солнце встает на востоке. На счету каждая минута.

Открыв водительскую дверь, я сажусь на сидение, завожу машину и набираю номер брата. Я молюсь богу, чтобы он не был в этом замешан, но снова чуть однозначно указывает мне в его направлении.

Как только он берет трубку, я говорю ему тихим, угрожающим голосом:

— Истон, богом клянусь, что если с ней что-нибудь случится, я убью тебя, на хер, собственными руками.

— Чувак, о чем ты, черт возьми, говоришь? — отвечает он в очевидном замешательстве.

— Блейк, — ору я. — Где она?

— Я понятия не имею, где твоя маленькая подружка. Я весь день торчу на ипподроме, стараясь выиграть хоть немного денег, чтобы вернуть долг Кабиновым. Денег, которые ты, между прочим, отказался мне одолжить. И только что сел поужинать. Один.

Опешив от его логики, состоявшей в том, чтобы играть, чтобы вернуть долги, возникшие в результате азартных игр, я качаю головой и тихо сижу, стараюсь отогнать охватывающий меня ужас.

— Мэдден, ты слушаешь меня? — спрашивает он, и его голос смягчается, звучащим в нем легким беспокойством. — Что происходит?

— Я... ух, я не знаю, — запинаюсь я. — Блейк должна была приехать ко мне сегодня, как обычно делает это по пятницам, но, когда она так и не появилась, не позвонила и не прислала никакого сообщения, я отправился ее искать. Я нашел ее машину рядом с ее офисом, а ее коллега рассказала мне, что я сегодня связался с Блейк и сказал ей, что заберу ее, потому что у меня есть для нее сюрприз.

— А на самом деле ты с ней не общался?

— Нет. Я потерял сегодня днем свой телефон, — я тяжело дышу в трубку, мой мозг начинает лихорадочно работать, и все, наконец, обретает смысл. — По крайней мере, я так думал.

Машину резко кидает вперед, когда я на полуслове выворачиваю с парковки.

Истон просит у кого-то счет и возвращается к разговору.

— Я помогу тебе ее найти, брат. Этому должно быть какое-то разумное объяснение. Я могу добраться до тебя за тридцать минут.

Уже выезжая на шоссе, я соглашаюсь.

— Хорошо, тогда увидимся. Если приедешь раньше меня, воспользуйся своим ключом, и не говори никому ни слова, даже Эмерсон. У меня есть на этот счет дурное предчувствие, и я хочу, чтобы никто ничего не знал, пока нам не удастся восстановить хронику событий.

* * *

Вульгарного вида «мазератти» Истона и незнакомый внедорожник «инфинити», по-видимому, принадлежащий Джей, уже стоят на месте, когда я подъезжаю к дому. Освещенные окна придают зданию уютный вид, но на душе у меня беспокойно.

Всю дорогу домой я воображал разные варианты того, что же могло произойти, и мне совсем не нравилось то, куда все они меня приводят. Вокруг нее все еще слишком много тайн: загадок, связанных с ее бывшим мужем и с тем, что она имела в виду, говоря, что его теперь нет, вопросов о том, как умерли ее мама и брат, о том, почему сейчас она выглядит не так, как на фотографиях, которые я нашел. Дерьмовая громадная куча вопросов, ноль ответов, а теперь еще и девушка, которую я люблю, исчезла. Я бью кулаком по рулю, и резкий звук автомобильного гудка разрывает ночную тишину.

Выскочив из машины, я бросаюсь внутрь, туда, где, сидя на кухне, меня уже ждут мой брат и Джей. Когда я влетаю в дверь, они резко поднимают головы вверх в надежде, что я принес какие-то новости, но, глядя на выражение моего лица, оба сникают.

— Во-первых, мне нужна распечатка моих телефонных звонков за сегодняшний день, — авторитетно заявляю я. — Мне казалось, что я забыл телефон в офисе до встречи в час дня, но, когда я позвонил Кэролайн и попросил ее его поискать, она нигде не смогла его найти, поэтому я поехал прямо в магазин и попросил их отключить его и подключить мой номер к новому телефону. Мне не пришло в голову попросить их определить местонахождение потерянного телефона, ведь он был на гарантии, а я торопился вернуться домой.

Я забрал из офиса свой ноутбук и теперь поставил его на гранитный кухонный остров, и открыл его.

— Истон, ты сегодня в принципе был на работе? — интересуюсь я, взглянув на брата.

Иногда я забываю, насколько мы похожи. Хотя его русые волосы длиннее, чем мои спутанные, волнистые локоны, у нас одинаковое строение лица и яркие голубые глаза, которые мы унаследовали от матери.

Разглядывая свои ботинки, он качает головой:

— Нет, я был в Санта-Аните с первого утреннего заезда.

— А Эмерсон была в офисе? Ты мне можешь ответить или нет! — рявкаю я, чувствуя, как моим голосом управляет отчаяние.

— Да, она звонила мне приблизительно в обед, чтобы передать мне сообщения, поступившие за время моего отсутствия, и сообщила, что уйдет с работы пораньше, потому что с какими-то друзьями уезжает из города на уик-энд. Я особенно этим не интересовался, потому что... ну, потому что я был занят и не очень внимательно ее слушал.

Когда Истон это говорит, он пожимает плечами и проводит пальцами по волосам, я обычно делаю то же самое, когда чем-то расстроен или растерян. Оба этих чувства переполняют меня прямо сейчас.

— Я получила сегодня от нее электронное письмо с комментариями по последней графике игроков, которую отправляла. Подождите, я проверю, в котором часу это было, — вступает в разговор Джей, пока ищет сообщения на своем телефоне.

Ее лицо сникает, когда она, наконец, находит то, что искала.

— О, это было в девять пятьдесят утра.

Следующие сорок минут я провожу в переговорах со своим сотовым оператором только для того, чтобы узнать, что сообщения на телефон Блейк действительно были отправлены с моего старого телефона приблизительно в час тридцать дня, и что ДжиПиЭс локатор на нем был отключен. Это все подтверждает. Мой пропавший телефон должен быть связан с исчезновением Блейк. Кто бы ни организовал ее так называемую встречу со мной, этот человек был достаточно умен, чтобы сделать все так, чтобы мы не смогли отследить отпечатки его пальцев или ДНК.

Наша следующая задача — посмотреть записи с камер наблюдения, установленных в офисе. Я делаю звонок начальнику своей службы безопасности и уже через десять минут получаю пленку с камер, расположенных прямо напротив двери моего кабинета. Перемотав кассету на тот отрезок, что был снят днем, мы видим, что только один человек помимо моей помощницы заходил в него за все то время, пока меня не было.

Эмерсон Листер.

Во мне кипит ярость от того, что меня предали, и я сам боюсь того, что способен сделать, когда доберусь до нее. Друг она семьи или нет, на этот раз она перешла все границы.

— Найдите ее. Немедленно.

Глава 2. Блейк

(Silence — Delerium ft. Sarah McLachlan)

Я проснулась, но не осмеливаюсь открыть глаза. Мои руки, перетянутые грубой веревкой, впивающейся в нежную кожу запястий, привязаны над головой к изголовью кровати, а ноги лежат свободно. Свернувшись калачиком под затертым, пропахшим плесенью одеялом, покрывающим обнаженное тело, я лежу и считаю каждый вздох, размышляя над тем, какой из них будет последним. Холод пробирает меня при мысли о том, какие муки мне предстоит вынести, заставляя каждый миллиметр кожи покрыться мурашками, а зубы отплясывать чечетку. Ужас ситуации, в которой я оказалась, пронизывает меня до самых костей.

Я понятия не имею, где я нахожусь и как я сюда попала. Я не знаю день сейчас или ночь, и какое сегодня число. Но я точно знаю, кто в ответе за то, что я здесь очутилась.

Эта вероломная, ревнивая сука Эмерсон. Когда я услышала ее разговор с другой на дне рождения Мэддена, мне следовало догадаться, что она ни перед чем не остановится, чтобы снова прибрать его к рукам. Но я опять была слишком занята головокружительным романом с мужчиной, который казался слишком хорошим, чтобы быть реальным, и позволила себе ослабить бдительность, стать слепой к тому, что происходило вокруг. Я твердила себе, что больше не повторю подобной ошибки, и вот, меньше чем через несколько месяцев с начала новой жизни, я снова вляпалась в то же самое.

Я такая долбанная идиотка.

Образ Эмерсон, неожиданно возникшей передо мной, сидящей закинув ногу на ногу, в ожидании меня на заднем сидении лимузина с надменной гримасой на высокомерном лице, навсегда будет запечатлен в моей памяти. Великолепно уложенные рыжие локоны, обрамляющие ее также идеальное лицо в форме сердечка. Широкая, злобная усмешка, демонстрирующая безупречные, ровные белые зубы. Яркие изумрудные глаза, победно блестящие, когда в ограниченном пространстве между нами громко произносится вслух мое настоящее имя.

Мне следовало знать, что новая жизнь не продлится долго. Я прекрасно понимала, что вряд ли смогу все начать заново, что, в конце концов, меня найдут. В тот день, когда я нажала на курок, выстрелив в Иса, я подписала себе смертный приговор. Переезд в Калифорнию и новая личность лишь отсрочили неизбежное.

Единственный способ покинуть мафию — умереть, и я могу только надеяться на то, что смерть будет максимально быстрой. Но я прекрасно осознаю, что мой бывший свекор уже придумал особенно изощренные пытки, чтобы перед тем как отправить меня на тот свет причинить как можно больше боли женщине, которая убила его сына. Законнорожденный или нет, Ис был его плотью и кровью, и Винсент не успокоится, пока я не отвечу за это своей плотью и кровью.

Шаги. Звуки тяжелых шагов, зловеще раздающихся снаружи, по мере приближения становятся все громче. Они пугают меня и заставляют прекратить счет. Дрожа от дурного предчувствия, я переворачиваюсь на живот и зарыва-

уюсь лицом в матрас, мысленно моля о милосердии.

Посетитель громко топает внутри и ворчит, включая верхний свет, прямо перед тем, как за ним захлопывается дверь.

— Просыпайся и покажи свое лицо, девочка, — приказывает мужчина грохочущим баритоном.

Его сильный акцент мне незнаком, возможно, он откуда-то из Восточной Европы, но определенно не итальянец.

— Мы скоро уезжаем.

Крепко зажмурив глаза, я игнорирую его приказ. Бесконечное множество вопросов крутится у меня в голове, пока я отчаянно пытаюсь собрать головоломку. Если я не у Винсента и не у итальянцев, то тогда где же я? Кто еще мог меня похитить? И как с этим связана Эмерсон?

— Покажи лицо, — резко повторяет он, подходя к кровати. — Не создавай еще больше проблем.

Я упрямо продолжаю лежать, явно отказываясь перевернуться и взглянуть на него. Мои ладони, подмышки, подколенные впадины стали мокрыми и липкими от пота, потому что нервная система переключилась в режим повышенной опасности. Правду говорят, что страх можно почувствовать по запаху, и прямо сейчас я его источаю.

С его губ со свистом срывается раздраженный вздох, когда он хватается простыню и резко тянет ее вниз по моим бедрам, открывая обнаженную спину и попу. Я инстинктивно напрягаюсь, ожидая, что сейчас последует удар... Но ничего не происходит.

Матрас прогибается под его весом, когда он садится на кровать рядом со мной и наклоняется так, что его рот отказывается всего лишь в паре сантиметров от моего уха:

— Девочка, я не хочу причинять тебе боль, но я сделаю все необходимое, чтобы заставить тебя сотрудничать. Я еще раз попрошу тебя показать лицо, а потом мне придется применить силу.

Его теплое дыхание опалает мне шею, посылая волну дрожи по позвоночнику. Так же как его акцент, его запах кажется мне незнакомым, это едкая смесь каких-то экзотических специй и чудовищной опасности. Мое сердце неистово стучит по ребрам, когда на меня накатывает осознание реальности ситуации. Без тени сомнения я понимаю, что вот-вот умру, и именно поэтому я продолжаю упрямиться, чтобы максимально осложнить ему работу.

— Да пошел ты, — хриплю я в простыню, кривясь от болезненной сухости в горле.

— Невероятно, — рычит он, добавляя слово, которое я не понимаю, и, оттолкнувшись от изголовья кровати, снова встает. Он молча ходит туда-сюда, но не отходит далеко от кровати. Даже не видя его, я ощущаю его присутствие.

— Я понимаю, что ты меня не знаешь, но в данный момент тебе нужно понять, что я лучший друг, который у тебя есть.

Слова даются ему с трудом, потому что он пытается держать себя в руках и не реагировать на мое дерзкое поведение.

— Продемонстрируй хоть какое-то уважение и делай, что тебе говорят. Я не собираюсь причинять тебе никакого вреда, но без тени сомнения сделаю все что угодно, чтобы заставить тебя сотрудничать, — повторяет он.

Он на мгновение замолкает, и что-то мягкое падает на постель, скользнув

по моим ребрам.

— Я принес тебе кое-какую одежду. Я развяжу тебя, а ты не делай глупостей, а то снова окажешься привязанной к кровати. А теперь прошу тебя в последний раз повернуть голову и посмотреть на меня.

Голос незнакомца переполнен все более возрастающим раздражением, внутренним чутьем я понимаю, что он не из тех, кто дает пустые обещания. Очень медленно я поворачиваю голову на бок и кладу щеку на матрас. Мои сухие, покрасневшие глаза открыты, но я отказываюсь встречаться с ним взглядом и пялюсь на пустую белую стену за ним. У меня остались лишь крупицы храбрости и достоинства, именно они не дают мне полностью подчиниться ему.

Я жду, что он дернет меня за волосы или ударит кулаком в челюсть, как поступал Ис, когда я не соглашалась с его словами. Но похититель удивляет меня, потому что я слышу его глубокий, тихий смех, и инстинктивно перевожу на него вопросительный взгляд.

Я открываю рот от удивления, а потом быстро отвожу глаза. «О, черт. Он огромный. И страшный», — проносится в моей голове.

— Согласно отчетам, ты должна быть робкой и покорной, но, как я вижу, моих детективов одурачили. Нахальная и упрямая, эти слова больше тебе подходят.

Он ухмыляется, развязывая узлы на моих веревках.

— Это хорошо, я люблю, когда мне бросают вызов.

Не позволяя теплой улыбке, растянувшей уголки его губ, убедить меня в том, что он милый парень, я опускаю освобожденные руки по бокам, кривясь от боли в плечах и предплечьях, за которые я была подвешена. Резко сев, я обследую обжигающие натертые ссадины, напоминающие о моем собственном саморазрушающем поведении.

Моя жизнь — дерьмо. Хорошо то, что она долго не продлится.

— Кто ты такой, и чего ты хочешь от меня? — злобно бросаю я, сердито глядя на него. — Просто, на хер, убей меня уже, и покончим с этим.

— Меня зовут Рейз, и я хочу, чтобы ты что-то на себя надела.

На миг его пронизывающие, ледяные, голубые глаза опускаются вниз на мои голые груди, а потом он поднимает их обратно и смотрит мне прямо в глаза.

— Я не собираюсь убивать тебя, девочка, но, если ты быстро не оденешься, я могу сделать с тобой много чего другого.

Я хватаю с кровати сложенную белую футболку, слишком большую для меня, и быстро ныряю в нее. Глядя вниз, он поднимает брови на белые кружевные трусики, которые я тотчас же узнаю, потому что именно они были на мне, когда меня похитили, указывая, что они все еще лежат на покрывале. Затем, не дожидаясь моих просьб, он медленно поворачивается спиной и отходит на несколько шагов, чтобы дать мне немного уединения.

Пока он не видит, я раздумываю над тем, чтобы прыгнуть ему на спину и попытаться сбежать, но, не зная, где я нахожусь и сколько таких, как он, ждут меня за дверью, я мудро сосредотачиваюсь на трусиках. Если мне представится хоть какая-то возможность сбежать, я должна принимать умные, хорошо продуманные решения, а не поспешные и импульсивные, которые приведут меня к смерти гораздо быстрее.

Несмотря на то, что теперь на мне достаточно одежды, чтобы прикрыться, я продолжаю, сидя по-турецки на матрасе, натягивать простыню на ноги и грудь. Когда незнакомец чувствует, что я готова, он поворачивается на пятках обратно и испытующе глядит на меня, удивленное выражение начисто стерлось с его лица.

До этого момента я была слишком напугана, чтобы разглядеть что-то кроме его приковывающего к себе взгляда. Я не успокоилась и не стала более оптимистично смотреть на ситуацию, в которой оказалась, но полагаю, что если бы понадобилось, он убил бы меня вне зависимости от того, одета я или нет. Поэтому пока он идет обратно к кровати, я быстро, но внимательно рассматриваю своего похитителя на тот случай, если по какому-то невероятному стечению обстоятельств мне удастся сбежать, и потом надо будет описать его властям.

Его прямые русые волосы коротко подстрижены сзади, а спереди остаются длинными и непокорными, хотя и не похожими на сексуальную прическу, уложенную так, как будто только что он встал из постели. Нет, он просто выглядит как мужчина, которому наплевать на внешность и у которого есть более важные дела, чем заниматься своими волосами. Пугающий неровный шрам, начинающийся под левой бровью, зигзагом спускается по скуле, где терется в многодневной щетине, покрывающей его грубо очерченную, худую, обтянутую кожей челюсть. На нем надета черная футболка с длинным рукавом, что я нахожу странным, учитывая, что сейчас лето, черные брюки, заправленные в тяжелые черные военные ботинки, и все это плотно обтягивает его мощное тело. Он выглядит, как убийца. Потрясающий... опасный... странно прекрасный. Как ангел смерти.

— Вижу, твои мозги работают на всю катушку, девочка, но не торопись. Терпение. Ты все узнаешь в свое время, — говорит он, склоняясь над кроватью, и сохраняя при этом довольно значительное расстояние между нами.

— Где Эмерсон? Чего ты хочешь от меня? — выкрикиваю я, игнорируя его предыдущую фразу.

— Я понятия не имею, кто такая Эмерсон, и прямо сейчас я хочу, чтобы ты заткнулась, — парирует он, качая головой.

Он бормочет что-то, что я не могу понять, прежде чем добавить:

— Вы, американцы, вообще когда-нибудь можете просто послушать, что вам говорят?

— Что это за язык? Кто ты такой? Где я?

Он хмурит брови и поднимает руку вверх:

— Заткнись, — орет он. — Если ты просто, на хер, помолчишь одну минуту и дашь мне сказать, я расскажу тебе то, что тебе нужно знать.

Решив, что в моих же интересах держать рот на замке, я сжимаю губы в тонкую прямую линию и наклоняю голову к нему, показывая, что приступ гнева закончен. По крайней мере, пока.

— Как я уже тебе говорил, меня зовут Рейз, мы находимся в одном из многочисленных домов, принадлежащих моему деду Анатолию Кабинову, который в данный момент ждет внизу, чтобы увидеть тебя.

Глубоко выдохнув, он делает короткую паузу, но при этом продолжает пристально смотреть на меня:

— Готовься, девочка. Ты вот-вот станешь самой важной пешкой в самой

большой войне мафий, которую когда-либо видела эта страна.

Глава 3. Блейк

(Enter Sandman — Metallica)

Все мои чувства обострены, когда я иду из спальни, где меня держали, вслед за Рейзом в другую часть этого места, напоминающего обычный дом, ну, обычный, как я полагаю, для главаря Русской мафии.

Комната, из которой мы вышли, расположена в конце длинного коридора. По пути к круглой мраморной лестнице, ведущей вниз к величественному фойе, я обращаю внимание, что все остальные двери закрыты. Самые высокие потолки, которые я когда-либо видела, украшены искусной лепниной, зал освещен роскошными, безвкусными хрустальными люстрами, а полы выложены, как я полагаю, какой-то редкой и дорогой плиткой, составляющей замысловатый узор. Дом скорее больше похож на музей, чем на место, где живут.

На стенах нет ничего, что могло бы рассказать о его обитателях: никаких семейных фотографий или каких-либо других знаков, оставленных теми, кто его населяет. Вестибюль, где я стою за спиной Рейза, ожидая его дальнейших указаний, пуст: в нем полностью отсутствует какая-либо мебель. Сквозь закрытые французские двери слева от нас я замечаю группу мужчин, собравшихся вокруг массивного дубового обеденного стола. Я не позволяю взгляду задерживаться на них, потому что боюсь встретиться с любым из них глазами.

— Когда двери откроются, я провожу тебя внутрь, — не оглядываясь, объясняет Рейз. — Держись поближе ко мне, и они тебя не тронут. Молчи, пока пахан сам тебя не спросит. Не обращай внимания на то, что болтают другие. Говори правду о том, что тебе известно, девочка, или он обо всем догадается. А мой дедушка не любит врунов.

Я киваю, подтверждая, что все поняла, и, хотя Рейз меня не видит, каким-то образом он чувствует это.

— Хорошо.

Он смотрит вниз на свои часы, а потом переводит взгляд на мужчин.

— Это займет всего несколько минут. Потом тебе разрешат поесть и принять душ.

Я опять киваю, но ничего не говорю. Мой мозг лихорадочно работает, на бешеной скорости обрабатывая те крупицы информации, что мне известны об этой ситуации. В тот момент, когда Рейз произнес фамилию Кабинов, я тотчас же связала ее с человеком, которого Винсент приказал убить Ису в ту ночь, когда я пряталась в шкафу, что и стало причиной кровавой войны за сферы влияния, которая началась пару лет назад в Чикаго.

Но, если Кабиновы ненавидят Риччи, что они хотят от меня? Может, собираются продать Итальянцам? Что имел в виду Рейз, когда назвал меня пешкой? И какое, черт возьми, отношение к этому имеет Эмерсон? Связан ли с этим Мэдден? Знает ли он, что со мной произошло? Он хотя бы волнуется?

Один вопрос тянет за собой другой, а потом еще один пока, наконец, я не начинаю задыхаться под этой грудой. Мне отчаянно хочется схватиться за шею, вцепиться в липкие побеги, обернувшиеся вокруг горла, угрожая перекрыть кислород. Мои зубы погружаются в плоть на внутренней стороне щеки,

специально стараясь выдавить оттуда побольше крови в надежде, что тогда мне удастся сделать глоток и вдохнуть хоть немного воздуха. Рейз становится передо мной неясным силуэтом, и прежде чем меня накрывает тьма, дверь открывается настежь, и глубокий, грохочущий голос, прорываясь сквозь окутавший туман, вырывает меня из панической атаки.

— Рейз, — рывкает мужчина, презрительно улыбаясь в мою сторону, прежде чем добавить что-то типа: — Sookah. Siy-chas.

Повернув голову, Рейз наклоняется и предупредительно смотрит на меня, а потом широким шагом, не сказав ни слова, направляется туда, где все уже собрались. Я стараюсь не отрываться от него, игнорируя приглушенный шепот, начавшийся, как только мы вошли в комнату. Большинство слов я все равно не могу разобрать. Сфокусировавшись прямо перед собой на спине Рейза, я едва не врезаюсь в него, когда он резко останавливается. К счастью, мне удастся сохранить равновесие и при этом не ухватится за него, и я быстро прихожу в себя.

Почти все во мне пытается вынудить меня посмотреть вокруг. В этот момент я осознаю, что мы находимся рядом со стулом, который правильнее было бы назвать тронем, стоящим во главе стола. Человек, выглядящий как точная семидесятилетняя версия Рейза, выпрямившись, сидит на позолоченном сидении и оценивающе разглядывает меня, власть и сила сочатся из его пор.

— Мисс Оливейра... — начинает он, но я быстро его обрываю.

— Блейк, — поправляю я. — Меня зовут Блейк Мартин.

С вызовом подняв подбородок, я выдерживаю его взгляд, не обращая внимания на то, как все в комнате дружно выдохнули.

Тело Рейза рядом со мной напрягается, и я готова принять наказание за неуважительное поведение. Пока русский старик несколько мгновений изучает меня, его лицо превращается в камень. Несколько долгих мгновений оглушающей тишины. Затем, к моему удивлению и к еще большему удивлению окружающих, уголки его рта начинают подниматься вверх, и прежде чем я успеваю сообразить, он заливается едва сдерживаемым смехом.

Все, включая меня и Рейза, не двигаются и ждут, пока мужчина перестанет... Все, кроме парня, стоящего на страже у входа, того, который позвал нас зайти. Едва слышный смешок срывается с его губ, и тотчас же человек, который, как я полагаю, был Анатолием Кабиновым, прекращает смеяться и резко переводит ледяной взгляд в направлении двери.

— Тебя что-то забавляет, Сергей?

Я полагаю, что он использует английский специально для меня. Ему хочется, чтобы я знала, что происходит.

— Ты находишь забавным, когда твоего пахана прерывают? В этом есть что-то смешное?

Охранник вытягивается и стирает с лица следы каких-либо эмоций.

— Нет, пахан. Mne zhal.

— Мне тоже жаль, — бесстрастно отвечает старик, и, подняв брови, поворачивается, молча обращаясь к другому джентльмену, сидящему за столом. Раздается скрежет стула об пол, когда этот мужчина встает, подходит к охраннику и перерезает тому горло спрятанным за поясом ножом. Затем, под молчание всех присутствующих в комнате, он возвращается на место и кивает.

Мне с трудом дается каждый вздох, в отчаянных попытках сдержать оче-

редной припадок. Никто не обращает внимания на безжизненное тело, лежащее в луже крови буквально в полуметре от остальных, но все мое тело трясется от ужаса. Я опускаю глаза и замечаю разницу между своей крошечной ступней и огромными военными ботинками Рейза рядом, впечатляющее доказательство того, как я слаба и незащищена среди этих людей. Людей, которые так мало ценят жизнь других. Людей, похожих на Иса Оливейру и Винсента Риччи.

— Да, мисс Мартин, — Анатолий поправляется, ведя себя так, как будто разговор и не прерывался на небольшое, совершенное мимоходом убийство. — Я прошу прощение, если вам показалось, что я отнесся к вам без должного уважения. Я могу понять ваше желание оградить себя от любых ассоциаций с такими людьми, как ваш покойный супруг.

Поднимая на него свой объятый ужасом взгляд, я шепчу:

— Да, спасибо.

— Конечно, в моем доме вы гость, — бахвалится он, добавляя цинизма в свою речь. — И должен признать, что хотя я и ужинал с королями, вы первая Американская принцесса, с которой я имел честь встречаться. Прошу прощения за то, что не подготовился лучше к вашему пребыванию здесь, но ваш приезд был несколько спонтанным.

При упоминании прозвища, придуманного для меня Исом, прозвища, которое сияло в газетных заголовках по всему миру еще долго после его убийства, я резко втягиваю в себя воздух, но усилием воли не издаю ни звука. Этот русский играет со мной в какие-то игры разума, и я отказываюсь легко сдаваться.

— Сэр, уверена, вам хорошо известно, что я не принцесса, — отвечаю я с принужденной, вежливой улыбкой. — И если вы мне скажете, почему я здесь, я сделаю все от себя зависящее, чтобы помочь вам, а затем вернуться к своим делам.

Соединив пальцы обеих рук перед лицом, он с минуту обдумывает мои слова, стуча друг об друга указательными пальцами напротив своих сморщенных губ.

— Вам известно, кто я, мисс Мартин?

Я киваю.

— Да, сэр. Вы Анатолий Кабинов, самый главный босс русской организованной преступности в Штатах.

— Откуда ты знаешь, кто я? — настаивает он. — И не говори мне, что тебе рассказал мой внук. Я хочу знать, что тебе известно.

Чувствуя, что я колеблюсь, Рейз бросает на меня угрожающие взгляды, напоминая о своем предупреждении. Я тяжело сглатываю — у меня на языке все еще остался металлический привкус крови — прежде чем открыть рот и сообщить все, что я знаю.

— Однажды вечером, пару лет назад, я подслушала разговор моих бывших свекра и мужа, они обсуждали вас и возросшую активность вашей семьи в районе Чикаго.

Мой голос дрожит, слова вылетают скороговоркой.

— Винсент приказал Ису взять двух его людей и отправиться на какой-то склад, где они должны были покончить с вашим внуком, Алексеем Кабиновым, и всеми, кто с ним был.

Гнев вспыхивает в глазах Анатолия, а вся комната приходит в движение,

все кричат, перебивая друг друга... все кроме Рейза. Он превратился в застывшую статую, его лицо вселяет ужас. До меня только теперь доходит, что раз Анатолий и его дед, то Алексей, наверное, приходился ему братом или кузеном.

Потеряв убитых Винсентом собственного брата и маму, я чувствую необъяснимый порыв протянуть руку и взять его ладонь, желание утешить его, но прежде чем я успеваю поддаться необдуманному импульсу, Анатолий вскакивает на ноги, заставляя всех вокруг замолчать.

— Ты уже оказала нам любезность, убив человека, который держал нож, и мы за это тебе благодарны. Но теперь ты должна закончить работу. Если ты хочешь прожить свою жизнь как Блейк Мартин, ты также заберешь жизнь у того, кто отдавал приказы расправиться с моим внуком и другими членами нашей семьи.

Со злодейской улыбкой на лице, обнажающей прекрасные белые зубы, он пронизательно смотрит на меня:

— Убей Винсента Риччи, принцесса, или присоединишься в могиле к своему бывшему ублюдку мужу.

Глава 4. Мэдден

(Sad Song — We The Kings)

Остекленевшие, налитые кровью глаза, выглядывающие из-под полуприкрытых век, смотрят на меня из зеркала, а грубая темная щетина, неровно пробивающаяся по горлу, покрывает нижнюю часть лица. Только что принятый обжигающе горячий душ не смог смыть следы бессонной ночи, проведенной за телефоном и компьютером в неистовых попытках найти хоть какие-нибудь подсказки, где может находиться Блейк. Я всегда гордился своим умением сохранять спокойствие, хладнокровие и сосредоточенность в любой ситуации, поэтому этот потерянный, с явными следами похмелья вид — для меня нонсенс. Но дело в том, что я выгляжу ровно так, как себя чувствую — растерянным, обезумевшим, отчаявшимся.

Я балансирую на грани безумия, держась за единственную ниточку надежды... надежды, что она жива. К несчастью, единственный человек, которому, как я наверняка уверен, известно местонахождение моей девушки, внезапно решил отправиться на каникулы с друзьями на катамаране на весь уикенд. И я ни на секунду не поверю, что это простое совпадение. Эмерсон знала, что если она будет за сотни миль от берега, мы не сможем разыскать ее по сотовому телефону. Но когда-нибудь ей придется вернуться. Судя по тому, что она сказала своим родителям, это случится завтра днем. И я буду первым, кто встретит ее на пристани. И потребует ответы.

Но до тех пор я не собираюсь сидеть на месте. Нет, я должен что-то сделать, собрать всю информацию, какую только смогу. Из того немногого, чем Блейк поделилась со мной и Джей, вырисовывается какая-то мрачная, зловещая история, и я боюсь, что ее прошлое настигло ее. Я только не могу понять, как с этим связана Эмерсон.

Я резко встряхиваю головой вперед-назад, вырывая себя из беспрестанных мыслей, кишащих в голове, и заставляю себя действовать. Сидя здесь и таращась целый день на свое отражение, я не получу больше никаких ответов, кроме тех, что есть у меня сейчас, поэтому я отталкиваюсь от мраморной раковины, бреду к карго-шортам и футболке, которые принес с собой в ванную, и быстро натягиваю их, прежде чем спуститься вниз.

Истон и Джей, все еще во вчерашней помятой одежде, сидят за столом, перед ними — яичница с беконом, а в руках они держат по горячей, дымящейся кружке кофе. Судя по тому, как тихо они сидят и гоняют еду по тарелке, кажется, никто из них не проявляет особого интереса к пище. Хлопоча по кухне в каком-то безумном ритме, Сара поднимает глаза, когда я захожу в комнату, и тотчас же по ее мрачному выражению лица я понимаю, что они ей уже все рассказали.

— О, сеньор Мэдден. Почему вы не позвонили мне вчера вечером? — спрашивает давно работающая у меня домоправительницей женщина с размазанными под встревоженными глазами пятнами туши и свежими слезами, застывшими на покрасневших веках.

— Я могла бы прийти помочь. Вы же знаете, как я люблю это бедное дитя.

Кивнув, я широкими шагами направляюсь к ней, чтобы утешить и обнять. Вскоре после того, как мы с Блейк начали встречаться, Сара оказалась свиде-

тельницей одного из ее приступов и с тех самых пор стала по-особенному относиться к моей девушке, как заботливая мать.

— Сара, ты ничего не смогла бы сделать, — шепчу я, держа седовласую латиноамериканскую леди в своих руках. — Пока не вернулась Эмерсон, мы с Джей и Истоном съездим на квартиру Блейк и поищем — может быть, там найдутся какие-то подсказки.

Высвободившись из объятий, она делает шаг назад и вытирает слезы со щек:

— Разве вы уже не сообщили в полицию? Разве не должны они уже ее искать? Должен же кто-то что-то делать?

— Да, сообщили, — заверяю я ее. — Но так как Блейк — взрослый человек, и нет никаких следов насилия, они не могут ничего сделать, пока не пройдет двадцать четыре часа с момента ее исчезновения. Вчера поздно вечером мне удалось переговорить с одним из следователей, и он посмотрит, что сможет узнать. Но мы не стали рассказывать ему об Эмерсон, текстовых сообщениях и их возможной связи, решив сначала поговорить с ней самой.

— *Ay Dios Mio*[1]! — пронзительно кричит она, с недоверием глядя на меня. — Почему не стали? Я не понимаю. Очевидно, что она не могла сама исчезнуть. Зачем вы покрываете эту... — она морщит нос, как будто попробовала что-то отвратительное на вкус, прежде чем выплюнуть последние слова — *pinche bruja*[2].

— Сара, пока мы не узнаем, с кем имеем дело, нам следует с осторожностью рассказывать о том, что нам известно, — объясняю я, подходя к кофемашине и беря из шкафчика над ней дорожную кружку, хотя сомневаюсь, что кофеин хоть сколько-нибудь уменьшит степень моего переутомления. — Тебе известно, что она столкнулась в жизни с чем-то плохим. И мы не знаем, Сара, на что способны эти люди.

Уходя, она по-испански бормочет что-то еще себе под нос, явно не соглашаясь с моим видением ситуации. Мне понятен ее гнев и огорчение. Боже, действительно понятен. Но у меня есть плохое предчувствие по поводу того, чтобы сообщить обо всем властям, не переговорив с Эмерсон. Проблема в том, что те люди, с которыми она была связана до того, как переехала сюда и начала новую жизнь, скорее всего не самые законопослушные граждане, а мне отвратительна сама мысль о том, чтобы, подключив полицию, подставить под удар ее безопасность, особенно если мы сами в состоянии решить это дело.

Если они хотят денег, я заплачу им столько, сколько они попросят. Все, что у меня есть. Я хочу лишь вернуть свою сладкую девочку. Целой и невредимой. Я хочу держать ее в своих объятиях, смотреть ей в глаза и говорить, что люблю ее, то есть наконец произнести вслух то, чего я так долго избегал. Но, к сожалению, мне кажется, что если бы это было из-за денег, то мы бы уже получили звонок или записку с требованием выкупа.

Налив кофе, я гляжу на своего брата и Джей и, слегка вздернув подбородок, как бы молча говорю им: «Пошли». Они тут же встают, благодарят Сару за завтрак, к которому даже не притронулись и идут, чтобы взять свои вещи с барной стойки. Мы стерли себе языки, обсуждая эту ситуацию, и теперь просто надеемся, что сегодня нам удастся обнаружить что-нибудь еще.

— Не знаю, во сколько я вернусь. Я где-нибудь перекушу, — говорю я Саре, беря ключи и телефон. — Так что, как только закончишь работу, можешь ид-

ти. Если я что-нибудь узнаю, я тебе позвоню.

— Я буду молиться, — торжественно и серьезно отвечает она, когда мы втроем выходим через заднюю дверь.

Ну вот, нас уже двое.

* * *

Попасть в квартиру Блейк было нетрудно, потому что у меня хранился запасной ключ и коды от сигнализации с тех пор, когда я пару месяцев назад приезжал за ее одеждой, пока она лежала в больнице. Это случилось в тот самый день, когда я нашел в ящике конверт с фотографиями. В тот день, когда я украл ее старую фотографию тех времен, когда она была подростком, чтобы спрятать в своем столе. Тогда я не мог понять, почему она их скрывала, но сегодня лишь смею надеяться, что у нее в квартире еще что-нибудь припрятано, что-нибудь, что могло бы подсказать направление нашим поискам.

— Ладно, я посмотрю в спальне и гардеробной, — заявляю я, как только мы втроем оказываемся внутри и отключаем сигнализацию. — Джей, за тобой кухня и ванная комната, а ты Истон начинай в гостиной. Смотрите за картинами, в ящиках, за диванными подушками... везде. Берите все, что может показаться полезным. Все, что помогло бы связать ее с кем-то или чем-то определенным. Письма, записки, что угодно.

Они оба согласно кивают и приступают к работе, а я шагаю по короткому коридору в спальню. Остановившись в дверях на мгновение, я делаю глубокий вдох и внимательно оглядываю комнату, ища какую-нибудь зацепку. Комната практически стерильна. Кровать аккуратно заправлена: ни на покрывале, ни на подушках нет ни единой морщинки или складочки. На тумбочке, маленьком столике и ламинате пола не разбросано никаких личных вещей. Их гладкие и ровные поверхности выглядят так, как будто их только что вымыли.

Вспоминая, как будучи здесь в первый раз я сравнил ее квартиру с выставочным образцом, я задумался над тем, всегда ли она так жила — в обезличенном месте без тепла и уюта, без души, и шестое чувство подсказывает мне, что не в этом дело. Откуда бы она сюда не переехала, все выглядит похожим на то, что Блейк решила не привязываться к этому месту... Но почему? Единственный разумный ответ, что у нее, возможно, возникнет необходимость внезапно покинуть этот дом, но это создает еще большую гребаную кучу вопросов, на которые у меня нет ответов.

Я с раздражением выдыхаю и провожу пальцами по волосам, решив начать с гардеробной. Именно там я храню свои личные и наиболее ценные деловые документы и надеюсь, что она поступает так же.

Сняв всю одежду с металлической рейки, я сваливаю ее на кровать, чтобы иметь возможность получше осмотреть маленькое прямоугольное пространство, но, к сожалению, это ничего не дает. В комнатке передо мной предстает лишь пустой закуток с несколькими парами туфель, аккуратно расставленными вдоль плинтуса. Никаких шкафчиков. Никакого потайного сейфа. Вообще ничего.

Моя следующая цель — пространство под кроватью, но там тоже все чисто и нет никаких заваливавшихся вещей. Ругнувшись себе под нос, я начинаю тщательный осмотр ее находящейся в идеальном порядке тумбочки, когда слышу встревоженный крик Джей:

— Мэдден! Подойди сюда, быстро! Взгляни на это.

Я бросаю тубик гигиенической губной помады и упаковку бумажных носовых платков, хлопнув, задвигаю ящик и несусь в гостиную, где они с Истоном уже склонились над стопкой бумаг, разложенных на кухонном столе.

— Что? — требую я, протискиваясь между ними, чтобы рассмотреть получше находку. — Что ты нашла?

— Это ее договор аренды на эту квартиру, но посмотри сюда, — настаивает маленькая азиатка, указывая на середину страницы печатного текста. — Здесь не указано ни ее место работы, ни арендная история. Странно, что ей сдали квартиру, не спросив ничего из этого.

Истон, внимательно щуря глаза, берет другой листок:

— Кто-нибудь из вас знает некоего Оуэна Доэрти?

— Нет, — отвечаем мы с Джей в унисон, переводя внимание на бумагу, которую он держит.

— Он указан в договоре как лицо, с которым надо связаться экстренном случае. Думаете, нам стоит позвонить по этому номеру?

Уставившись на черные буквы, я стараюсь припомнить, слышал ли когда-нибудь это имя, крутящееся теперь у меня в голове, но без толку. Ни одного проблеска памяти. Она никогда раньше его не упоминала. Я в этом уверен.

— Я не знаю, — признаюсь я.

Мне неловко звонить какому-то незнакомцу и сообщать ему об исчезновении Блейк, я все еще хочу сначала переговорить с Эмерсон.

— Это может быть кто угодно. Мы понятия не имеем, кем он ей приходится. Может, нам сначала стоит погуглить это имя.

— Поддерживаю, — объявляет Джей, беря еще один лист, чтобы поискать там другие зацепки. — Но думаю, что мы в любом случае должны позвонить. Если Блейк решила, что этому человеку нужно звонить в случае необходимости, а я знаю, что это ее почерк, значит, мы должны с ними связаться. Возможно, он сможет помочь нам, пока мы тут дожидаемся, когда вернется эта, как там ее... девица.

Взглянув на Истона, я вижу, что он кивает в знак согласия, пока я печатаю на телефоне в поисковике имя. Ужас сжимает мой желудок, когда экран, обновившись через несколько секунд, выдает мне тысячи ссылок на Оуэна Доэрти, помощника директора, главу подразделения по защите свидетелей Службы маршалов США.

Мы все изумленно пялимся на экран, каждый соображая про себя, что бы это значило. Поначалу меня захлестывают эмоции, и я говорю себе, что это не тот человек. Блейк не может иметь никакого отношения к программе защиты свидетелей, в конце концов, она живет открыто, не прячась. Но, пролистывая результаты поиска, я вспоминаю, что она всегда была настороже, когда мы куда-нибудь ходили, ее сканирующий взгляд никогда не дремал. Затем я мысленно возвращаюсь к ее радикальной смене цвета волос и прически по сравнению с фотографией, которую я нашел. Вся ее семья мертва. Ничего не известно о ее жизни до того, как она появилась этой весной в Калифорнии. Ну и конечно, ее ночные кошмары и приступы, во время которых она наносила себе увечья.

И вот тогда картинка складывается. Я не знаю, кто похитил мою Блейк. Я не знаю, почему. Но я знаю, что моя Блейк и не Блейк вовсе.

Глава 5. Блейк

(Drown (Acoustic Version) — Citizen)

— Встать! Пошла! Быстро! У нас нет времени, — грубо требует Рейз, врываясь в комнату.

Дверь с громким стуком бьется о стену, разнося за собой глухое эхо. Когда он раздражен, его русский акцент становится сильнее. Еще этим утром, когда Рейз принес мне завтрак и чистую футболку, я понимала, что он говорит, а сейчас до меня едва доходит смысл сказанного.

Его бешеные голубые глаза буравят комнату до тех пор, пока не натыкаются на угол, где, свернувшись на корточках, сижу я. И когда я сразу же не вскакиваю с места, он медленно поворачивается и идет ко мне.

— Девочка, ты что, глухая? Я сказал, что мы должны ехать. Немед...

Остановившись на полпути, Рейз замечает спагетти, недавно принесенные мне на ужин домработницей (я полагаю, что это была именно она). Теперь остатки этих спагетти прилипли к стене, в которую я их бросила, прямо над осколками тарелки, в которой их подали. В ладони между дрожащими пальцами я сжимаю фарфоровый осколок. Самый острый, какой смогла найти.

Я ничего не говорю, но при этом не свожу с него взгляда. У меня есть только доля секунды, чтобы принять решение, попытаться ли мне сбежать сейчас, используя мое самодельное оружие, или подождать более подходящей возможности. Целый день я провела, пытаюсь разобрать звучащие за стеной приглушенные голоса и следя в окно за тем, как приезжают и уезжают автомобили. Я старалась собрать как можно больше информации о том, где я нахожусь, и о людях в доме. Но мне не удалось узнать почти ничего, кроме того, что Рейз оставался здесь со мной почти все время.

После того, как прошлой ночью Анатолий сообщил мне, зачем я здесь, Рейз проводил меня обратно в комнату, в эту комнату, где мне позволили принять душ и дали миску риса с курицей. Остаток ночи я без сна лежала в темноте под аккомпанемент стрекотания сверчков, доносившийся снаружи, и моих противоречивых мыслей. Мыслей, которые варьировались от планирования побега до предвкушения, насколько сладка будет месть, если я действительно убью Винсента Риччи.

Я до сих пор не могу понять, где я ошиблась, но знаю, что не хочу оставаться пленницей, не хочу делать чью-то грязную работу. Я слишком долго была игрушкой в руках Иса и сделала то, что должна была сделать, чтобы выбраться из этой ужасной ситуации, хотя это и означало убить человека, в которого я была когда-то влюблена. Я никогда больше не буду такой наивной девочкой. Моя судьба в моих руках, и я, не задумываясь, отниму жизнь у любого из этих людей, чтобы вернуть себе свободу. Ради этого я готова рискнуть собственной жизнью.

Но судьба все решила за меня, когда Рейз, резко вырвав из воспоминаний, ворча что-то на русском, сгребает меня с пола, и, перекинув через плечо, несет к кровати. Он швыряет меня на постель, и я даже не успеваю оказать ему сопротивление, прежде чем он забирается на меня, удерживая на месте силой своих ног. А потом я чувствую сбоку на шее молниеносный укол.

* * *

Когда я прихожу в себя, уже знакомая с тех пор, когда меня накачали наркотиками в первый раз, дымка затуманивает мне взгляд. Я опять не имею представления о том, где нахожусь и сколько пробыла без сознания. Дурман медленно начинает рассеиваться, и я осознаю, что лежу на коричневом диване, обитом замшей, укрытая клетчатым фланелевым одеялом. Обитые деревянными панелями стены, открытые балки на потолке и языки пламени, пляшущие в угловом камине — вот и все, что я вижу. Мне сразу же приходит на ум, что я нахожусь в какой-то хижине... но где? И почему? Именно здесь я должна встретиться с Винсентом?

Несмотря на то, что я укрыта одеялом и лежу недалеко от камина, в воздухе чувствуется холод. Хотя, возможно, это из-за того, что на мне из одежды только тоненькая белая футболка, которую дал мне Рейз, и мои собственные трусики, и я до сих пор понятия не имею, что случилось с платьем, которое было на мне во время похищения. С другой стороны, снаружи достаточно холодно для того, чтобы я почувствовала, как холод пробирается к костям, что явно не похоже на конец лета в Южной Калифорнии.

— Ааа, уже проснулась. Я думал, ты проспишь до самого утра, — удивленно заявляет Рейз, неожиданно возникая из-за низкой перегородки со стаканом воды и тарелкой, доверху наполненной едой.

Его тяжелые ботинки в три широких шага пересекают потрепанный ковер, и он садится в такое же потрепанное кресло, стоящее напротив дивана.

От взгляда на пищу, которую он, наклонившись, ставит на кофейный столик, мой желудок начинает громко урчать. Вид сэндвичей и фруктов напоминает мне, что не ела я уже довольно давно. Его глаза глядят сначала на меня, потом быстро переходят на тарелку, а затем обратно на меня, прежде чем он огорченно хмурит брови.

— Если бы ты не вела себя как капризная девчонка и не швырнула бы свой завтрак об стену, ты бы сейчас не была так голодна, — отчитывает он меня, протянув половинку сэндвича.

Дважды не раздумывая, я сажусь, беру его и откусываю огромный кусок, отчаянно пытаюсь утихомирить ощущение пустоты в желудке.

— Я не люблю итальянскую кухню, — бормочу я, жуя.

— Хмм, — хрюкнув, он отпивает маленький глоток из стакана, а потом толкает его через стол ко мне.

— Дай я угадаю. И бразильскую тоже?

Качая головой, я заканчиваю есть холодное тонко нарезанное мясо и ржаной хлеб, а после подношу к губам стакан, едва не захлебнувшись, когда прозрачная жидкость, обжигая внутренности, льется мне в горло. Не знаю, почему я решила, что это вода, но пока я изо всех сил стараюсь не сделать вдох и сдержать подступающие слезы, мысленно добавляю водку к списку тех вещей, которые мне не нравятся. Хотя это все равно не имеет значения, если мне не удастся выйти из этой ситуации живой.

— Где мы находимся? — с любопытством интересуюсь я, игнорируя ухмылку, появившуюся у него на лице, когда он увидел мою реакцию на напиток.

— Почему мы уехали из того дома?

Придвинув еще немного ближе ко мне тарелку с фруктами, он бросает виноградину к себе в рот и откидывается обратно в кресло.

— Главная новость дня: федералам сообщили о твоём исчезновении, и те-

перь тебя разыскивают по всей стране, поэтому наша основная работа пока временно откладывается. Несомненно, сначала они наведаются к твоим бывшим родственникам в Чикаго. Но так как в Лос-Анджелесе полно братвы, и мы в курсе дел Риччи, полагаю, что скоро они будут вынюхивать и в наших владениях. А здесь мы в безопасности, вдали от людей, и останемся тут, пока мне не сообщат, что все успокоилось.

Сначала, услышав, что кто-то занимается моими поисками и что наша с Винсентом встреча откладывается, я чувствую облегчение, но потом начинаю паниковать.

— Но ведь это может продлиться долго. Меня же будут продолжать искать? Разве вы не понимали, что меня будут искать?

— Понимали, — подтверждает он. — Но не так быстро. Мы считали, что у нас есть время до утра понедельника, когда ты не появишься на работе, но все пошло не так. Мы знали, что нам надо поторапливаться, но не думали, что тебя кто-то хватится до этого времени. И что этот кто-то, кем бы он ни был, не просто позвонит в местную полицию, а еще и свяжется с маршалами, потому что местные не стали бы объявлять тебя в розыск, пока с момента твоего исчезновения не прошло бы двадцать четыре часа. Поэтому мне интересно...

Я знаю ответ, прежде чем он успевает задать вопрос, но хочу услышать это от него.

— Кто? Кто заявил о моей пропаже?

Он наклоняется вперед, ставит локти на бедра и смотрит на меня с каменным выражением лица.

— Мэдден Декер, глава «Декер Энтерпрайзис».

При звуке его имени мое сердце накрывает теплой волной. Мэдден. Боже, он, должно быть, до смерти волнуется. Я была идиоткой. Настолько гребанной идиоткой, что посмела завести с кем-то отношения, зная, что что-нибудь подобное в конце концов и произойдет. Это было неизбежно. Это был лишь вопрос времени.

— Ты знаешь его, девочка? Он твой бойфренд? — осторожно прощупывает почву Рейз.

Меня охватывает жестокая ненависть, когда я, залпом допив водку из стоящего передо мной стакана, огрызаюсь:

— Разве это не ты у нас долбанная мафия? Тебе лучше знать.

От удивления моей неожиданной вспышкой ярости его тонкие губы кривятся в самодовольной улыбке:

— Обычно это так. Но мы ничего о тебе не знали с самого момента твоего исчезновения из Чикаго. Поверь, мы были так же удивлены телефонным звонком, полученным в пятницу, как и ты тем, что проснулась той же ночью у меня в доме. Все произошло очень быстро. У нас даже не было сведений, что ты находишься в Калифорнии, до того, как мы получили это предложение. И так как у меня было очень мало времени, чтобы копнуть поглубже, я обнаружил между вами лишь профессиональную связь.

Я не теряю напрасно времени на раздумья над словом «предложение», потому что терзающий меня гнев быстро превращается в тошнотворный страх, скручивающий мои внутренности. Страх за Мэддена. Страх, что я навлекла на него опасность. Страх, что с ним произойдет то же, что и с мамой и братом. Что его порежут на куски только для того, чтобы продемонстрировать мне се-

ррезность своих намерений.

Неосознанно закрыв глаза, я обнимаю себя и впиваюсь ногтями себе в бока, раскачиваясь взад и вперед. Знакомая боль оказывается странно успокаивающей. Этого не должно повториться. Этого не должно снова повториться. Я не могу допустить, чтобы из-за меня погиб кто-нибудь еще. Я лучше умру сама.

— Вы встречались с ним за пределами офиса? Зачем ему понадобилось разыскивать тебя в субботу утром?

Его акцент опять усиливается, глубокий голос, грохочущий в стенах маленькой комнаты, полон угрозы.

— Мы здесь не шутки шутим, отвечай мне немедленно!

Я молчу. Я продолжаю раскачиваться на диване, с каждым разом погружая ногти все глубже и глубже в плоть, покрывающую мои ребра, используя боль, как нить, связывающую меня с реальностью. Моей жалкой, трахнутой реальностью.

— Если ты мне не ответишь, я решу, что он такой же долбанутый, как его брат, только заботится обо всей этой придурочной семейке, — угрожает он со злобной усмешкой. — Все равно Истон слишком долго был занозой у меня в заднице.

Упоминание о брате Мэддена мгновенно все ставит на место в потемках моего сознания. Туман над недостающими частями головоломки рассеивается, и вдруг все становится таким ясным и понятным. Почти все.

Истон и есть то связующее звено между Эмерсон, Мэдденом и русской мафией. Он и есть та причина, по которой я здесь. Возможно, он прямо в этом и не замешан, или замешан, но из-за его дел с Кабиновыми Эмерсон сдала меня им. Я вспоминаю разговоры Мэддена о деньгах, которые его брат задолжал русскими и о том, как он опять отказался выплачивать эти долги. Я понимала, что это может быть чертовски опасно для меня, но слишком отдалась чувствам. Почувствовала себя слишком уютно в своем фальшивом мирке.

Я до сих пор не знаю наверняка, как они выяснили, что я — Брайли, но, по крайней мере, у меня есть хоть какие-то ответы. Это, конечно, не так уж и важно, когда я застряла здесь, в этом неизвестном богом забытом месте. Неизвестно насколько. С человеком, который в два раза крупнее меня, да и к тому же который является профессиональным киллером. Чертово дежавю.

— Почему же ты просто не убьешь меня теперь? — спрашиваю я, не расцепляя своих болезненных объятий.

— Я не собираюсь убивать вместо вас Винсента Риччи, и отвечать на твои вопросы тоже. Так что самое худшее, что ты можешь со мной сделать, это убить. Так сделай же это, наконец.

Вскочив со стула, он встает, возвышаясь прямо надо мной. Его нос прижат к моему, звериный оскал играет на его губах. Но я не уклоняюсь. И не отвожу взгляд. Он решил, что может напугать меня, но теперь, когда я смирилась с тем, что, скорее всего, в ближайшем будущем умру, его попытки стали бесполезными. Его угрожающий голос — это просто сотрясение воздуха.

— Ты идиотка? Ты так ничему и не научилась, пока была замужем за этим куском дерьма, не поняла, как все работает в нашем мире?

Своими сильными пальцами он хватает меня за шею и сжимает их достаточно сильно для того, чтобы я начала задыхаться в поисках воздуха.

— Я могу заставить тебя сделать такое, на что, как ты считала, ты никогда

не была бы способна, и теперь твой предательский взгляд точно сказал мне, кого я должен изувечить, чтобы ты это сделала.

Сипя, я плюю ему в лицо:

— Иди в задницу.

Злобно смеясь, он отпускает свою хватку и выпрямляется в полный рост, возвышаясь надо мной, как гора.

— Возможно, в один прекрасный день, если тебе повезет.

Глава 6. Мэдден

(The Knowing — The Weekend)

Я безучастно смотрю на лысеющего мужчину средних лет, сидящего напротив меня за столом, и подбираю с пола челюсть. Время остановилось в модном устричном баре на набережной, где мы сидим за столиком у окна. Потрясенный Истон — рядом со мной, а Джей в таком же безмолвном оцепенении — напротив Истоны.

Я в шоке. Да мы все в шоке. В настоящем долбанном шоке. Не в силах переварить слова, только что произнесенные маршалом Доэрти. Слова, что выжжены теперь у меня на сердце каленым железом.

Ложь. Этого не может быть. Это было моей первой мыслью, хотя я понимаю, что все, что он говорит, правда. У него нет причин лгать. Он показал мне статьи на своем смартфоне. Там на фотографиях была она. Такая же, как на тех фотографиях, спрятанных в ящике в ее гардеробной. Как на той, что взял я и что храню теперь у себя в столе.

— Кто? — наконец удастся выдавить мне. — Как вы считаете, кто ее похитил? Только честно.

Мужчина в костюме вздыхает и, скрестив руки на груди, с сомнением смотрит на меня. Если он достаточно сообразителен, то, несомненно, чувствует отчаяние, сочащееся из моих пор, и осознает, насколько далеко я готов зайти, чтобы найти Блейк. Никто меня не остановит, особенно после того, как он раскрыл невероятную правду о ее прошлом.

— Первым делом мы начнем поиски в Чикаго, — признается он тихим голосом, едва слышным в окружающем нас людском гомоне. — За последние годы Винсент Риччи стал одним из самых влиятельных мафиози, и он не скрывает, что ищет женщину, которая убила его сына. За ее голову назначено значительное вознаграждение. У того, кто ее похитил, уйдет пара дней на то, чтобы доставить ее в Чикаго, но к тому времени мои ребята уже вплотную займутся этим вопросом и будут внимательно следить за всем, что там происходит. Итальянцы отличаются тем, что после пыток и убийств тех, кого они долго искали, устраивают большие шумные празднества. Это их способ показать своим, что произойдет с теми, кого они вдруг посчитают врагами. Если Брайли у Винсента, мы скоро об этом узнаем. Они сами постараются, чтобы об этом узнало, как можно больше народа.

Мой желудок скручивается, угрожая выплеснуть свое содержимое, когда я представляю, где она может быть. Что они могут с ней делать. Если она у этого больного ублюдка... Я содрогаюсь от этой мысли. Несмотря на то, что я чувствую обиду из-за ее обмана, я понимаю, почему она ничего мне не сказала, и моя главная задача теперь — уберечь от опасности, что нависла над Блейк... или Брайли... нет, к черту это.

Она все равно Блейк. Моя Блейк. Моя сладкая девочка.

— Скоро — это не то, что я бы хотел услышать, — рычу я, не заботясь о том, что обращаю на себя внимание окружающих.

Последние сорок восемь часов я провел, чувствуя себя героем одного из фильмов Тарантино. Все началось с того, что у меня похитили девушку, затем продолжилось просмотром момента ее похищения на записи с камер видео-

наблюдения, установленных в ее офисном здании, а закончилось новостью, что однажды она уже была замужем и в довершении всего, имела отношение к смерти одного из членов итальянской мафии. Одно долбанное безумное открытие следовало за другим, и вот теперь я сижу напротив маршала США и жду девушку, с которой знаком с детства — которую, к тому же, считал другом семьи — жду, когда она сойдет на берег, чтобы мы могли задать ей вопросы о ее возможной связи с похищением Блейк.

Это какой-то гребанный сюр. Даже если захочешь специально такое сочинить, то не сможешь.

Обращаясь к брату, я сжимаю руки, лежащие на полированной деревянной поверхности стола, в кулаки.

— Истон, богом клянусь, если я узнаю, что ты об этом что-нибудь знал — о том, кто она — я тебя убью.

Я говорю тихим и резким голосом. Я всего лишь второй раз в жизни угрожаю смертью собственному брату, но боюсь, что на этот раз я и правда могу воплотить свою угрозу в жизнь. Он украл у меня мою первую любовь, и насколько не считался с моими чувствами или братскими узами, когда больше десяти лет назад засовывал свой член в киску моей невесты, и будь я проклят, если он сейчас заберет у меня Блейк.

— Мэд, старик, я не имел ни малейшего представления об этом. А если бы имел, то сразу же рассказал бы тебе. Богом клянусь, — возражает он, широко раскрыв глаза.

Или он также потрясен правдой, как и я, или очень хороший актер. Я молюсь о первом.

Я с нетерпением смотрю на часы на своей руке, а потом перевожу взгляд на маршала Доэрти.

— Она скоро будет. Что мы будем делать, когда увидим ее?

— Я позволю вам — и только вам — пойти со мной, когда подойду к ней и попрошу проехать в отделение, чтобы ответить на несколько вопросов. Мне нужно, чтобы вы успокоили ее, и она бы не заняла оборонительную позицию, но вместе с тем необходимо, чтобы вы не давали ей никакой информации. Если она откажется, я буду вынужден надеть на нее наручники и задержать, — объясняет он, естественно предпочитая первый вариант. — Я бы предпочел не устраивать сцен. А после я разрешу вам поехать за нами и понаблюдать за допросом из соседней комнаты. В зависимости от ее ответов, ее или заключат под стражу и предъявят обвинение или отпустят. У нас есть только косвенные доказательства, поэтому, если она не станет сотрудничать, мы, в общем-то, ничего не сможем ей предъявить.

— Понятно, — киваю я и отпиваю глоток воды со льдом. Переведя взгляд, я еще десять минут всматриваюсь в конец причала. В то же мгновение в поле зрения появляется Эмерсон, и я, вскочив на ноги, объявляю:

— Пора получить ответы на наши вопросы.

* * *

— Я уже говорила вам. Я ничего не пропустила, — настаивает Эмерсон, скривив накрашенные красной помадой губы, и со стуком бросает идеально наманикюренные руки на металлический стол, стоящий перед ней. Даже проведя два дня в море, ей каким-то образом удается выглядеть безупречно — дизайнерская одежда, тщательно подобранные аксессуары, высокие каблуки.

Она олицетворение образа дорогой женщины.

— Расскажите еще раз, — твердо приказывает маршал Доэрти, обратив на нее свой пронизательный, внимательный взгляд. — Как вы одна оказались в кабинете Мэддена Декера днем в пятницу?

— Я заходила в кабинет Мэддена в пятницу днем, чтобы оставить ему отчет, над которым работала, перед тем как уехать на выходные. Я не знаю, где он был, и почему его помощницы не было на месте. А что такое? Что происходит? — ее нервничающий взгляд бежит с места на место по холодной комнате для допросов в поисках чего-то. — Куда подевался Мэдден? Он нас сейчас слышит? Я хочу, чтобы он пришел сюда.

Часы на стене громко отсчитывают секунды, пока я наблюдаю за ними, не видимый из-за зеркального стекла. Мне отчаянно хочется ворваться туда и потребовать у нее прекратить весь этот балаган и рассказать, что случилось с Блейк. Но я этого не делаю. Я не могу. Я понимаю, что Доэрти, позвав меня сюда, делает мне одолжение. Хотя, по правде говоря, он, вероятно, знает, что потом я устрою ей свой собственный допрос.

— Эмерсон, это серьезно, — рывкает он, наклоняясь поближе к ней, чтобы подчеркнуть всю важность того, что она скажет. — Если вы лжете, вам грозит значительный срок. Не говоря уже о том, что ваши ответы, возможно, помогли бы оградить мистера Декера от серьезных неприятностей. Вы не заметили ничего необычного, когда были у него в кабинете в пятницу днем? Вы трогали что-нибудь у него на столе?

Она тяжело сглатывает и опускает голову, и поначалу у меня мелькает надежда, что она готова признать свою вину. Что-то рассказать нам... рассказать хоть что-нибудь. Но затем в ее глазах показались слезы, и она уверенно качает разбросанными по плечам рыжими локонами, и я начинаю сомневаться в своих изначальных предположениях. Может, она не знает. Может, я ошибаюсь. Может, я просто отчаялся настолько, что пытаюсь свалить вину на первого попавшегося человека.

— Клянусь вам, я ничего не видела, — настаивает она на своем. — Я не знаю, что происходит, и что вы хотите от меня услышать, но я не сделала ничего плохого. Я всегда работала, заботясь исключительно об интересах «Декер Энтерпрайзис». Я их самый преданный работник.

Объявляя, что Эмерсон может идти, Доэрти не старается скрыть разочарование, раздраженно проводя рукой по жидким волосам, покрывающим его голову. Так как она заявила, что ничего не знает, а прямых доказательств ее участия в похищении у нас нет, мы практически ничего не можем сделать.

Маршал Доэрти предупреждал меня об этом заранее, но я самоуверенно считал, что Эмерсон расколется и расскажет нам, что случилось. Считал, что она с этим как-то связана. А теперь мы зря потратили целый день, ожидая ее возвращения, а в итоге так и остались с пустыми руками. Были потеряны критически важные часы.

Единственное, что нам известно наверняка, это то, что Блейк получила с моего телефона текстовое сообщение, в котором говорилось, что я заберу ее в пятницу вечером. Когда мы поставили в известность о случившемся мистера Томпсона, начальника Блейк и Джей, Доэрти с его помощью удалось достать записи с камер видеонаблюдения, установленных в здании, где она работала. На них было видно, как около шести часов вечера она садится в черный седан

без номеров. Водитель, помогавший ей сесть в машину, позаботился о том, чтобы фуражка была посильнее надвинута на лоб, таким образом, скрывая свое лицо от камеры. Она добровольно, без борьбы садилась на заднее сидение автомобиля.

Вот и все. Все, что мы имеем.

Дверь в комнату с грохотом открывается, и внутрь медленно заходит Доэрти. Мое разочарование отражается в глубоких морщинах, которые залегли у него на лбу.

— Я дам вам знать, если мы узнаем что-нибудь новое, и жду того же от вас, — скупко сообщает он. — Не пытайтесь прыгнуть выше головы, Декер. Вы понятия не имеете, с кем связываетесь. Оставьте это профессионалам. Мы сделаем все, что в нашей власти, чтобы вернуть ее, где бы она ни находилась.

С таким же грохотом он уходит, и пусть его предупреждение катится вслед за ним. Ни за что на свете я не стану просто сидеть и ждать у моря погоды. Мне плевать, с кем мне предстоит бороться. Ведь у него есть то, что принадлежит мне.

Когда я вихрем вылетаю из федерального здания в тихую летнюю ночь, мыслями я полностью погружен в планирование моего следующего хода и совсем не обращаю внимания на женщину, ожидающую меня у машины. До тех пор, пока, отыскав в кармане джинсов ключи, не поднимаю глаза, чтобы открыть дверь, и не вижу ее всего в нескольких футах от себя.

— Эмерсон? — поднимаю я бровь, молча спрашивая, чего она хочет.

Оттолкнувшись от капота, она почти мгновенно сокращает расстояние между нами и настороженно глядит на меня. Так, как будто пытается понять, в каком я сейчас настроении и как себя со мной вести. Это совсем не та реакция, которую можно было бы ожидать от человека, которого только что по неизвестной причине продержали на допросе федералы.

— Мэдден, что происходит? Что-то случилось?

Озабоченность. Она на хер играет в озабоченность.

Мои губы сжимаются в тонкую линию.

— Как ты думаешь, мы бы проводили здесь вечер воскресенья, если бы все было в порядке? — отрывисто говорю я, обходя ее, чтобы сесть за руль. — И нет, я не собираюсь обсуждать это с тобой. Поезжай домой и оставайся там, пока я тебе не скажу.

Сначала она молчит, но как только я наклоняюсь, чтобы сесть на водительское место, резко поворачивается, бросается ко мне и тянет дверь, стараясь открыть ее шире.

— Стой! — выкрикивает она. — Я здесь без машины. Ты не можешь бросить меня в этой части города в такой час. Твои и мои родители никогда бы тебе этого не простили.

Стиснув зубы от злости, я понимаю, что она права. Я до сих пор не знаю, чему про нее верить, но так эмоционально измотан, что не готов спорить. Если она и правда не имеет к случившемуся никакого отношения, я никогда себе не прощу, если и с ней что-нибудь произойдет.

— Залезай, — рычу я, уже решив завезти ее, а потом ехать к себе. — Быстро.

Эмерсон обходит машину спереди и с победным блеском в глазах садится на пассажирское сидение. К счастью, пока мы едем к ее дому, у нее хватает ума помалкивать.

Перед тем как выйти, она перегибается через центральную консоль и слегка касается губами моей щеки:

— Я буду ждать от тебя новостей. Если тебе понадобится помощь, дай знать. Не отталкивай меня, Мэдден. Я тебе не враг.

В ту же секунду, когда захлопывается дверь, я срываюсь с места, отчаянно желая убраться от нее подальше, пока не сорвался с катушек. По дороге домой, оставшись один на один со своими мыслями, осознавая всю тяжесть ситуации, я чувствую, как мой мир сходит со своей оси.

Я понимаю, что больше меня не заботит ни компания, ни семья, ни собственная жизнь. Теперь, когда я знаю правду о Блейк, о том, что ей пришлось вынести до того, как я ее нашел, я еще больше ее люблю. Я не могу ее подвести. Я должен спасти ее.

Следующее, что я осознаю — я пакую сумку со сменой одежды и направляюсь в аэропорт. У меня билет до Чикаго в один конец, и я не вернусь домой без девушки, которую люблю.

Глава 7. Блейк

(Dear Agony — Breaking Benjamin)

Вот уже два дня я безвылазно сижу в этой хижине. Два дня я ничего не делаю, лишь пялюсь в потолок и терзаю себя всеми возможными «если бы», которые только способен придумать мозг. А их миллионы.

Я до сих пор понятия не имею, где мы находимся. Когда однажды я отважилась выглянуть наружу из заиндевевшего прямоугольного окна, то увидела только деревья. Эту удаленную от любых мест человеческого обитания хижину окружал густой хвойный лес, и лишь сосульки свисали с почти голых веток. Никаких признаков, указывающих на наше местонахождение или наличие рядом какой-нибудь цивилизации. И я не осмеливаюсь приблизиться к единственной двери, снабженной бесчисленным количеством замков.

Рейз проводит большую часть времени в маленькой спальне или разговаривая по-русски по мобильному телефону, или работая на ноутбуке. Мысль о том, что мы находимся где-то, где есть сотовая связь и Интернет, дает мне надежду, но он тщательно за собой следит и запирает всю электронику в сейф каждый раз, когда заканчивает ей пользоваться.

За исключением походов в туалет, единственный раз я слезла с дивана прошлой ночью, чтобы принять душ. Не выдержав, я разрыдалась, стоя под едва теплыми струями воды, и наконец позволила чувствам взять надо мною верх. Я стараюсь быть сильной, но теперь мрачно и с безнадегой смотрю на любую попытку побега. Да и куда я пойду? И как далеко смогу уйти, прежде чем Рейз снова обнаружит меня? Или хуже того... Винсент?

С тех пор, как мы приехали сюда, и я, отказавшись отвечать на вопросы Рейза, плюнула ему в лицо буквально и фигурально, он едва сказал мне пару слов. Он появляется из своей комнаты только для того, чтобы приготовить для нас двоих еду, и оставляет мне тарелку с тем, что сам наготовил, на журнальном столике. Не в силах игнорировать пустоту в желудке я не отказываюсь от пищи, но при этом все равно не могу сдерживать негодования по этому поводу. Я ненавижу свое пребывание здесь вместе с ним. Ненавижу все, что он собой представляет. Все, от чего я так сильно старалась освободиться.

Рейз больше не упоминал о Мэддене, и я провожу большую часть времени, беспокоясь о его безопасности. С каждым проведенным здесь часом я все сильнее ощущаю свою вину. Вину, что не рассказала ему, кто я такая и что совершила. Вину, что так эгоистично позволила ему влюбиться в меня, а себе влюбиться в него и дала ложную надежду на наше совместное будущее. Вину, что я подвергла его жизнь опасности. И теперь сомневаюсь, что когда-нибудь смогу перед ним извиниться. Я могу лишь надеяться на то, что он сейчас в безопасности. И что он жив.

Лежа на комковатых подушках, я до подбородка натягиваю одеяло и закрываю глаза, надеясь, что, хотя бы этой ночью смогу уснуть. Вы можете подумать, что к этому времени я уже научилась переключаться и забывать об окружающем меня безумии, но это не так. Оно преследует меня везде. Пожирая то, что осталось от моего рассудка. Кусочек за кусочком. И скоро им уже нечего будет у меня забирать.

* * *

— Вот так, моя сладкая девочка. Медленно, но верно. Позволь мне позаботиться о тебе.

Я купаюсь в голосе Мэддена, убаюкивающим малейшее беспокойство, которое я могу чувствовать по поводу того, что сейчас произойдет. Я знаю, что он не причинит мне боли, потому что его первостепенной заботой стало мое удовольствие. Оно принадлежит ему. Целиком и полностью. Включая и мое сердце.

— Если узел станет слишком тугим, или ты вдруг почувствуешь себя некомфортно, сразу же скажи мне, — подбадривает он меня, проверяя узел, привязывающий мои запястья к перекладине в изголовье кровати. — То же самое касается и повязки на глаза. Как только ты захочешь от нее избавиться, не молчи. Поняла?

— Да, — киваю я, облизывая пересохшие губы, отчаянно жаждущие поцелуя.

Я чувствую, как покалывание от предвкушения того, что скоро случится, бежит вверх от кончиков пальцев и спускается вниз с макушки, сходясь ровно в точке между ног. Мои трусики уже промокли, соски превратились в твердые пики, а он еще даже не прикоснулся ко мне.

Мэдден совсем не в первый раз связывает меня и завязывает мне глаза, но все равно для меня каждый раз это преодоление себя. Я не подозревала, что после жизни с Исом когда-нибудь, даже прожив миллион жизней, буду способна отдать Мэддену контроль над собой, полностью подчиниться его воле. Но в этом мужчине есть что-то такое, что заставляет меня хотеть это сделать. Желание сделать ему приятно перевешивает любые мои опасения и страхи. Оно выпускает меня из темницы.

— «Да» что? — повторяет он, щелкнув языком по моему соску, терзая его.

Резкая боль в груди быстро превращается в тонкое эротическое наслаждение, а вибрации его голоса добавляют дополнительное удовольствие к игривому поддразниванию.

И вновь я отказываюсь отвечать, точно зная, куда ведет эта маленькая игра. С самого первого раза, что мы были вместе, Мэддену нравилось, что в постели я зову его «сэр». Это позволяет ему ощущать свой полный контроль, это сигнал для него, что я отдаю ему управление моим телом, освобождая мозг от всего, кроме чувственного наслаждения, которое он мне дарует. Что бы там ни было, забота обо мне, преклонение перед моим телом, бесконечное его почитание делают этого мужчину счастливым. Ну и какой бы я была девушкой, если бы не хотела осчастливить его?

Но мне хочется заставить его потрудиться ради этого...

Его рот переходит от одной груди к другой, выполняя тот же мучительный фокус с другим чувствительным бутоном.

— Моей девочке нравится быть плохой?

С громким хлопком он освобождает меня, а затем я чувствую, как кончик его носа опускается на мой. Его рот замер прямо над моим, и в этот момент я больше всего хочу почувствовать, как сольются вместе наши губы. Мне это необходимо так же, как воздух, которым я дышу.

— Бьюсь об заклад, что уже через пять минут ты будешь умолять меня об этом, — дразнит он, прижимаясь своей эрекцией к моему подрагивающему холмику.

Я со стоном выгибаюсь напротив его твердого тела, натягивая свои пути.

Ему может быть и тридцать с небольшим, но тело у него такое же крепкое, как у двадцатилетнего. В поспешной попытке захватить его губы я поднимаю голову, но он стремительно отступает на фут от кровати.

— Нет, нет, нет. Никаких поцелуев, пока ты правильно не ответишь на вопрос, — беззаботно предупреждает он. — А сейчас я снова спрошу тебя, Блейк. «Да» что?

Во мне загорается вспышка сопротивления и дерзость, которой я никогда раньше не чувствовала, я поднимаюсь и качаю головой, озорная усмешка грозит прорваться сквозь мои сжатые губы. Воздух заполняет мягкий смех, и от этого свидетельства его удивления мое сердце омывает теплой волной. Но следующее, что я осознаю — он одним движением переворачивает меня на живот.

Несколько секунд спустя кружевные трусики исчезают с моего тела, а он становится на колени между моими лодыжками, а мокрая киска открыта для него так, как ему нравится. Он медленно проводит пальцами по внутренней стороне сначала моих икр, а потом и бедер, останавливаясь лишь достигнув той точки, в прикосновении к которой я отчаянно нуждаюсь. Выгибая спину, я в молчаливой просьбе поднимаю вверх свою голую попку.

— Что? Ты хочешь, чтобы мои пальцы поиграли с этой тугой маленькой киской, которую ты мне предлагаешь?

Его пошлости заставляют мой желудок сжаться, но не от отвращения, а от чистой животной страсти, которую разжигают во мне его грязные словечки. С каждым разом, что мы проводим вместе, он слой за слоем срывает все больше и больше моих внутренних запретов, и я уже не могу обходиться без свободы, позволяющей почувствовать мне это удовольствие.

— Пожалуйста, — хнычу я, шире разводя ноги для него. — Пожалуйста, дотронься до меня.

И вздрагиваю от неожиданного удара по правой ягодице, но еще до того, как мозг успевает почувствовать какую-либо боль, он уже целует это место.

— Отвечай, упрямая девчонка, и тогда я к тебе прикоснусь.

— Да, — выдыхаю я, убеждая его поверить в то, что сдаюсь, но потом останавливаясь на полуслове.

Еще один шлепок, на этот раз по другой ягодице, за которым снова следует мягкое касание его губ.

— «Да» что?

— Пожалуйста, — вновь умоляю я низким, хриплым голосом. — Ты мне нужен.

Мой разум затуманен, вспышки всех цветов радуги пляшут перед закрытыми глазами. Все нервные окончания замерли в ожидании того, что за этим последует. Усиливающаяся в моей сердцевине боль становится невыносимой.

С диким рычанием он крепко хватает меня за бедра, дергает вверх, ставя на колени, и устраивается прямо позади меня. Головка его члена прижимается к моей влажной промежности и трется вперед и назад между опухшими губами.

— Блейк, ты чертовски невероятная. Не заставляй меня больше ждать. Скажи.

Его пальцы впиваются в кожу моих бедер, удерживая меня практически неподвижно, пока он размазывает мои соки от клитора до сморщенного ану-

са.

— Ты хочешь мой член внутри себя? Хочешь, чтобы я заставил тебя на него кончить?

Не в силах ему больше сопротивляться, я принимаю свое поражение и выкрикиваю: «Да, сэръ!», пока он клеймит мое тело.

Лихорадочные поцелуи в шею и быстрый ритм почти мгновенно приводят меня к оргазму, и я благословенно взрываюсь, когда он входит в меня сзади, и сквозь свой восторженный экстаз вижу вселенную, полную звезд. Тем не менее, когда я в изнеможении валяюсь на простыни, чтобы перевести дух, сильная рука хватается меня за волосы и тянет голову назад.

— Я еще не сказал тебе, что можно отдохнуть, сука, — звучит у меня над ухом омерзительный голос Иса. — Поднимай задницу и доставь удовольствие своему мужу.

Впадая в истерику, я безумно дергаю веревки, которые привязаны к моим запястьям, совсем как пойманный в ловушку дикий зверь, но они не поддаются. Я пытаюсь бить его ногами, чтобы скинуть с себя, но мне это не по силам. Прижав меня своим весом, Ис садится на меня сверху и проталкивает в меня свой член. Как будто все внутри меня разрывается пополам каждый раз, когда он выходит из меня и погружается обратно, мое тело изо всех сил старается вытолкнуть его.

Из глаз, намочив покрывающую их повязку, текут слезы, и я снова и снова кричу:

— Нет! Нет! Убирайся от меня!

Внезапно ночной кошмар прекращается, когда меня обвивают две сильные, но нежные руки, а лицо прижимается к теплой и ласковой груди. А затем голос, не принадлежащий ни Мэддену, ни Ису, но при этом странно знакомый, шепчет мне в висок:

— Успокойся, kotyonok. Все будет хорошо. Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Глава 8. Рейз

(Goner — Twenty One Pilots)

Любой мужчина, убивающий другого во сне, — просто жалкий трус. Я никогда не забирал чужую жизнь, не посмотрев прежде в глаза жертвы. Этим я даю ей понять, что полностью осознаю то, что делаю. На все сто гребанных процентов. Никаких сомнений и никакой рефлексии.

К сожалению, в мире полно трусов, поэтому еще в детстве я приучил себя мало спать. При моем образе жизни я не могу позволить себе остаться уязвимым для своих врагов, которые чаще всего держатся в тени, терпеливо дожидаясь, когда я ослаблю бдительность. Дожидаясь мгновения слабости, когда я на секунду позже открою глаза, и тогда мои враги сделают так, чтобы я закрыл их уже навеки.

Девушка, спящая на диване в соседней комнате, не исключение. Ее внешность обманчива. Она, может быть, и выглядит маленькой, хрупкой тростинкой с милым невинным личиком. Ростом она, по крайней мере, на фут ниже меня, а весом едва ли больше ста фунтов. Но я вижу, что она следит за каждым моим движением, фиксируя в памяти местоположение каждого предмета, хранящегося в этой уединенной хижине. От моего внимания не ускользнуло, как долго она разглядывала ящик, где лежат кухонные ножи. Я знаю, что она хочет меня убить. Она бы, не раздумывая, забила меня до смерти дубинкой, если бы это помогло ей вырваться на свободу. Но я этого не допущу. Она никогда не будет свободна.

Вчера, когда она думала, что я не вижу, я обнаружил ее выглядывающей в маленькое окошко, с безумным взглядом отчаянно рассматривающей окрестности. Затем я увидел, как в ее глазах поселилось отчаяние, когда она поняла, насколько это богом забытое место и что даже если ей каким-то чудесным образом и удастся сбежать из-под моей опеки, все равно ей некуда идти. Это тайное убежище, спрятанное в горах Сьерра-Невада в Северной Калифорнии, моя семья построила в начале восьмидесятых как раз для таких случаев. Чтобы была возможность на время исчезнуть с лица Земли. Только вот ирония состоит в том, что именно сейчас больше всего мне хочется исчезнуть из этого гребанного дома. И она тому причина.

В этот момент, как нарочно, я слышу, как она в соседней комнате ворочается во сне, а старый диван жалобно скрипит, когда девушка переворачивается с боку на бок. Потом она начинает бормотать что-то, что у меня не получается точно разобрать, поэтому я сползаю с каменно-твердого матраса и иду проверить, как там у нее дела и действительно ли она спит.

С самого первого вечера, особенно после того, как она плюнула мне в лицо и послала на хер, я изо всех сил старался держать между нами дистанцию, ее присутствие обезоруживающе действует на меня, хотя я и не понимаю каким образом. Там, в Лос-Анджелесе, когда моя пленница была заперта в своей комнате, а у меня в распоряжении имелся целый дом, все было гораздо проще. Но в этой тесной норе проблема усложнилась.

Прежде чем зайти в гостиную я несколько секунд вглядываюсь в темноту и замираю на полпути, увидев шокирующую картину, разворачивающуюся перед глазами. Я втягиваю в себя воздух:

— Tu che, bl'yad?

Одеяло, очевидно сползшее, когда она ворочалась во сне, грудой валяется на полу, огромная футболка сбилась вокруг талии, оставляя ее для меня почти голой. Мне хорошо видны ее тонкие кружевные трусики, открывающие нежные молочные бедра, но это еще не самое худшее. Одна ее ладонь лежит на тончайшем кружеве, пальцы медленно ласкают обнаженную кожу низа живота, лукавая улыбка играет в уголках губ. Мой член дергается при виде этого эротичного зрелища.

Очевидно, моя маленькая пленница видит весьма приятный сон, и я понимаю, что мне надо повернуть свою задницу и вернуться в кровать, которую я только что покинул, но я этого не делаю. Я как будто опять вижу мою Дарью, то, как она ласкала себя для меня, намеренно сводя меня с ума от похоти. В семье я известен своим исключительным самоконтролем и непоколебимой силой воли, но этого я не могу в себе отрицать. Возможно, эта девушка — самая опасная угроза для меня.

Когда с ее губ срывается приглушенный стон и она выгибает спину, как кошка, натягивая затвердевшими сосками тонкую ткань футболки — моей футболки — я собираю всю волю в кулак, чтобы не подойти к дивану и не прикоснуться к ней. Только один раз. Только чтобы вспомнить, какова на ощупь гладкая женская кожа.

Каким-то образом мне удастся сдержаться. Тем не менее, придя в себя, я обнаруживаю, что, с вожделением наблюдая за ней, тру свой толстый член через черную ткань спортивных штанов, воображая ее руку вместо своей. А еще лучше губы. Мое тело замирает от напряжения, животное рычание рождается в груди.

— Пожалуйста... пожалуйста... о, пожалуйста, — не перестает умолять она, извиваясь на диване и все крепче сжимая бедра.

Моя рука перемещается под резинку штанов, пальцы крепко обхватывают член, и я начинаю медленно двигать по нему рукой. Девушка поднимает руки над головой, и они свешиваются с подлокотника, запястья скрещены, как будто связаны вместе, и воспоминания о ней, привязанной к кровати, в ту первую ночь в моем доме вспыхивают перед моим мысленным взором. Тогда я испугался, что она станет моею погибелью. Когда я впервые посмотрел ей в глаза, я понял, что так и будет.

Эти чертовы глаза. Такого глубокого синего цвета, с которым не сравнится даже самый дорогой в мире сапфир. Такие глаза я видел лишь однажды. У моей Дарьи. Моей чертовой ахиллесовой пяты.

Громкий стон и последовавший за ним возглас: «Да, сэр!» переключают мое внимание, и я начинаю наращивать темп. За последние пару лет я дробил не одну сотню раз, я так часто ходил в стрип-бары, что теперь меня даже не возбуждает вид обнаженной женщины. Но это совсем другое. Она представляет собой самое сексуальное зрелище, которое я когда-либо наблюдал. Она — мой самый прекрасный сон, и одновременно самый страшный ночной кошмар. И я на хер бессилен против этого.

Я просто чувствую, как мои яйца сжимаются, на меня накатывает оргазм, внезапно девушка вздрагивает и каркающим голосом кричит, чистый экстаз на ее лице меняется на бесконечный ужас. Я тут же смущенно ослабляю хватку на члене.

Ее руки опускаются и обхватывают тело за ребра, прикрывая его, как доспехами. Она подтягивает колени к животу и начинает дрожать, тряся при этом головой.

— Нет! Нет! Убирайся от меня!

Паника в ее голосе раздрает меня пополам, и в то же мгновение весь сексуальный голод, испытываемый моим телом, сменяется на тревогу. Ее шея наклоняется то в одну, то в другую сторону, тело подрагивает, а сама она продолжает выкрикивать кому-то неизвестному мольбы остановиться. Мое сердце падает вниз, желудок сжимается, и мне кажется, что они бьются друг о друга, вызывая мощный взрыв, который бросает меня к ней.

Взяв ее на руки, я опускаюсь в кресло, стоящее рядом с диваном, и крепко прижимаю к себе, отчаянно желая успокоить. Я слегка раскачиваюсь вперед-назад, прижимаясь губами к ее макушке в успокаивающем поцелуе.

— Тише, котенок. Все будет хорошо. Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь произошло, — шепчу я.

Мой разум все еще пытается справиться с только что увиденным. К счастью, она глубже зарывается лицом в мою грудь, и ее частое, прерывистое дыхание постепенно успокаивается, а всхлипывания затихают. Я понятия не имею, что на хер только что произошло, но прекрасно понимаю, что подобные сны — не плод чрезмерно живого воображения. Что бы это ни было, она сталкивалась с этим в реальной жизни. И от этого мне хочется убить на хер того, кто с ней это сделал. Но только после продолжительных многочасовых пыток, которые я не побрезгую проделать своими собственными руками.

В то мгновение, когда она стряхивает с себя туманное забытие и осознает, что сидит, прижавшись ко мне, каждый мускул в ее теле напрягается, и она перестает дышать. Я почти могу услышать борьбу, происходящую у нее в голове. Часть ее хочет оттолкнуть меня, сбежать обратно на диван и установить между нами хоть какую-то дистанцию, но в то же время она дрожит, она в смятении от того, что только что вспомнила, и ей нужна безопасность и уверенность моих рук.

Мои объятия крепки. Я никак не могу забыть то, что только что увидел, и хотя это был всего лишь краткий эпизод, нельзя усомниться в глубине и силе того, что она испытала. Я должен знать, что же произошло. Я должен убедиться, что с ней все в порядке. Не знаю почему, но должен.

— Как ты себя чувствуешь, девочка? — наконец с пересохшим горлом спрашиваю я.

— Нормально, — кивая, икает она.

Я рад, что она не делает попыток слезть с моих коленей, и воспринимаю это как знак того, что могу продолжать разговор.

— Ты помнишь, что тебе снилось? Я услышал, как ты кричишь, и пришел посмотреть, в чем дело.

Ну, частично я говорил правду.

Она снова кивает:

— Да.

— Винсент?

— Нет, — бормочет она. — Гораздо хуже.

Я делаю следующее вполне логичное предположение:

— Ис?

При звуке этого имени она теснее прижимается ко мне, без слов отвечая на вопрос.

Несколько минут мы молча сидим, каждый погруженный в свои мысли. Интересно, Иса или Мэддена, парня, с которым, как мне известно, она недавно встречалась, она представляла в первой части своего сна. Потом мне становится любопытно, почему она считает, что Ис гораздо хуже, хотя ясно, что теперь он не представляет для нее никакой угрозы. Она была в этом уверена.

— Почему?

Прежде чем я успеваю сообразить, это слово срывается с моих уст.

Девушка запрокидывает голову назад и пристально глядит на меня сквозь мокрые слипшиеся ресницы:

— Что почему?

Наши глаза встречаются, и от ее небесно-голубых молний у меня перехватывает дыхание. Когда я держу ее в своих руках, ее сходство с Дарьей становится еще более заметным. Пытаясь подобрать слова, я тяжело сглатываю:

— Почему ты считаешь, что Ис гораздо хуже, чем его отец?

Даже не моргнув глазом, она отвечает:

— Потому что те, кого ты любишь, всегда могут ранить тебя сильнее.

— Умная девочка, — отвечаю я.

В моем голосе звучат нотки удивления, но это не из-за ее ответа, а из-за внезапной перемены в атмосфере, царящей между нами. Я не знаю точно, что это, и не знаю, как это описать словами, но что-то изменилось. Мы изменились. По какой-то причине я ловлю себя на мысли, что надеюсь, что так останется и впредь. Я действительно имел это в виду, когда говорил, что не позволю, чтобы с ней что-нибудь случилось. Теперь она не только под моим наблюдением, но и под моей защитой, и от этого в моей груди как будто становится больше воздуха.

Положив локоть ей под шею, я мягко направляю ее голову обратно к себе на грудь и кладу подбородок ей на лоб.

— Поспи еще немножко, котенок. Обещаю, ты будешь в безопасности.

Глава 9. Мэдден

(Until the Day I Die — Story of the Year)

Утреннее солнце, пробивающееся сквозь тонкие занавески, заливало теплым, мягким светом комнату отеля в центре Чикаго. К несчастью, сидя на огромной роскошной кровати с чашкой кофе в руке и читая в Интернете старые газетные статьи, я ощущаю внутри себя что угодно, кроме тепла. После прочтения подробностей жизни Блейк, когда она была еще Брайли, кровь, текущая в моих венах, стала холодной, как арктический лед. Даже еще холоднее.

Одна мысль о том, что ей пришлось вынести — о том, что она наблюдала, и, что еще хуже, испытала — заставляет меня испытывать ужасную жажду крови. Может быть и хорошо, что вчера во время первоначальной вылазки я не нашел Винсента Риччи. Тогда, возможно, этим утром вместо «Хилтона» я бы проснулся в серой тюремной камере.

Стук в дверь на время прерывает мои суицидальные мысли, и я слезаю с матраса, чтобы впустить доставку еды в номер, по пути я набрасываю на себя футболку, дополняя ею пижамные штаны. Сам не понимаю, почему первым делом заказал еду, ведь я потерял к ней всякий интерес — мой аппетит исчез вместе с Блейк. Сон также испарился. В своих теперешних снах я вижу, что моя сладкая девочка снова со мной, только чтобы потом проснуться в кошмаре наяву, что ее нет рядом, или мне снятся все те ужасы, через которые она прошла и которые привели ее в Калифорнию, чтобы начать жизнь заново.

— Доброе утро, мистер Декер, — бодро приветствует меня молодой человек, одетый в форменную рубашку-поло и слаксы. — Где бы вы хотели, чтобы я накрыл завтрак?

Я рукой указываю ему внутрь номера и пожимаю плечами:

— Где угодно. Можно на кровати.

Он ставит поднос поверх одеяла, затем поворачивается и вручает мне чек, чтобы подписать:

— Я могу что-нибудь еще для вас сделать?

Нацарапав свое имя, я добавляю к чеку чаевые и, покачав головой, бормочу себе под нос:

— Нет, если только вы не знаете, где мне найти Винсента Риччи.

Сделал я это не специально, чтобы он обратил внимание на мою ремарку, и в особенности не ожидал, что он мне ответит, но, когда я отдаю ему кожаную папку со счетом, молодой человек, с заговорщицким видом подняв голову, глядит мне прямо в глаза.

— Вы это серьезно? Вы действительно хотите знать, где он?

— П-п-прошу прощения? — заикаюсь я, чувствуя, как мои глаза увеличиваются от удивления. — Вы и в правду знаете, где его найти?

Парнишка, которому едва больше двадцати, нервно кивает.

— Ну, я точно не знаю, где он, но один мой приятель работал в том магазине в южной части Чикаго, там, где продают подержанные автозапчасти. Так вот, он говорил, что Винсент и его ребята часто там тусовались. Не знаю точно, его это магазин или чей-то еще, но Ник несколько раз упоминал о нем. Возможно, вы бы могли попробовать...

— Да! — восклицаю я, мысленно ругая себя за то, что не подумал об этом раньше.

Конечно же, у Риччи должен быть и другой бизнес, вероятно, чтобы через него отмывать деньги мафии. Вчера я так увлекся, восстанавливая прошлое Блейк и все время натыкаясь на оборванные концы, что не смог сделать шаг назад и увидеть всю картину в целом.

— Как называется это место?

— «Тюнинг ателье Капо». Это на Норткат-авеню, но, мужик, будь осторожен, — предостерегает он. — Это не те люди, с которыми стоит связываться.

Отмахнувшись от него, я, мягко ступая, направляюсь к прикроватной тумбочке и вытаскиваю из своего бумажника стодолларовую банкноту.

— Да, не беспокойся. Мне хорошо известно, кто они такие, — отвечаю я, суя ему в ладонь дополнительные чаевые. — Спасибо за информацию. Я благодарю вас.

Какую-то долю секунды он смущенно глядит на купюры, а потом предусмотрительно засовывает их в карман.

— Всегда пожалуйста. Дайте мне знать, если вам еще что-нибудь понадобится.

Прежде чем покинуть комнату, он коротко мне кивает. Спустя тридцать минут, после того как я поковырялся в завтраке, принял душ и переоделся, я забираюсь на заднее сидение такси. У меня в желудке пульсирует комок нервов. В голове только один адрес.

— «Тюнинг ателье Капо». 819 Норткат-авеню.

Когда я вхожу, прикрепленный к стеклянной двери, ведущей в магазин, колокольчик громко звонит, сообщая о моем присутствии. Трое молодых людей в темно-синих рабочих комбинезонах толпятся у прилавка и, судя по всему, что-то заинтересованно обсуждают. Быстро взглянув в мою сторону, они возвращаются к своему разговору, решив, что я обычный покупатель.

Чтобы сразу не вызывать подозрений, я брожу туда-сюда по проходам, притворяясь, что интересуюсь выставленными в витрине аксессуарами для автомагнитол. Пару раз я пытаюсь подслушать их разговор, который, кажется, становится более оживленным. Но как только я приближаюсь к передней части магазина, они понижают голоса до шепота.

После того, как единственный оставшийся покупатель расплачивается за покупки и уходит, я, не дожидаясь, пока в магазине появится кто-нибудь еще, решаю сделать свой ход. Подходя к мужчинам, я, в попытке взять под контроль струящийся по венам бешеный адреналин, раз за разом крепко сжимаю ладони в кулаки, а потом разжимаю их.

— Чем я могу вам помочь? Вы что-нибудь ищете? — самый высокий из троих самым обыденным тоном спрашивает меня, пока остальные двое, до сих пор увлеченные своим интересным разговором, отходят в сторону. Судя по нашивке на рубашке, его зовут Тони.

Я, кашлянув, киваю.

— Да, думаю, можете. Я ищу Винсента Риччи. Он сегодня здесь?

В тот момент, когда я произношу это имя, торговый зал погружается в наводящую ужас тишину, и три пары настороженных карих глаз в упор смотрят на меня. Если бы я не знал наверняка, то точно бы решил, что красный лазерный луч уже направлен прямо мне в лоб.

Ударив руками по столешнице, Тони наклоняется ко мне и, нахмутив брови с подозрительным видом спрашивает:

— А кто его спрашивает?

— Я, — отвечаю я, подходя ближе к нему.

Мое сердце бешено бьется в груди, но я не позволяю этому парню себя запугать.

— Мэдден Декер.

То, что происходит дальше, я вижу, как в тумане: один из мужчин, стоящих позади меня, мускулистой рукой обхватывает меня за шею, а другой приставляет к горлу нож с выдвижным лезвием.

— Какого хера ты тут делаешь? — рычит он мне в ухо. — Ты, наверное, такой же тупой, как эта дрянь — твоя подружка.

Он так крепко держит меня, что я не могу дышать, но не думаю, что его действительно интересует мой ответ. С широкой ухмылкой Тони лениво выходит из-за стойки и становится прямо передо мной, а другой его товарищ справа от него.

— Мэдден гребаный Декер, — презрительно фыркает он. — Наслышан. Последние несколько дней все только о тебе и говорят. Похоже, мы должны тебя поблагодарить за то, что ты навел нас на нашу маленькую Американскую принцессу. Знаешь, мы долго искали эту маленькую сучку, и подумать только, все это время она тусила с тобой в твоём гребаном модном калифорнийском домике и гребаного горя не знала, пока один из наших братьев в это время гнил в земле.

Холодное лезвие исчезает, но тут же, я даже не успеваю заметить, как Тони бьет меня кулаком в живот. Сильнее, чем когда-либо в жизни.

— И...

Он снова изо всех сил бьет, и я хриплю от обжигающей боли внутри.

— ...все...

Еще удар.

— ...из-за...

И еще.

— ...нее.

С последним ударом мужчина, стоящий сзади, отпускает меня и грубо толкает на землю.

Стоя на четвереньках, я чувствую, как быстро вздымается и опускается моя грудь, потому что легкие пытаются впитать каждую унцию кислорода, что способны добыть. Ощущая мучительную пульсацию в груди, я не знаю, способен ли самостоятельно встать на ноги, но, тем не менее, не прекращаю попыток. Физическая боль — ничто по сравнению с той мукой, что я испытываю с тех пор, как пропала Блейк.

Собрав все свои силы, я отталкиваюсь от пола и оказываюсь на коленях, но как только я предпринимаю попытку встать, подошва ботинка Тони встречается с моей щекой, толкая меня обратно. Во рту стоит вкус крови.

— Не переживай, красавчик.

Он садится на корточки рядом со мной, хватая за волосы на затылке и дергает, поворачивая меня лицом к нему. Я борюсь с желанием плюнуть ему в физиономию, сказать ему, какой он на самом деле кусок дерьма. Если мне удастся выудить у них то, что они знают, это может стать моим единственным

шансом узнать, где Блейк.

— Я знаю, ты думаешь, что вот-вот умрешь, но это случится не так скоро. Сначала я хочу, чтобы ты увидел, что мы с ней сделаем, когда привезем домой. Все, что когда-либо делал с ней Ис, покажется по сравнению с этим детской игрой. Надеюсь, у тебя крепкий желудок.

Со зловещим смехом он впечатывает мое лицо обратно в пол, мой нос хрустит.

— Отнесите его внутрь, — приказывает он.

Но прежде чем кто-то из них успевает коснуться моего безвольно лежащего тела, тишину помещения разрывает звонок колокольчика, и через мгновение я слышу, как кто-то кричит:

— Это ФБР! Всем оставаться на местах, а то буду стрелять!

Глава 10. Блейк

(The Mess I've Made — Parachute)

— Что тебе привезти из еды? Выглядывая из-за обложки какого-то русского комикса с кучей скудно одетых нарисованных женщин, в котором я ни слова не понимаю и поэтому занимаюсь тем, что придумываю по его картинкам собственную историю, я равнодушно таращусь на Рейза, прислонившегося к дверному косяку между кухней и гостиной, сомневаясь, правильно ли я его расслышала.

— Что ты сказал?

Тихо посмеиваясь, он качает головой и с ручкой и блокнотом шагает к «своему» стулу.

— Я спросил, что привезти тебе из еды. Сегодня днем один из моих людей завезет еду и припасы, и я хотел убедиться, чтобы у тебя было все необходимое. Похоже, нам придется пробыть здесь немного дольше, чем предполагалось вначале.

Я со стоном отбрасываю книгу на журнальный столик, предпочитая игнорировать его вежливую заботу. В его словах я слышу лишь плохие новости.

— Насколько дольше? Почему мы не можем просто сделать дело и, наконец, покончить с этим? Я хочу домой.

Несмотря на мою предыдущую клятву не помогать этим людям, сейчас я уже смирилась с тем фактом, что убийство Винсента — это мой единственный шанс обрести свободу. Не знаю, что случится после этого и как все это будет устроено, но я точно знаю, что если не сделаю этого, то наверняка умру. И чем больше я об этом задумываюсь, тем более привлекательной становится мысль о мести этому ублюдку, убившему моих маму и брата. Делает ли это меня такой же, как эти люди, которых я ненавижу? Не могу с уверенностью этого сказать. Но даже если это и так, что с того?

— Я тоже хочу домой, девочка, но организация убийства одного из самых могущественных в стране боссов итальянской мафии — дело не одного дня. Нужно учитывать множество факторов, — обыденно объясняет он, так, как будто разговаривает на эту тему каждый день.

А затем я вспоминаю, что вероятно, это так и есть. Совсем как Ис.

Он замечает, как я на него смотрю, и бросает бумагу и ручку, пристальный взгляд его голубых глаз пригвозждает меня к дивану. Должно быть, Рейз самый пронизательный человек на Земле.

— Я знаю, о чем ты думаешь, девочка. Хотя я полагал, что той ночью объяснил тебе, что не похож на того монстра, за которым ты была замужем. Я совершил в своей жизни много неправильных, дерьмовых поступков, и уверен, что прежде чем умру, совершу еще больше, но я в жизни никогда не причинил вреда невинным. Особенно тем, кого любил, — рычит он.

Я медлю с ответом, ком, застрявший в горле, не дает мне вымолвить и слова. Желание поверить в то, что он говорит, пугает. Я знаю, кто он, чем он занимается, и даже представить себе не могу то, что он совершил. И все равно часть меня — значительная часть, если уж быть до конца честной — хочет ему верить.

Позапрошлой ночью, когда мне приснился кошмар про Иса, я была абсо-

лютно не готова к тому, что очнусь в объятиях Рейза, изо всех сил старающегося меня успокоить. С теплом и нежностью, которые до того дарил мне лишь Мэдден, он не подталкивал меня к разговорам о том, что мне снится, или о моей жизни с Исом. Вместо этого, он просто сидел со мной, пока я опять не уснула. А когда на следующее утро я проснулась, он все еще был рядом.

Я до сих пор не знаю, что о нем думать. В один момент он жестокий русский гангстер, связанный с организованной преступностью и зарабатывающий себе на жизнь убийствами, а в другой — нежный, сочувствующий великан, утешающий свою пленницу. И я не уверена, кто из них больше меня пугает.

Он, ворча, поднимается, забирает с собой ручку и бумагу, но прежде чем вернуться в свою комнату, бормочет:

— Не за что, kotyonok.

* * *

Следующие три дня похожи на предыдущие: я на диване маюсь от безделья, Рейз в своей комнате работает за ноутбуком и разговаривает по телефону. Как-то ранним вечером, так я, по крайней мере, полагала, судя по падающим в окно приглушенным лучам солнца, он появляется из своей берлоги, неся с собой тонкую веревку. Мой желудок стремительно падает вниз.

— Спокойно, девочка. Мои люди вот-вот приедут с припасами, — мягко объясняет он. — Пахан потребует от них полного отчета о том, что они видели, и предполагается, что я должен обращаться с тобой как с пленницей. Обещаю, что, как только они уйдут, я тебя развяжу. Но я обязан это сделать. Иначе меня заменят на кого-нибудь другого из братвы, того, кто будет вести себя с тобой совсем не так. Понимаешь?

Он опускается рядом со мной на диван и, ожидая ответа, вопросительно поднимает брови. Вместо слов я протягиваю руки, предлагая ему свои запястья.

— Spasibo, — он с благодарностью слегка опускает подбородок. — Они не задержатся надолго, а когда они уедут, ты сможешь выбрать себе еду на ужин.

Спустя всего лишь несколько минут после того, как он связал мне руки и ноги, громкий стук в дверь возвещает о приходе гостей. В то же мгновение всякие следы человечности исчезают с его лица, уступив место холодной, угрюмой маске. С пустыми глазами, раздувающимися ноздрями и твердой челюстью мой двуликий похититель неторопливо шагает к двери, чтобы впустить своих людей.

Снаружи завывает сильный ледяной ветер, но даже после того как двое русских зашли в дом, холодность в комнате никуда не пропала. Рейз, целуя в обе щеки, приветствует их, а потом они все вместе выходят обратно. Как только остальные скрылись за дверью, Рейз поднимает вверх палец, показывая мне, что вернется через минуту.

Обратно каждый из них несет по несколько коробок, и я начинаю задумываться над тем, сколько же мы здесь пробудем. Хотя Рейз и не сказал, на сколько нам придется здесь задержаться, я полагала, что дело ограничится несколькими днями, максимум неделей. Но, глядя на эту кучу, мне кажется, что мы переехали сюда навсегда.

Все выгрузив, Рейз и старший из мужчин проходят в спальню и закрывают дверь, оставляя меня наедине с другим парнем. Не понимаю, зачем им нужно

таиться, если я все равно не понимаю, о чем они говорят. Поначалу я не слишком об этом задумываюсь, полагая, что они быстренько обсудят свои дела, а потом наши гости уедут. Но спустя несколько минут молодой русский с волчьим оскалом вместо улыбки на уродливом лице начинает двигаться ко мне.

С каждым его шагом во мне все больше поселяется страх и нарастает паника, а из-за того, что я связана, я не могу ничего сделать, и мне остается только лежать здесь и ждать. Сев рядом с диваном на корточки, он протягивает руку и проводит подушечкой большого пальца по моим сухим потрескавшимся губам.

— Рейз — везучий ублюдок. Ему повезло оказаться взаперти здесь, вдали от всех с такой горячей штучкой и проводить время, погружая свой член в каждую твою тугую дырочку, пока все мы заняты настоящим делом, — злорадно рычит он, просовывая большой палец мне в рот. — Пососи его. Покажи мне, как твои хорошенькие потаскушьи губки будут обхватывать мой член.

Замерев от парализовавшего меня страха, я не могу пошевелиться, пока вдруг в комнате не раздастся эхом громкий треск, за которым следует резкая жгучая боль, растекающаяся по моей щеке. Я инстинктивно кричу, что влечет за собой удар по другой щеке.

— Не притворяйся, что ты этого не хочешь, сучка, — выплевывает он слова, задирая мою футболку до шеи и открывая на полное обозрение мои груди и тонкие трусики.

Он расстегивает штаны, его намерения написаны на его прыщавом лбу так же точно, как дьявольские огоньки пляшут в его похотливых глазах.

— Вы, американские девки, все маленькие шлюшки для русских...

Он не успевает произнести последнее слово, прежде чем его хватают сзади и швыряют через всю комнату, а его тело с грохотом ударяется о стену. Сосредоточившись на том, что со мной происходит, я даже не услышала, как открылась дверь в спальню и как оттуда вышли двое других мужчин. Но Рейз, очевидно, услышал достаточно.

Им управляла чистая ярость, когда он подкрался к молодому человеку, выглядевшему в высшей степени смущенным. Тот нахмурил брови и сказал что-то по-русски. Рейз ответил ему ударом кулака в лицо, а затем колена в живот. Парень, рухнув, падает на колени, держась одной рукой за нос, а другой показывая, что сдается.

Не принимая его капитуляцию, Рейз перехватывает в воздухе его руку и неестественным образом заламывает ее ему за спину. Меня тошнит от хруста ломающихся костей, смешанного с криками агонии. И хотя я прекрасно понимаю, что если бы этого парня не остановили, он бы меня изнасиловал, я больше не могу этого выносить.

— Стой, — визжу я.

Слезы льются по моим щекам, когда я смотрю, как Рейз бьет мужчину по ребрам ногами в тяжелых армейских ботинках. Брызги крови теперь украшают стену и ковер, и, судя по тому, как безвольно лежит его тело, уверена, он уже потерял сознание, или, хуже того, мертв.

— Пожалуйста, перестань! Рейз, ты меня пугаешь!

Звук его имени вырывает его из неистового безумия, и он немедленно останавливается. Ни тот, другой мужчина, следивший за тем, как разворачиваются события, ни я не произносим ни слова, не делаем ни шага, когда Рейз, при-

слонившись лбом к стене, с трудом пытается восстановить дыхание и вернуть себе самообладание.

Наконец через какое-то время, показавшееся мне бесконечностью, он рывкает, приказывая старшему мужчине убрать избитого, не подающего признаков жизни юношу из хижины. Что тот и делает осторожно, даже не обернувшись назад. Едва за ними закрывается дверь, Рейз медленно поворачивается лицом ко мне, его покрасневшие глаза блестят.

— Извини, что напугал тебя, kotuonok. Я не хотел.

Он стыдливо опускает взгляд в пол, его голос полон раскаяния.

— Я думал, что он тебя обижает и потерял над собой контроль. Я дал тебе слово защищать тебя, а я человек слова.

— П-пожалуйста, подойди сюда, Рейз.

Когда я говорю, мои зубы стучат больше от потрясения, чем от леденящего холода.

— Мне нужно, чтобы ты меня р-развязал, а п-потом м-мы п-поговорим.

В то же мгновение он оказывается на коленях рядом со мной, дрожащими руками распутывая надежные узлы, связывающие мои руки и ноги. Едва он убирает веревку, я, оттолкнувшись от сидения дивана, сажусь, вращая запястьями и лодыжками до тех пор, пока в конечностях не проходит покалывание. Он молча, не двигаясь, ждет, когда я что-нибудь скажу или сделаю.

— Спасибо, что спас меня от него. Если бы ты не пришел, он бы меня изнасиловал.

То, как Рейз выбивал дерьмо из этого парня, действительно напугало меня. Я ненавижу насилие. После того, что мне пришлось испытать за время совместной жизни с Исом, я питаю к нему отвращение. Но я ни в коем случае не могу злиться на Рейза за то, что он спас меня от того, что собирался сделать этот монстр.

— Я не сержусь на тебя.

Я протягиваю руки, беру его ладонь и поднимаю вверх его разбитые окровавленные костяшки.

Его кадык подпрыгивает, когда он тяжело сглатывает.

— Ты сказала, я напугал тебя.

— Да. Я не хотела, чтобы ты его убил и у тебя из-за меня были бы неприятности с паханом, — отвечаю я полуправду.

Несмотря на всю эту дерьмовую ситуацию, меня охватывает непреодолимое желание успокоить его. За этими тревожными глазами, прямо сейчас глядящими на меня, скрывается маленький мальчик, запертый в теле взрослого мужчины, мальчик, который не знает другого способа разрешения конфликтов, кроме насилия, и от этого у меня болит сердце.

— Моя работа — охранять тебя, даже от собственных людей, — скрежещущим голосом произносит он, глядя на наши соединенные руки. — И я убью за тебя и сам умру за тебя. Я сделаю все, чтобы быть уверенным, что ты сможешь выполнить свое задание.

— Будем надеяться, что этого не понадобится.

Уголки моих губ, стараясь разрядить обстановку, поднимаются в полуискренней улыбке.

— Ты и так уже достаточно разбил руки. Надо промыть ссадины, чтобы в них не попала инфекция, а потом мы разберем все это.

После того как я отпускаю его пальцы, он кивает и встает.

— Бинты и антисептик в одной из коробок. Я дописал их в список для ран у тебя на ребрах.

— Я их поищу. Иди в ванную, — отвечаю я, пряча свое удивление, что он не только заметил рваные раны, которые я сама себе нанесла ночью, но и позаботился о том, чтобы здесь было чем их обрабатывать.

К счастью, в первой же коробке, которую я открыла, оказались туалетные принадлежности, включая шампунь и кондиционер с ароматом ванили, расческа, резинки для волос, станки для бритья и даже упаковка тампонов. Кровь приливает к лицу, стоит только подумать о том, как Рейз заказывает все это для меня. Какой большой злобный гангстер подумает о таких вещах? И тут на меня снисходит озарение.

Наверное, Рейз раньше был женат. Или, по крайней мере, у него были серьезные отношения. Или, может быть, до сих пор...

Схватив крем и коробку с бинтами, я спешу в ванную комнату, чтобы помочь ему обработать раны. Раны, полученные из-за меня.

— Рейз? — застенчиво зову я, не предполагая, как он отреагирует на мой вопрос.

Он переводит взгляд с раковины на зеркало, в отражение глядя на меня.

— Да, девочка?

— Ты женат?

Мерцание, которое невозможно ни с чем спутать, мерцание, выдающее человека с глубоко разбитым сердцем, вспыхивает в его глазах глубокого синего цвета.

— Почему? — грубо рявкает он, заметно стискивая зубы.

Покачав головой, я машу рукой, стараясь показать ему, что это неважно. Ему больше ничего не нужно говорить, я уже знаю ответ.

— Не обращай внимания. Просто любопытно. Я не собиралась совать нос в твои дела. Давай-ка подлатаем тебя, а потом поедим.

Его подбородок расслабляется, когда он поворачивается ко мне лицом, но я все равно стараюсь не смотреть ему в глаза, сосредоточившись на его руке. Он пристально наблюдает за тем, как я очищаю и перебинтовываю его раны, и скоро воздух внутри ванной комнаты становится тяжелым от невысказанных слов. Едва только закончив, я сразу же поворачиваюсь, чтобы как можно быстрее выйти, но он хватает меня за локоть, вынуждая взглянуть на него.

— Ее звали Дарья, — признается он.

Его голос едва слышен.

Моя грудь сжимается от ужаса, когда я задаю следующий вопрос:

— Что с ней произошло?

— Ее жестоко изнасиловали и убили.

Почему-то я уже знаю ответ, но должна услышать это от него.

— Кто это сделал? — хриплым голосом спрашиваю я.

— Ис.

Глава 11. Блейк

(Blurry — Puddle of Mudd)

Едва услышав ответ, я бросаюсь к нему и крепко-крепко обнимаю, надеюсь... Моля..., чтобы это не было правдой, хотя умом понимаю, что все так и есть. У него нет причин мне врать. А мне не нужно еще больше поводов, чтобы ненавидеть мужчину, за которого я когда-то вышла замуж. Но теперь у меня появился еще один.

Так мы и стоим, крепко прижавшись друг к другу, нам не нужны слова. Проходят минуты. А может, часы. Я не знаю. И мне это не важно. Если тепло моих рук поможет хоть немного его утешить, пережить ему его утрату, любовь, которую он потерял, я готова простоять тут всю ночь. Я чувствую, что должна сделать это для него.

В конце концов, мы отрываемся друг от друга и направляемся на кухню. Никто из нас не готов обсуждать то, что случилось за последний час, поэтому мы приступаем к распаковке коробок с припасами, работая одной командой, так, будто делали это раньше не одну сотню раз.

Сначала мы убрали все замороженные и скоропортящиеся продукты в холодильник и морозильник. Меня беспокоит количество заказанной им еды, ведь, судя по нему, мы собираемся пробыть здесь довольно долго. Хотя я теперь и по-другому отношусь к Рейзу, тем не менее, я хочу убраться отсюда как можно скорей. Быть заключенной в четырех стенах где-то на краю света, не имея связи с внешним миром — это не жизнь.

Пока он складывает в маленькую кладовую последнюю часть бакалейных товаров, я открываю следующую коробку и еще один раз за сегодняшний день испытываю потрясение при виде того, что он еще заказал. Вся коробка заполнена женской одеждой моего размера, тут и термосвитера, и спортивные штаны, и пара джинсов, и фланелевые пижамы, и даже нижнее белье.

Пристально глядя на Рейза, я чувствую, как моя челюсть падает вниз, и недоверчиво качаю головой. Я не знаю, что сказать. И он все это заказал еще до того случая с этим больным придурком. Не знаю, кто он на самом деле, но готова признать, что, сравнивая его с Исом, я ошиблась.

— Что? Что я не так сделал? — спрашивает он, заметив, что я таращусь на него, и, изображая невинное удивление, поднимает брови.

Я не пытаюсь скрыть улыбку, приподнимающую уголки моего рта.

— Ты приказал им привезти мне одежду?

Я формулирую это как вопрос, хотя очевидный ответ на него стоит прямо передо мной.

Немного смущаясь, он бесстрастно пожимает плечами.

— Я совсем не возражаю лицезреть тебя каждый день в своей рубашке, но я знаю, что ты мерзнешь, особенно по ночам. И знаю, что тебе приходится руками стирать свое хм... свое белье. Я точно не знал размер твоего бюстгальтера, поэтому извини, если он будет не в пору.

Меня умиляет его неуклюжесть. Мне нравится сознавать, что, чтобы он почувствовал себя неловко, мне достаточно завести разговор о нижнем белье. Не бог весть какое оружие, но я сохраню эту информацию на будущее, на всякий случай.

Взглянув вниз на этикетку бюстгальтера, я совсем не удивлена, заметив, что он точно моего размера. Зас. Подняв его, я трясущим его в воздухе, и, как по команде, Рейз смущенно делает шаг назад подальше от меня.

— Все хорошо. Спасибо тебе за все эти вещи.

— Я мог бы приказать им привезти тебе твою собственную одежду, но федералы кишмя кишат вокруг твоей квартиры. Поэтому оно того не стоило, — объясняет он.

Его упоминание о том, что меня ищут федеральные агенты, опускает меня с небес, на которые я временно вознеслась, на землю.

— Ага, — киваю я, чувствуя, как грустнеет мое лицо. — Еще раз спасибо. Тебе не обязательно было это делать.

— Конечно, обязательно. Раз уж нам придется пробыть здесь какое-то время, тебе, в конце концов, нужно будет постирать эту рубашку, и тогда тебе понадобится какая-то другая одежда, если только тебе не хочется надеть то неудобное на вид платье, в котором ты была на работе в прошлую пятницу.

Морща нос, я озадаченно наклоняю голову на бок.

— Платье, в котором я была на работе в прошлую пятницу?

Он закрывает дверь в кабинет и идет ко мне.

— Да. То самое, что было на тебе, когда тебя доставили ко мне.

— Ну да, я поняла, какое платье, — поясняю я. — Меня смутила часть про «прошлую пятницу». Какой сегодня день?

— Вечер среды, — он замирает, быстро взглянув на экран телефона. — Семь двадцать три.

Ух-ты. Кажется, что я пробыла здесь с Рейзом гораздо больше, чем пять дней. Ненавижу себя за то, что так беспечно потеряла счет времени.

— Верно. Вечер среды.

И опять, благодаря своей исключительной проницательности, он понимает, что мне необходимо несколько минут, чтобы прийти в себя.

— В другой коробке должны быть книги, журналы, DVD-плеер и куча американских фильмов, которые я давно хотел посмотреть. Это должно уберечь нас от угрозы сойти с ума, запертыми в четырех стенах. Просмотри их и выбери, что тебе понравится. Я пока приму душ и, наконец, сниму с себя эту одежду, и заодно я разложу туалетные принадлежности.

Не дожидаясь моего ответа, он проходит мимо, стараясь не задеть меня плечом. Но прежде чем дверь в ванную успеет закрыться, я окликаю его:

— Рейз.

Он переключает на меня свое внимание:

— Да, девочка?

Когда я позвала его, то понятия не имела, что собираюсь ему сказать. Я просто не могу позволить этому странному напряжению вбить между нами клин.

— Что значит «kotyonok»?

Бессмысленные слова срываются с моих уст.

Мягкий смех грохочет глубоко у него в груди, когда он освещает меня мальчишеской улыбкой.

— Это означает котенок, — отвечает он, закрывая дверь быстрее, чем я успеваю что-то добавить.

* * *

— Ух-ты, вот это вкуснотища.

Рейз руками поглощает куски домашних чизбургеров, которые я приготовила, пока он был в душе.

Поняв, что, раз уж я сплю и обитаю в гостиной, то мне негде хранить мою новую одежду, я натянула на себя спортивные штаны, а остальное оставила в коробке и задвинула ее в угол за диваном, чтобы она не путалась под ногами. Потом, пока Рейз все еще был в душе, я начала готовить для нас ужин. Это был мой способ сказать ему спасибо за все. За то, что он меня защищает. За то, что беспокоится о том, чтобы у меня было все необходимое, даже в этой дерьмовой ситуации. За то, что он порядочный человек.

— Бекон и соус «ранч», — раскрываю я суперсекрет приготовления самых вкусных чизбургеров от моей мамы.

Он скептически смотрит на свой недоеденный бургер и качает головой:

— Что? Где? Не вижу здесь никакого бекона и соуса.

— Он смешан с мясом. Обычно я жарю свежий бекон и использую пакетик с сухим соусом. Но здесь приходится обходиться тем, что есть — соусом из бутылки и консервированными кусочками бекона. И все равно получилось чертовски вкусно.

Я с ухмылкой вонзаю зубы в свой истекающий жиром, но такой вкусный сэндвич.

— Осторожно, — дразня, предупреждает он. — Ты только что едва не выиграла бессменное дежурство по кухне на весь срок нашего здесь пребывания.

Закатив глаза, я бросаю в него бумажную салфетку.

— Ох-ох. Я пробовала твой омлет и ни в коем случае не позволю тебе соскочить. Ты будешь отвечать за завтрак, а я за ужин. Тот, кто не готовит, занимается уборкой.

— Ах ты, маленькая дипломатка. Где это ты так научилась? — спрашивает он, приступая к чизбургеру номер два.

Так завтра на обед ничего не останется.

— Это все мой брат Брендон. Мы всегда менялись нашими домашними обязанностями и другими мелкими поручениями, а когда стали старше, еще и покрывали друг друга, — отвечаю я, удивляя своей откровенностью саму себя. — А у тебя были родные братья или сестры?

Вытирая салфеткой жир с подбородка, он кивает.

— У меня тоже был младший брат Иван. В детстве мы были очень близки, у нас всего год разницы в возрасте.

— Когда ты переехал в Штаты? Здесь живет вся твоя семья?

Неожиданно, когда я осознаю, как мало знаю о человеке, поклявшемся защищать меня пусть даже ценой собственной жизни, у меня появляется к Рейзу целая куча вопросов. Этот факт до сих пор немного меня пугает, но я решаю на этом не заикливаться.

На секунду у него по лицу пробегает печальная тень, но он спешит сменить ее на принужденную улыбку.

— Я здесь уже больше пятнадцати лет, с тех пор как мне исполнилось семнадцать. Родители живут в Лос-Анджелесе, а брат в Хьюстоне, ведет там в порту семейный бизнес вместе с одним из кузенов.

— Мои мама с братом мертвы.

Не знаю, почему эти слова срываются у меня с уст, но по какой-то причине от этого мне становится легче.

— Да, я знаю.

Протягивая руку через маленький столик, которым мы воспользовались впервые, он накрывает мою ладонь своей, слегка поглаживая ее большим пальцем.

— Ты чувствуешь свою вину. Думаешь, что они погибли из-за тебя.

Я знаю, что он читает меня, как раскрытую книгу. Дерьмо, он, наверное, знает меня лучше, чем я. И мне понравилось, что он не спросил меня, чувствую ли я себя виноватой, а просто констатировал это как факт. Факт, который уже никогда не изменить. Только тот, кто чувствует то же самое, может понять.

— Винсент не старался скрыть от меня свои художества, — морщусь я, изо всех сил стараясь не думать о кровавой сцене, обнаруженной в доме моей матери на следующий день после того, как я застрелила Иса.

Он намеренно медленно пережевывает пищу, давая мне возможность сойтись с мыслями.

— Разве одно это не заставляет тебя хотеть убить его? Потому что я знаю, что если бы ты тогда не убила Иса, я бы в скором времени сам за ним пришел. Ты сделала этому ублюдку большое одолжение. Подарила ему легкую смерть.

— И поэтому ты сердишься на меня? Потому что я отняла у тебя эту возможность?

Удерживая мою руку, он поворачивает ее, подносит ладонь к своим губам и нежно ее целует.

— Совсем нет, kotoynok. Я рад, что он мертв, но я хочу, чтобы человек, стоящий за всем этим, заплатил по всем счетам. Мне плевать, кто это сделает, ты или я, в любом случае Винсент столько задолжал нам обоим, что у него жизни не хватит, чтобы расплатиться.

Меня охватывает странное чувство, когда мы с Рейзом вот так сидим вместе после ужина и обсуждаем, кто из нас будет убивать другого человека, а его губы прижаты к моей ладони. В этом нет никакого сексуального подтекста, хотя не могу отрицать, что в его грубой внешности есть что-то внутренне привлекательное. Но вот это, какая-то связь, которую я никогда не чувствовала больше ни с кем другим... Знаю, как безумно это звучит, но я почти уверена, что он мой ангел-хранитель.

С того самого момента, когда я попала в программу защиты свидетелей, я знала, что в конце концов кто-нибудь выяснит, кто я на самом деле, и мой фальшивый мир рухнет вместе со мной. И я не ошиблась, но каким-то образом, несмотря на все безумие этой ситуации, я попала к Рейзу, нежному великану, который ненавидит тех же людей, что и я, так же сильно, как и я. Нас свел наш общий враг, но теперь уже что-то другое сделало нас... друзьями?

К несчастью, мне не удастся хорошенько обдумать это жуткое слово, потому что молчание разбивает пронзительный звонок сотового телефона Рейза. Он вскакивает и отвечает на него, исчезая в спальне, чтобы поговорить без свидетелей. Так как мы оба уже закончили ужинать, я использую это время, чтобы помыть за нами тарелки и смести крошки со стола.

Проходит еще несколько минут, прежде чем Рейз снова появляется на кухне, и в то же мгновение по его озабоченному взгляду я понимаю, что что-то случилось.

— Что? Что такое?

Глубоко вздохнув, он трет руками щеки, а потом опускает их вниз.

— Мэдден. Он поехал в Чикаго, чтобы найти Винсента Риччи, но попал к его ребятам, которые его хорошо отделали до того, как вмешалось ФБР. Теперь такое началось. Винсент уехал из страны и прячется где-то в Италии, потому что федералы в поисках тебя прикрыли весь его бизнес, а твой друг лежит без сознания в больнице.

— О, боже.

Глава 12. Мэдден

(Over My Head — Alabama Shakes)

— Какую часть фразы «Оставьте это дело профессионалам» вы не поняли? Маршал Доэрти орет так громко, что, уверен, его хорошо слышно даже в коридоре.

— Вас чуть не убили! Не говоря уже о том, что вы провалили нам спецоперацию в «Капо», которую разрабатывало ФБР. Вместо того, чтобы заниматься своим делом, им, чтобы спасти вашу задницу, пришлось обнаружить себя раньше времени. Мистер Декер! Вы же умный человек. О чем вы только думали?

Откинувшись на подушки на неудобной больничной койке, я неотрывно смотрю, как он ходит туда-сюда по палате, под ногами его скрипит линолеум, и мне хочется только одного — чтобы он закончил читать мне нотации и ушел, а я смог бы наконец заняться выпиской. Я согласился остаться в этой дыре на сорок восемь часов для наблюдения, потому что врачам не понравились результаты МРТ, и теперь они пытаются заставить меня задержаться еще на одну ночь, потому что отек мозга спадает не так быстро, как они рассчитывали. Не дождетесь!

Уже прошло шесть дней с момента исчезновения Блейк, а эти так называемые «профессионалы» ни на шаг не приблизились к тому, чтобы найти ее. Ни контузия, ни сломанные нос и ребра не остановят меня, я буду продолжать поиски и не прекращу их, пока не найду ее или не умру.

— Вы говорили мне, что делаете все, что в ваших силах, чтобы обнаружить ее. Ее нет уже почти неделю, а у вас нет ни одной гребаной мысли, где она, — резко бросаю я в ответ, показывая голосом, что не люблю, когда со мной разговаривают как с маленьким ребенком. — Вы хоть знали, что ее нет в Чикаго? Эти громилы сказали: «... когда ее привезут домой...», это значит, что мы ищем не в том месте!

Другой мужчина, тоже находящийся в комнате, но до сего момента не принимавший участия в разговоре, поднимается со стоящего в углу стула и проходит к кровати. Это низенький, кругленький человек с темными волосами и еще более темными глазами, одетый в черные брюки и светло-голубую рубашку, пиджак от костюма он где-то оставил.

— Мистер Декер, я понимаю, что вам кажется, что вы нам помогаете, но...

— Во-первых, — резко обрываю я его, подняв руку вверх. — Я, черт возьми, понятия не имею, кто вы такой и о каких «нас» вы толкуете, но я не собираюсь никому помогать. Женщину, которую я люблю, весьма вероятно похитили какие-то очень опасные люди, и у меня только одна цель — вернуть ее обратно, живой и невредимой. Во-вторых, я прекрасно понимаю, что перед маршалом Доэрти стоит та же задача, и могу только догадываться, что и перед вами тоже, раз вы все утро торчите у меня в палате. Поэтому если обмен информацией поможет быстрее вернуть Блейк домой, я только за. Но вы с ума сошли, если считаете, что я буду сидеть сложа руки и ждать от вас новостей.

Сжав челюсти, он пронзительно смотрит на меня взглядом, который, как я могу предположить, должен меня испугать.

— Прошу прощения за то, что должным образом не представился, — отве-

чает он самым неискренним тоном. — Я агент Крейг Диомасси, и именно я во вторник спас вашу жизнь. А вам своей вылазкой в магазин удалось пустить ко всем чертям работу, которую я полгода вел там. Один из этих «громил» был моим человеком, и мы уже совсем близко подобралась к тому, чтобы получить последнее доказательство, которое позволило бы нам предъявить обвинения Винсенту Риччи... а теперь он сбежал из страны и прячется где-то в Италии, и вся операция раскрыта.

— О, покорнейше прошу меня простить. Вы ждете от меня извинений или благодарностей? — саркастично усмехаюсь я. — Вы не получите ни того, ни другого. Если вы проводили операцию и у вас был человек внутри банды, тогда вы бы знали, что Блейк нет у долбанных итальяшек.

— Мы знали! — злобно вопит он.

Переведя внимание на Доэрти, я удивленно поднимаю брови:

— Если вы знали, что она не в Чикаго, тогда что вы тут делаете и почему не ищите ее в других местах? Поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве это не ваша работа: обеспечивать гребанную безопасность ваших подопечных в программе защиты свидетелей?!

Аппараты пищат, фиксируя, как мое давление взлетает до небес. Мне плевать, кто эти ребята, плевать на их должности. Но, кажется, эффективность их работы такая же, как у всех, кто работает на правительство, то есть близка к нулю. Хорошо, что в каждой руке у меня торчит по иголке от капельницы, иначе, вероятнее всего, меня бы арестовали за нападение на этих кретинов.

На звук аппаратов в палату врывается медсестра, вероятно, полагая, что у меня начался сердечный приступ. Но как только женщина видит, что мы втроем поглощены жарким спором, она останавливается у кровати и подозрительно по очереди глядит на каждого из нас.

— Джентльмены? Что-то случилось? — строго обращается она к Доэрти и Диомасси.

Очевидно, ее не впечатляют ни их бейджи, ни пистолеты.

— Если вы и дальше собираетесь волновать пациента и доводить его до реанимации, я буду вынуждена попросить вас уйти.

Маршал Доэрти улыбается ей самодовольной улыбкой.

— Не волнуйтесь, Кристин, — отвечает он.

Его взгляд на несколько секунд дольше, чем положено, задерживается на табличке с именем, прикрепленной над ее левой грудью.

— Мистер Декер немного расстроен, но все хорошо. Заверяем вас, это больше не повторится.

Медсестра поворачивается, глядит на меня и, поцокав, говорит:

— Если я вам понадоблюсь, нажмите эту кнопку, хорошо? Я без проблем выставлю их отсюда.

Я не колеблюсь.

— Я хочу, чтобы они ушли. И я тоже хочу уйти. Пожалуйста, попросите доктора подготовить мои документы на выписку.

На ее лице меньше чем за десять секунд по очереди сменяются озабоченность, удивление и подозрительность.

— Но, сэр, доктор Роднер рекомендовал вам остаться до завтра. Завтра мы сделаем вам еще одну МРТ...

— Я в курсе его рекомендаций, сестра Кристин, но хочу уехать домой, —

стараясь быть вежливым, отвечаю я. — Поэтому либо вы меня выписываете, либо я встаю и ухожу. В любом случае, сегодня меня в больнице уже не будет.

* * *

Пять часов спустя я сижу в кресле первого класса на рейсе, летящем обратно в Лос-Анджелес, и запиваю обезболивающее коктейлем из водки с клюквенным соком минус водка. Все мое тело дрожит в агонии. Лицо выглядит так, будто я встретился на ринге с Мохаммедом Али, и болит так же. Но хуже всего увеличивающаяся дыра в груди, заполняющаяся чувством беспомощности и отчаяния, здесь болит сильнее всего. Тело и лицо со временем придут в норму, но я не уверен, что, потеряв Блейк навсегда, смогу жить дальше.

— Что, если мы ее не найдем? — спрашиваю я, откидываясь в кожаном кресле и закрывая глаза.

— Мы найдем ее, — рычит сидящий справа от меня маршал Доэрти. — Люди не исчезают просто так с лица земли. Ее где-то прячут, и тот, кто это делает, ждет подходящего момента, чтобы сделать то, что задумал.

Я открываю глаза и таращусь на скругленный потолок салона самолета, игнорируя острую боль, возникающую в животе при каждом вздохе. После того как медсестра покинула палату, Доэрти, Диомасси и я, решили заключить перемирие. Они обязались держать меня в курсе расследования, а я пообещал больше не предпринимать вероломных вылазок. Я прекрасно понимаю, что они лгали только для того, чтобы выудить у меня согласие, и что они будут скармливать мне лишь крупички информации, достаточные для того, чтобы я считал, что они соблюдают условия сделки. Но и я не так прост.

Единственная проблема состоит в том, что Диомасси настаивает, чтобы ко мне приставили спецагента, с целью защиты, разумеется. Он заявляет, что после моих проделок в «Капо» я стал мишенью не только для клана Риччи, но и для тех, кто похитил Блейк. И хотя я понимаю его обеспокоенность, думаю, что на самом деле больше всего прочего он хочет следить за мной. Так что, когда я определюсь, каков будет мой следующий шаг, мне нужно будет подумать, как его сделать с максимальной осторожностью. Я уже решил, что завтра первым делом куплю себе мобильный телефон, зарегистрированный на другое имя. Конечно же, федералы будут прослушивать мой теперешний номер, чтобы быть уверенными, что они знают все, что известно и мне.

— У вас есть какие-нибудь зацепки? Что мы будем делать теперь?

Мне хочется взять Доэрти за шею, покрепче сжать ее и трясти его до тех пор, пока он не расскажет мне все, что ему известно.

— Честно говоря, не много, — тихо отвечает он. — У меня все не выходит из головы то сообщение, пришедшее с вашего телефона, в котором Блейк назначили встречу. Кто бы его ни послал, ему была известна ваша роль в ее жизни, и этому неизвестному пришлось приложить усилия, чтобы завладеть вашим телефоном. Не может быть просто совпадением, что все, что случилось, произошло в тот самый день, когда пропал ваш телефон. Все было заранее продумано. Организатором похищения является тот, кто хорошо знаком с вами обоими, либо же его использовали как посредника.

Эмерсон. Я до сих пор считаю, что она замешана в этом. Мне нужно узнать, как заставить ее говорить.

Откашлявшись, Доэрти неуютно ерзает в кресле.

— Вы уверены, что не помните, когда в последний раз видели свой теле-

фон? Куда он мог деться?

От обвинительных интонаций в его голосе кровь стучит у меня в ушах.

— Вы на хер серьезно? — недоверчиво цежу я сквозь зубы. — Вы полагаете, что я как-то с этим связан? Что я все это задумал? Что я чуть не дал себя убить, если бы имел к этому хоть какое-то отношение?

Он поднимает вверх руки, показывая, что сдается, и отодвигается от меня на столько, на сколько ему позволяет подлокотник.

— Нет! Нет! По крайней мере, больше нет. До того как вы объявились в Чикаго, должен признать, вы входили в круг возможных подозреваемых, но после того, как вы так безрассудно и опрометчиво бросились туда, откуда, по всей вероятности, не вышли бы живым, мы вычеркнули вас из списка.

Выдыхая в течение нескольких секунд сквозь перекошенные губы, я стараюсь успокоиться, прежде чем заговорить. Я готов был вылить на него все свое долбаное дерьмо. Сама мысль о том, что я могу быть как-то связан с похищением Блейк... Я готов набить ему морду только за то, что ему могла прийти в голову эта нелепая мысль.

— Мэдден, мы должны тщательно изучать все возможности... включая вас, — продолжает он уже более расслабленно, увидев, что я успокаиваюсь. — Я понимаю, что за последнюю неделю ваша жизнь перевернулась с ног на голову. Пропала женщина, которую вы любите. Вы выясняете, что она входила в программу защиты свидетелей, и ее жизнь до вашей встречи была похожа на то, что вы могли бы увидеть только в каком-нибудь извращенном психологическом триллере. И в довершении всего, кто-то воспользовался вашим телефоном, чтобы привести свой замысел в исполнение. Я знаю, что вы чувствуете себя так, будто вошли в крутое пике, но вы должны постараться не принимать импульсивных, необдуманных решений. Это лишь помешает нашим усилиям, навлечет на вас беду, а возможно, подвергнет опасности жизнь Блейк.

Соглашаясь с ним, я киваю. До путешествия в Чикаго я действительно не задумывался о чем-то, кроме того, что могу сам пострадать, и я готов был идти на риск, если это могло спасти Блейк. Моими действиями управляло переполняющее меня желание что-то делать, делать хоть что-нибудь. И хотя поездку можно считать успешной в той части, что я выяснил, что Блейк похитил не Винсент Риччи, а также снял с себя всякие подозрения, сейчас я боюсь, как бы я не ухудшил ее положение.

— Я уже говорил вам, что больше не буду принимать безрассудных решений, — цежу я сквозь зубы, более, чем кто-либо, огорченный своими поступками.

— Хорошо, — одобрительно кивает он. — Полагаю, что переполох, который вы наделали в Чикаго, заставит того, кто удерживает Блейк, ненадолго залечь на дно, но если с вами каким-то образом свяжутся, или что-то покажется вам странным, немедленно звоните мне. Мы должны действовать быстро.

Пробормотав согласие, я уже перестаю обращать на него внимание и сосредотачиваюсь на том, что должен буду сделать, когда приеду домой. У меня в голове все до сих пор указывает на Эмерсон, и у меня есть план.

Глава 13. Блейк

(So Far Away — Stained)

Телефон Рейза завибрировал входящим сообщением, и я подпрыгнула почти до потолка, молясь о том, чтобы это были новости о Мэддене. Вчера вечером мы узнали об облаве, устроенной ФБР в магазине Винсента и о том, что Мэдден попал в больницу. Прошло уже больше суток с инцидента в Чикаго, и с тех самых пор человек, снабжавший моего стража информацией, выходил на связь всего несколько раз, выдавая ее по крупницам.

По словам Рейза, федералы, опасаясь волнений по всей стране, как со стороны союзников, так и врагов семьи Риччи, изо всех сил постарались скрыть произошедшее. Но, конечно, кое-какие детали в конце концов просочились, и теперь началась борьба за контроль над Чикаго. Вот его точные слова: «Мы, как акулы. Стоит только какой-нибудь семье получить хоть царапину, остальные, как будто за много миль почуяв запах одной единственной капли крови, тут же готовы воспользоваться ее уязвимостью».

Кажется, он рад, что империя Винсента зашаталась, и если бы я хоть сколько-нибудь об этом поразмыслила, то наверняка тоже бы обрадовалась, но я не могу думать ни о чем, кроме Мэддена. Как он себя чувствует? Почему он там оказался? Что ему теперь обо мне известно? Смогу ли я когда-нибудь сказать, что люблю его?

— Ну и? — я выжидающе смотрю на Рейза с дивана, туда, где он, стоя у обеденного стола, печатает ответ. — Ты расскажешь мне?

— Да, нетерпеливая моя. Подожди минутку. Я пытаюсь выяснить все, что могу.

Я жду и одновременно жую щеку изнутри. Кажется, что прошла уже вечность, когда он, наконец, поднимает голову и встречается со мной взглядом.

— Сегодня днем твоего парня выписали из больницы, и сейчас он вместе с маршалом Доэрти летит обратно в Лос-Анджелес. У меня до сих пор нет сведений о его травмах и повреждениях, но, очевидно, что путешествовать он в состоянии. Никто толком не знает, что он делал в «Капо», чего надеялся добиться, но мой информатор в Бюро подтвердил, что он был там исключительно по собственной инициативе и в итоге ввязался в потасовку с людьми Винсента. Ситуация вышла из под контроля, но, к его счастью, федералы вели наблюдение за магазином и смогли вмешаться прежде, чем для него все зашло слишком далеко.

Прервавшись на мгновение, он с сомнением качает головой:

— Или этот парень полный идиот, или он действительно любит тебя.

Когда он заканчивает свой рассказ, меня накрывает волна чувств, и я разражаюсь рыданиями. Я чувствую облегчение, что Мэдден серьезно не пострадал. Я злюсь на себя за то, что втянула его в тот бардак, в который превратилась моя жизнь. Я переживаю, что он мог рассердиться на меня. Я боюсь, что он совершит еще какой-нибудь безрассудный поступок и еще раз подвергнет свою жизнь опасности и уже такой, от которой ему не уйти. Я понимаю, что верю — когда он шептал мне, что любит, он действительно имел это в виду. Я прихожу в отчаяние при мысли о том, что могу никогда не сказать ему то же самое.

— Почему ты плачешь, kotyonok?

В мгновение ока Рейз подхватывает меня на руки, и я прижимаюсь лицом к его груди. Я жажду человеческого тепла и таю в его объятиях.

— Я подумал, что ты будешь счастлива узнать, что с ним все в порядке и он едет домой. Скажи, что не так?

— Я... я... я...

Каждый раз, едва я начинаю говорить, я не могу сдержать рыданий.

— Я так и не сказала... так и не сказала, что люблю его.

Лишь только признание слетает с моих губ, на меня накатывает новая волна истерики, и я, крепко вцепившись в его мускулистую спину, использую в качестве носового платка его рубашку. Рейз, еще крепче сжав вокруг меня руки, притягивает меня поближе и успокаивающе гладит по голове.

— Ш-ш-ш... Все будет хорошо, — мягко шепчет он. — Как только все закончится, ты обязательно скажешь ему все, что захочешь. А сейчас успокойся, сладкая девочка. Не нужно из-за этого расстраиваться.

Сладкая девочка — так называл меня Мэдден — и теперь эти слова эхом отдаются у меня в ушах и, вместо того, чтобы успокоить, рвут мое сердце на части. Становится тяжело дышать. Мне не хватает воздуха. Я чувствую себя так, будто мне вскрыли грудную клетку и выставили на всеобщее обозрение то, что осталось от моего истерзанного сердца.

В отчаянной попытке уцепиться за реальность я погружаю ногти в мягкую плоть, чтобы ощутить последующую за этим боль, боль, которая напомнит мне, что я все еще жива. Только она не приходит. Не понимая, что происходит, я нажимаю сильнее, погружая кератин в свои бока, и тяну руки вниз, но все равно ничего не чувствую. И лишь тогда я понимаю, что обнимаю не себя, а Рейза.

Поспешно отпустив его, я с ужасом делаю глубокий вдох и запрокидываю голову, чтобы взглянуть ему в лицо.

— О, боже. Извини! Тебе больно? Я думала, что...

Он подносит палец к моим губам, указывая, чтобы я замолчала.

— Все нормально, но тебе нужно успокоиться, kotoynok. Этим ты все равно ничем себе не поможешь. Я понимаю, что ты скучаешь по нему и чувствуешь вину, что не рассказала ему о своих чувствах до того, как это все случилось, но ты должна верить, что увидишь его снова.

— А что, если нет? Вдруг что-то пойдет не так, и Винсент убьет меня первым? Что, если он вообще не вернется из Италии? Что тогда будет со мной? Вы просто меня отпустите?

Хлюпая носом, я тыльной стороной руки вытираю слезы.

— Все эти «а что, если»... Рейз, тебе, как и мне, прекрасно известно, что может случиться что угодно. Вероятность того, что мы с Мэдденом снова будем вместе очень мала, а даже если будем, сомневаюсь, что между нами все будет по-прежнему. Я имею в виду, каким глазами он на меня теперь посмотрит, когда уже знает, кто я на самом деле и что совершила? Да его, наверное, воротит от одной мысли обо мне. Не говоря о том, что из-за наших отношений его уже чуть не убили. Наверняка, он ненавидит...

На этот раз два пальца прижались к губам, чтобы прервать мою речь.

— Он определенно любит тебя, — без тени сомнения заявляет Рейз. — И больше ничего не имеет для него значения. Ни на грамм. Уж поверь мне. Я бы

тысячу раз умер сам, только бы моя Дарья была жива.

Не ответив Рейзу ничего вразумительного, я клубочком сворачиваюсь у него на груди и закрываю глаза. Следующее, что я помню: я просыпаюсь от запаха бекона и кленового сиропа и вижу, что лежу, укрытая одеялом в кровати Рейза, одна.

Глава 14. Мэдден

(Alibi — Elvis Costello)

Наплевав на строгие предписания врача, по крайней мере, неделю-полторы оставаться в постели и отдыхать, на следующее утро после возвращения из Чикаго, я выхожу из лифта на десятом этаже, полностью занимаемом «Декер Энтерпрайзис». Вместе со мной выходит Ланс — персональный охранник, приставленный ко мне ФБР, несмотря на все мои возражения. Выходит, игнорируя флюиды, посылаемые с того самого момента, как он проследовал за мной в здание, и повторяющие одно лишь слово «отвали».

Я уже раздражен, и поэтому, когда администратор радостно приветствует меня фразой: «Добро пожаловать, мистер Декер!», я бросаю на него злобный взгляд и пулей проношусь в свой кабинет, не ответив ему ни слова. У меня абсолютно нет настроения для фальшивых любезностей. Я чувствую себя так, будто меня переехал грузовик, ко мне приставили соглядатая, а моя девушка все еще не найдена!

— О боже, Мэдден! — восклицает Кэролайн, мой личный помощник, разглядев меня поближе. — Вы сказали, что попали в небольшую передрагу, а не что вас отколошматили, как грушу. И вы не предупреждали меня, что будете не один.

— Кэролайн, это Ланс, назначенный мне телохранитель. Он посидит здесь с тобой, пока я буду у себя, — объявляю я, глядя по очереди то на одного из них, то на другого.

— Ланс, это Кэролайн — мой помощник. Если тебе что-нибудь потребуется, обращайся.

Не дожидаясь их ответа, я разворачиваюсь на пятках и шагаю напрямик в свой кабинет. Кэролайн, схватив блокнот, подскакивает и обходит свой стол, чтобы проследовать за мной. Так обычно начинается мой рабочий день.

— Со мной все нормально, Кэролайн. Не надо делать из мухи слона, и нет, я не хочу об этом говорить, — резко отвечаю я, бросая на тумбу портфель, и сажусь в рабочее кресло. — Очевидно, нам надо пробежаться по вопросам, пропущенным мной за неделю, но сначала хочу тебе сообщить, что уже послал сообщение в бухгалтерию с указанием выписать тебе премию, которая бы компенсировала эти четыре дня полного ада. Я очень ценю, что ты не только взяла на себя ответственность и не позволила компании развалиться на части, но и дала мне время, которое было мне крайне необходимо, чтобы меня не донимали постоянными электронными письмами, сообщениями и звонками.

Она, застенчиво улыбаясь, заправляет за ухо седую прядь.

— Мэдден, я ценю, что вы так в меня верите, но я делала это не одна. Здесь был ваш брат, он каждый день приходил раньше, чем я, а уходил позже. Он лично смотрел все документы, что я готовила, и отвечал на большинство электронных писем.

— Истон? Ты серьезно?

Нахмутив лоб, я пристально гляжу на нее.

Кэролайн энергично кивает, и у нее на лице появляется широкая улыбка.

— Да, и он уже нанял нового работника вместо Эмерсон. Я порекомендова-

ла ему женщину из своего бинго-клуба.

Упоминание об Эмерсон сводит на нет все полученные от общения положительные эмоции, но в то же время служит напоминанием о моих реальных приоритетах на это утро.

— Очень хорошо. Поговорю с ним позже. Я зашел, только чтобы скопировать с сервера пару файлов и посмотреть их дома в выходные. Вообще-то, я не собирался задерживаться.

Бросив взгляд на стол, я внезапно вспоминаю тот вечер, когда Блейк неожиданно принесла мне на работу ужин. Воспоминания о ней, раскинувшейся обнаженной на его деревянной поверхности заставляет дернуться мой член. Дьявол. Только не сейчас.

— Вам удалось узнать, где находится мисс Мартин? Кто мог ее похитить? — приглушенным голосом спрашивает Кэролайн, вырывая меня из сладких грез.

— Нет, — качаю я головой. — Я выяснил, где ее точно нет, но это ничем не помогло.

Когда я вызвал свою старую, преданную помощницу, чтобы сообщить ей, что на этой неделе меня не будет, то посвятил ее в произошедшее, взяв при этом обещание никому ничего не рассказывать. Ей неизвестны детали прошлого Блейк, но она в курсе ситуации в целом и изо всех сил желает мне помочь.

Ее улыбка гаснет, и она опускает взгляд на свой блокнот, как будто не знает, что сказать. Я имею в виду, честно, никакие слова не могут помочь исправить эту ситуацию, только если это не сведения о местонахождении Блейк.

Избавляя Кэролайн от затянувшейся неловкой паузы, я сменив тему, продолжаю:

— Днем я встречаюсь с родителями, раз уж со всеми этими событиями пропустил воскресный семейный обед. Я сказал маме, что уезжал по делам, но не решился упомянуть, что мое лицо похоже на отбивную, поэтому мне нужно по дороге купить ей цветы, чтобы смягчить удар. Ты не могла бы позвонить в тот цветочный магазин Джастин-стрит, где я обычно заказываю букеты, и попросить их собрать что-нибудь в мамином вкусе?

— Без проблем. Сумма?

Она делает пометку в блокноте.

Пожав плечами, я включаю компьютер.

— Не знаю. За двести баксов мне сделают что-нибудь достойное?

— Определенно. Что-нибудь еще?

Чтобы быть уверенным, что ни Ланс, ни кто-либо еще, кто может просушивать мой кабинет, меня не слышат, я жестом указываю ей подойти к столу. На листке бумаги я пишу для нее инструкции: в обед выйти из офиса и купить мне телефон с предоплаченным тарифным планом, передать его Истону лично в руки и сказать ему, чтобы он привез его сегодня вечером ко мне домой. После того, как она все прочитала и, кивнув головой, показала, что все точно поняла, я опускаю бумагу в шредер, который держу под столом.

— Кэролайн, я прошу вас, позаботьтесь обо всем. Еще раз спасибо вам за все.

Как только она выходит, я открываю ящик стола, чтобы взять жесткий диск, на который собираюсь сохранить нужные файлы, и тут мой взгляд падает на фотографию Блейк в юности. Не в силах бороться с искушением я достаю

ее и неотрывно смотрю на нее добрых минут пять. Мне становится тяжело глотать, а к глазам подступают слезы, мысли о том, что она вынесла в таком юном возрасте, бьют меня в самое сердце.

Все теперь обретает смысл. Мое изначальное влечение к ней, непреодолимое желание заботиться о ней, принять ее беду, как свою. Это моя сущность, как любовника. Я — страж. Защитник. Я нахожу особое удовольствие, когда она по доброй воле отдает мне контроль над своим телом, разумом и душой и позволяет мне избавить ее от демонов, что терзают ее. Сознание того, что она мне доверяет, возносит меня на самую высокую вершину.

Понимание того, что я подвел ее, подверг ее жизнь опасности, сбрасывает меня вниз на самое дно.

Я раздраженно со стуком закрываю ящик и резко встаю. К черту файлы. Кого я обманываю? Я все равно не собираюсь заниматься в выходные этим дерьмом. У меня уже и так все расписано.

Моя первая остановка, после того как я покинул офис, у цветочного магазина, где я быстренько забрал букет, который заказала для меня Кэролайн. Оттуда я окружным путем еду в дом родителей в Малибу, всю дорогу мысленно готовясь к бесконечным вопросам, которыми засыплет меня мать. Вопросам о моих ранах, телохранителе и, конечно, о том, почему я уволил Эмерсон. К тому времени, когда я подъехал к их дому, я уже решил, что лучше всего врать. Обо всем.

Два с половиной часа спустя мне успешно удалось убедить родителей, что я попал в аварию, столкнувшись с внедорожником, и именно поэтому у меня сломаны ребра и все лицо в синяках, что Ланс — мой друг по колледжу, который остановился у меня на уикенд, что я дал возможность Эмерсон уволиться по собственному желанию, потому что обнаружил, что она тратит деньги фирмы на кокаин, но обещал не рассказывать об этом ее родителям и не заявлять в полицию, если она вернет всю сумму и начнет лечиться от наркозависимости. Я понимаю, что это уж слишком, но мне все равно. У меня есть такое чувство, что то, что она действительно совершила, гораздо хуже любых моих фантазий. И если выйдет так, что я прав, я расскажу родителям правду обо всем.

К тому времени, как я добираюсь до дома, у меня раскалывается голова, а грудная клетка болит так, будто по ней целый день колотили бейсбольной битой. Мне нужно выпить обезболивающее, принять душ и вздремнуть. Но сначала нужно послать сообщение.

Я: Привет, Эмерсон. Ты завтра вечером свободна? Я бы хотел лично извиниться перед тобой. Ужин у меня в семь?

Ответ не заставляет себя ждать.

Эмерсон: Конечно. До встречи. ХХХ

Глава 15. Мэдден

(A Tout Le Monde — Megadeth)

За час до приезда Эмерсон я проверяю, перепроверяю и еще раз перепроверяю, чтобы все было в точности так, как должно быть. У меня есть только один патрон, и он должен попасть точно в цель. Сегодня вечером я должен узнать наверняка, у кого моя сладкая девочка. Все, что мне останется потом, лишь выяснить, как ее вернуть.

Открыв парадную дверь, я шагаю напрямик через лужайку туда, где Ланс на черном внедорожнике «Тахо» последней модели патрулирует мой дом. Я полагал, что его проинструктировали на счет моих близких, а также людей, непосредственно связанных с этим делом, но после того, как он практически напал на моего заглянувшего в гости брата, а сегодня утром еще и на Сару, когда та пришла на работу, я решил, что должен сообщать ему о посетителях.

— Эй, — изображаю я на лице улыбку, когда он опускает стекло. — Я только хотел вас предупредить, что сегодня вечером ко мне на ужин придет моя старая знакомая по имени Эмерсон. Не знаю, какая у вас там процедура, может, вы должны проверить у нее документы или что-то еще, но я был бы очень благодарен, если бы вы держались отсюда как можно дальше. Ничто так не «способствует» романтическому ужину, как «нянька», торчащая под твоим окном.

Его лицо остается бесстрастным, пока он просматривает какие-то бумаги, лежащие на пассажирском сидении.

— Мне понадобится описание ее внешности, а также цвет, марка и модель машины.

— Высокая... стройная... с длинными вьющимися рыжими волосами. Ездит на новом серебристом «Мерседесе» С-класса, — тотчас же выкладываю я.

Лишь единожды кивнув, он что-то быстро записывает на бумаге.

— Понял. Пусть спокойно проходит, я ее не трону.

— Да, спасибо, — отвечаю я, слегка постучав кулаком по крыше его автомобиля, прежде чем опять исчезнуть в своем доме.

Боже, скорей бы это все закончилось. Я просто хочу вернуть свою Блейк.

Без пяти семь на мою подъездную дорожку сворачивает автомобиль Эмерсон, и один единственный раз в жизни я благодарен ей за то, что она считает себя настолько важной персоной, что паркует машину в гараже и заходит со двора, как будто она на хер здесь живет. Мне лишь важно, чтобы она не заметила присутствие Ланса.

В ту секунду, когда Эмерсон проходит, естественно без стука, в заднюю дверь, и видит мое лицо, она, откинув сумочку, бросается туда, где я, сидя на барном стуле, жду ее и потягиваю вино.

— О, боже мой, Мэдден! Что с тобой произошло? — пронзительно, с искренней тревогой в голосе кричит она. — Кто это сделал? Я убью его, кем бы он ни был!

Соскользнув с табурета, я встаю, чтобы с фальшивой улыбкой на лице поприветствовать ее. От одного ее вида мой желудок сжимается от отвращения, и мне приходится постоянно напоминать себе, что сегодня вечером все закончится.

— Эй, Эм, — я развожу руки, раскрывая ей свои объятия. — Не волнуйся, это только выглядит ужасно, на самом деле все не так плохо, как кажется. Мы тут с одним приятелем поехали покататься на внедорожнике по окрестностям, и на очередном прыжке я переоценил свои силы... Скоро все заживет. Я уже прошел обследование.

Она смущенно делает шаг навстречу в мои объятия, но едва я обвиваю вокруг нее свои руки, и мы крепко прижимаемся друг к другу, она расслабляется и виснет на мне.

— О, Мэдден, — шепчет она. — Я так соскучилась по твоему запаху.

Меня едва не вырвало прямо ей на волосы. Надеюсь, ей понравится запах в тюремной камере.

— Я тоже по тебе скучал. Очень, — вру я, целуя ее в лоб, когда мы отрываемся друг от друга. — Давай я налью тебе бокал вина? Я подобрал для сегодняшнего вечера две бутылки Пино-нуар. Это ведь твое любимое?

Она так широко улыбается, как будто я только что попросил у нее выйти за меня замуж. Тупая шлюха.

— Да, конечно! Безусловно, я буду пить то же, что и ты.

Мягко ступая босыми ногами по плитке, я тянусь, чтобы достать из шкафчика еще один бокал, стараясь, чтобы при этом у меня непременно задралась рубашка. Ее глаза следят за каждым моим движением, и когда я чувствую, как холодный воздух целует обнаженную кожу моего живота как раз там, где свободно висят на бедрах потертые джинсы, она издает шипение, как вероломная гадюка, которой она на самом деле и я является.

Все еще находясь к ней спиной, я медленно наливаю вино в бокал и, чтобы сохранить хладнокровие, считаю до десяти. Затем с самодовольной ухмылкой на лице я поворачиваюсь и подхожу к ней.

— Мне кажется, что это тебе действительно понравится.

Облизывая губы, Эмерсон бесстыдно пожирает меня глазами. Она настолько поглощена собой, что даже не в состоянии задуматься над тем, как странно выглядит с моей стороны такая резкая перемена отношения. Конечно же, она не задает вопросов. Возможно, лишь размышляет, почему я приполз к ней на коленях только через неделю.

— Я уже знаю, что мне понравится, — отвечает она, ясно давая понять, когда забирает у меня из рук бокал, что речь идет не о вине.

Она настолько все для меня упрощает. Да к десерту она будет есть у меня с руки.

— Ты проголодалась? Я попросил Сару приготовить нам стейки с чесночным ризотто. Они ждут нас в духовке.

Глаза Эмерсон, медленно потягивающей вино, загораются, и она оживленно кивает:

— Звучит аппетитно.

В течение всего следующего часа, после того как я извинился за ошибку с ее увольнением, за ужином мы предавались нашим детским воспоминаниям, осушив при этом две бутылки вина, большая часть которого оказалась в ее бокале. Я был осторожен и никак не упоминал при ней Блейк и события прошлой недели, намеренно напоминая Эмерсон о нашей длинной общей истории, и почему она должна доверять мне. Я делаю это, потому что это мой долг, но пока мы ужинаем, внутри меня буквально начинает вздыматься гнев, и

мне приходится прикусить язык, чтобы не спросить у нее о том, что я на самом деле хочу узнать. Терпение — не моя главная добродетель.

К тому моменту, когда мы встаем, чтобы убрать со стола тарелки, несомненно, благодаря действию вина, Эмерсон уже глупо хихикает и мечтательно витает в облаках. Чуть не споткнувшись, преодолевая короткое расстояние до раковины, она хватается за мою руку, чтобы сохранить равновесие. От ее прикосновения меня передергивает, но к счастью в этот момент ее гораздо больше волнует собственная неловкость, и за своим сопровождаемым пьяной икотой смехом она ничего не замечает.

Пока я мою тарелки и приборы, она продолжает висеть у меня на левой руке и тереться грудью о мое плечо.

— Сколько еще ты будешь заставляешь меня ждать?

— Ждать чего? — спрашиваю я, выключая кран и поворачиваясь к ней лицом.

Коварная улыбочка приподнимает уголок моих губ.

Встав на цыпочки, она подносит губы к моему уху и прикусывает мочку.

— Того извинительного траха, что ты мне обещал, — скрежещет она, как ржавое железо.

— Я помню только про часть с извинениями, — подхватывая игру, дразню я ее.

Эмерсон слегка отклоняется назад и пристально смотрит на меня из-под ресниц.

— Ты имеешь в виду, что пригласил меня не для того, чтобы потрахаться? — спрашивает она, выделяя последнее слово и одновременно сжимая через джинсы мой мягкий член.

— Может, мы пропустим банановый пудинг и сразу пойдем наверх? Думаю, что в любом случае ты самая сладкая вещь, что есть в доме, — я ненавижу себя еще до того, как заканчиваю эту фразу, несмотря на то, что знаю, что это необходимо, чтобы заполучить ее туда, где мне нужно.

Ее лицо озаряется, и она, спотыкаясь и бормоча что-то себе под нос, бросается бежать наверх в мою комнату. Следуя за ней, я снова и снова напоминаю себе, что делаю это, потому что люблю Блейк. Она все поймет, когда я, наконец, смогу ей объяснить. И если я этого не сделаю, возможно, у меня уже не будет шанса на объяснения.

К тому моменту, когда я пересекаю порог своей спальни, Эмерсон, сбросив с себя туфли и платье, уже лежит, раскинувшись, на моей кровати, одетая только в черные трусики-танго. Одна рука опущена в трусики, лаская ее, другая перекачивает между пальцами левый сосок.

— Вау, ты быстро, — ухмыляюсь я, мельком взглянув на дверь в гардеробную, чтобы удостовериться, что она в спешке ее случайно не закрыла, и с облегчением вижу, что все стоит, как я оставил.

— Меня так давно не было в этой постели, — с придыханием произносит она, не сводя с меня глаз. — Здесь мое место.

Подойдя к прикроватной тумбочке, я отвожу взгляд, потому что не могу без рвотных позывов видеть, как она прикасается к себе на моей кровати. Завтра же куплю новую мебель. И сожгу простыни.

— Твое место? — игриво спрашиваю я, вытаскивая из нижнего ящика наручники и покачивая ими перед ее лицом. — Тогда ты не будешь возражать,

если я задержу тебя на твоём месте при помощи этого?

На её лице вспыхивает возбуждение. Она решила, что мне хочется поиграть. Тупая сука.

— Совсем не буду, мистер Декер, — мурлычет она, хлопая накладными ресницами, когда поднимает вверх руки. — Вы собираетесь меня наказать за то, что я была плохой маленькой ассистенткой?

Продев цепь через рейки в изголовье кровати и скрепив вместе её запястья, я, ослабившись, улыбнулся, глядя на неё сверху вниз.

— Это зависит от того, как хорошо ты себя вела. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Она морщит носик, притворяясь, что задумывается, а потом качает головой:

— Не думаю, что мне есть в чем признаваться.

Теперь я достаю из ящика черную повязку и, не теряя времени даром, завязываю ей глаза. Она не сопротивляется.

Отодвинувшись к нижнему краю кровати, я располагаюсь сбоку так, чтобы её хорошо было видно в камеру. Потом, несколько раз глубоко вздохнув и произнеся мысленно молитву, я поднимаю её ногу и начинаю её массировать. Кажется, что от прикосновения к её коже мои пальцы покрываются волдырями, её обманчиво привлекательная внешность не может скрыть кипящего у неё внутри отвратительного уродства.

— О, мне так хорошо, — стонет она, когда я потираю свод её стопы, поднимаясь вверх к лодыжке, а затем и к икре.

— Ты скучала по мне, Эм? — вывожу я её на тот разговор, который весь вечер до безумия мечтал начать.

Мои руки постепенно продвигаются вверх.

— Ты скучала по моей постели? Мечтала здесь оказаться?

Эмерсон, захныкав, кивает:

— Ты же знаешь, что да, Мэдден. Ты создан для меня. Для тебя я сделаю все, что угодно.

Достигнув задней части колена, я ослабляю прикосновения и начинаю поглаживать её ногу вверх и вниз.

— Я сделал ошибку, связавшись с Блейк. Я был удивительно слеп, чтобы заметить то, что было прямо передо мной. Никогда не думал, что ты серьёзно относишься к тому, что было у нас с тобой, но я осознал, как был неправ.

Замолкнув, я заканчиваю массирующие движения и медленно перехожу к внутренней части бедра. Мне приходится закрыть глаза, чтобы не видеть, как мои руки касаются её тела.

— Это больше не важно, — тяжело выдыхает она, извиваясь под моими прикосновениями. — Я здесь, а она нет.

— Верно.

Моя рука сейчас находится на опасно близком расстоянии от её вагины, но замирает, прежде чем дать ей то, чего Эмерсон так отчаянно жаждет.

— Я так толком и не поблагодарил тебя за то, что ты позаботилась о...

Я легонько провожу пальцем по крохотному кусочку кружева, покрывающему её киску, и тут же возвращаюсь обратно к внутренней части бедра.

— Мне следовало понять, что ты лучше знаешь, что хорошо для меня. И всегда знала.

Ее спина выгибается на матрасе, когда Эмерсон пытается прижаться бедрами к моей руке, и в уголках ее губ вспыхивает самодовольная улыбка.

— Всегда, — выдыхает она. — Ты всегда принадлежал мне, и всегда будешь. Тебе просто надо было об этом напомнить.

Обводя кромку ее трусиков, я время от времени запускаю палец под тонкую ткань, каждый раз вызывая у нее шумный вздох.

— Я только не могу понять, как ты это сделала.

Я провожу большим пальцем по ее клитору, и она начинает ерзать.

— Как ты узнала, кто она на самом деле.

Я еще раз, уже сильнее, провожу по клитору.

— Пожалуйста, Мэдден, — умоляет она, разводя ноги шире, чтобы дать мне полный доступ к своей киске. — Сорви мои трусики и прикоснись ко мне. Пожалуйста.

Глубокое рычание исходит у меня из груди, потому что у меня остается все меньше сил, чтобы продолжать эту игру. Наступает переломный момент. Ей осталось только произнести это. Признать, что ей известно, что случилось с Блейк.

Удовлетворяя ее желание, я хватаю трусики и, зажмурив глаза, срываю их с ее тела.

— Тебе нужны мои руки на твоей киске, Эм? Или, может, мой рот? Хочешь?

— Да! Боже, да! — вопит она. — Мэдден, пожалуйста, оближи мою киску!

— Расскажи мне, как ты это сделала, и я буду поглощать ее до рассвета, детка. Я позволю тебе объезжать мое лицо столько, сколько твоей душе будет угодно.

Я вижу, как она натягивает путы, и чувствую, что ее решимость начинает ослабевать.

— Фотография... фотография в твоем столе, — начинает она, но затем, как будто поймав себя на слове, останавливается.

Я игриво шлепаю ее по заднице прежде, чем к ней успевают вернуться способность мыслить здраво.

— Продолжай, красавица. Жду не дождусь, когда зареюсь лицом в твою сладкую киску и получу десерт, который ты обещала.

— Я загрузила картинку и поискала в «Гугле», в ответ вывалились сотни статей. Так я и узнала.

Хоть я и не удивлен, ее признание ржавым тупым ножом вспороло мне сердце. Это моя вина, что Эмерсон выяснила, кто такая Блейк... все началось из-за той фотографии. Если бы я не забрал ее тогда у нее из спальни, где Блейк, несомненно, ее прятала подальше от чужих глаз, ничего этого бы не случилось.

— У кого она теперь? — ударив Эмерсон еще раз по заднице, я стараюсь выжать из нее как можно больше информации.

— Я не знаю, что с ней сделали русские, да и на самом деле, мне плевать, — стонет она, и в ней разрастается тревога. — А теперь иди ко мне и заполни меня своим языком.

Русские. Она у гребаных русских. У меня перед глазами немедленно возникает лицо Истона, и я боюсь, что моя голова буквально взорвется от нахлынувшей на меня чистой ярости. Я поверил ему, когда он сказал, что не имеет к этому никакого отношения, а оказывается, все это время это была моя плоть и

кровь.

— Ты долбанная сука! — проревел я, отбрасывая от себя ее ноги, и стал отодвигаться назад, слезая с постели.

Боюсь, что пока она так близко, я могу убить ее собственными руками.

Я чувствую на языке вкус желчи и понимаю, что меня сейчас стошнит. Бросившись в ванную, я, игнорируя истеричные крики Эмерсон, когда та поняла, что случилось, выплескиваю содержимое своего желудка в унитаз. И когда чувствую, что во мне больше ничего не осталось, я валюсь на пол, прижимаюсь щекой к холодной плитке.

Я убью своего брата.

Глава 16. Рейз

(Gotten — Slash)

Выйдя из хижины, чтобы позвонить, я гляжу на полночное звездное небо и в сотый раз за день спрашиваю сам себя, не сошел ли я с ума. Если то, что я собираюсь сделать, раскроется, мы все умрем. Без вопросов. В историю семьи я войду как неблагодарный, опозоривший ее сын. Человек, рискнувший всей братвой ради женщины. Американской женщины, с которой знаком всего лишь неделю.

Но это все не только ради нее. Это и для моей Дарьи тоже. Это мой способ все исправить для нее. Все, что я сделал неправильно в первый раз, я, по крайней мере, могу сделать правильно теперь. Потому что она была права... любовь — единственное, что может исцелить любую рану, возможно, мне уже не сможешь, но есть способ спасти эту невинную девочку. Девочку, которой нужен тот единственный человек в мире, который по-настоящему ее любит.

Мысленно сделав пометку, я пролистываю на телефоне список контактов до тех пор, пока не нахожу в нем Истона Декера, а затем нажимаю кнопку «Соединить». Я слышу несколько гудков, и когда уже начинаю бояться, что попаду на голосовую почту, из трубки доносится его голос.

— Эй, Рейз, прости, что не позвонил. Тут у нас столько всего произошло, проблемы семьи, и я... уф, у меня даже не было времени собрать деньги, — нервно, сбивчиво говорит он, не позволяя мне вставить и слово.

И только тогда я вспоминаю, что он совсем не в курсе, что его подруга Эмерсон обменяла Блейк на его игорные долги. Он считает, что я звоню ему из-за денег.

Пытаясь столь поспешно привести свой план в действие, я совсем забыл, что они не знают, что девушка, которую они ищут, у меня. Поэтому разговор пойдет немного по-другому, чем я планировал.

— Истон, я звоню не поэтому, — нарочно резко отвечаю я, чтобы сыграть на его страхе.

На том, что он думает, что до сих пор должен мне целую кучу денег. Я определенно могу использовать это себе на пользу.

— Мне необходима твоя помощь в другом деле, и если ты сделаешь то, что мне нужно, не задавая никаких вопросов, я подумаю о том, чтобы простить тебе все долги.

На том конце линии становится тихо. Могу представить, как он обдумывает всевозможные варианты противозаконных действий, которые я могу попросить его совершить.

— Я даже расскажу тебе, что это будет, прежде чем ты согласишься, — сдерживая смех, предлагаю я.

— Окей, — мгновенно отвечает он.

— Мне нужно, чтобы твой брат позвонил мне по этому номеру с неприслушиваемого телефона.

Опять тишина на том конце.

— Мэдден? Зачем? Что происходит?

— Я же сказал тебе: никаких вопросов, и ты тут же вываливаешь на меня целых три кряду, — сердито ворчу я в трубку.

В моем мире этот парень не протянул бы и недели, его язык доведет его до могилы.

— Да, уф, хорошо. Я могу это сделать. Когда? Утром?

— Сегодня вечером. Как можно скорее.

Я слышу в трубку, как позвякивают ключи и хлопает дверь.

— Уже еду к нему. Буду там примерно через пятнадцать минут.

— Жду.

Положив трубку, я издаю глубокий, тревожный вздох, выпуская из легких воздух, который я, затаив дыхание, держал в себе с самого начала разговора, и начинаю отсчитывать минуты.

Глава 17. Мэдден

(Ghosts That We Knew — Mumford & Sons)

— Что за дерьмо, Мэдден! Что тут на хер происходит?
Мои глаза мгновенно открываются, когда я слышу, как мой брат орет с порога ванной комнаты.

— Что с тобой?

Его голова поворачивается то вперед, то назад, мечась между моим лежащим возле унитаза ничком телом и голой Эмерсон с повязкой на глазах, все еще прикованной наручниками к моей кровати. В одну минуту она визжит, как сильно она меня ненавидит и хочет отрезать мне яйца, а в другую рыдает о том, как она сожалеет, и умоляет простить ее, потому что она так сильно меня любит. Я понятия не имею, почему он здесь и как долго я уже так лежу. Когда я вскочил с кровати, все вокруг начало кружиться, и я решил, что сердце выскочит у меня из груди, и тогда я закрыл глаза. А теперь почему-то здесь оказался Истон.

Его имя огнем вспыхнуло у меня в голове, а в ушах эхом повторялись слова Эмерсон: «Я не знаю, что с ней сделали русские, да и на самом деле, мне плевать».

Как безумный, я вскакиваю и изо всех сил бросаюсь на Истона. Я застаю его врасплох, его глаза выкатываются из орбит, а челюсть падает, пытаюсь что-то сказать, но ему не удается произнести ни звука, прежде чем я валю его на пол, сажусь сверху и начинаю отчаянно молотить его своими яростными кулаками.

— Ты. Гребанный. Кусок. Дерьма. Ты. Обещал. Мне.

С каждым словом я обрушиваю на его лицо очередной удар, и, несмотря на его попытки защитить себя, мне удается дать ему несколько хороших тумаков, прежде чем он смог, пнув коленом в живот, столкнуть меня с себя. Его жесткий пинок подействовал на бушующий во мне адреналин, как вода на пламя, и вся боль от встречи с Тони на этой неделе вернулась в десятикратном размере. Испугавшись того, что могу отключиться, я, спотыкаясь, побрел к раковине и схватился за столешницу, изо всех сил пытаюсь восстановить дыхание.

Вытирая локтем хлещущую из носа и изо рта кровь, Истон, пошатываясь, встает на ноги, одновременно смущенный и злой.

— Какого хрена ты творишь, Мэдден? Что случилось? Почему она здесь?

Он поворачивает голову назад в сторону спальни, туда, где лежит, прислушиваясь к звукам нашей борьбы, притихшая Эмерсон.

— Она мне рассказала! — ору я, крепко зажмурив глаза, чтобы остановить надвигающуюся агонию. — Она мне все рассказала!

Истон перетаптывается рядом со мной, а потом неожиданно так сильно хлопает руками по столешнице, что содрогается висящее на стене зеркало.

— Что конкретно она тебе сказала? — шипит он.

Слегка приоткрыв глаза, я грозно гляжу на его отражение, не в силах посмотреть на него настоящего.

— О русских, Истон. Не надо больше притворяться, — выплевываю я слова. — Ты продал долбаным русским женщину, которую я люблю. И клянусь

богом, если ты не вернешь мне ее целой и невредимой, я сам тебя убью голыми руками.

Все краски сошли с его лица, оставив вместо себя тревогу и шок.

— Не разыгрывай удивление. Тебе следовало бы догадаться, что Эмерсон не сможет держать свой гребанный рот на замке. В ту же секунду, как она оказалась голой в моей постели, она мгновенно поспешила рассказать о ваших маленьких секретах, — цежу я сквозь зубы, и меня трясет от чистой ярости.

— Мэдден, послушай меня немедленно.

Его голос становится на несколько октав ниже, чем обычно, когда он хватается за плечо и вынуждает посмотреть ему прямо в глаза.

— Я не знаю, что она тебе наговорила, но богом клянусь, клянусь жизнью наших родителей: я не имею никакого отношения к исчезновению Блейк. Абсолютно на хер никакого отношения!

На несколько секунд он замолкает, чтобы дать время словам проникнуть в мое сознание, а потом продолжает:

— Я пришел сюда, к тебе домой, потому что сегодня мне позвонил Рейз, внук Анатолия Кабинова. Я решил, что он звонит мне насчет денег, которые я ему задолжал, потому что из-за всего того, что произошло на этой неделе, я совершенно забыл с ним связаться, но дело оказалось не в этом...

— Рейз? Ты совсем охренел, Истон? — мне хочется рассмеяться над абсурдом, в который превратилась моя жизнь. — Ты связался с русским гангстером по имени Рейз? И у тебя ничего, совсем ничего не щелкнуло в твоей тупой башке, что, может быть, всего лишь на хер может быть, это не очень хорошая идея?

Растирая руками щеки, мой младший брат, раздраженно вздохнув, бормочет:

— Я знаю, знаю. Я тупая задница, но теперь все обретает смысл.

— Что? — рявкаю я. — Что обретает смысл? Что ты имеешь в виду?

— О-он хотел, чтобы ты ему позвонил. С непрослушиваемого номера. Сказал, что это срочно.

От резкой стреляющей боли у меня перехватывает дыхание, пока я стараюсь переварить эту информацию.

— Зачем? Что? Это все, что он сказал?

— Да-а, — кивает он, доставая из заднего кармана телефон.

Включив его, Истон продолжает:

— Он позвонил в девять сорок две. Вот. Смотри.

Я опускаю взгляд на экран и действительно вижу в журнале принятый звонок от некоего Рейза К. в то самое время, о котором он говорит.

— Я не знаю зачем. Он не стал отвечать ни на какие вопросы, но естественно, когда он велел передать тебе, чтобы ты ему позвонил, я решил, что это каким-то образом связано с Блейк. Я просто... Я просто не вдавался в подробности и не знал ничего об Эмерсон. Я сразу же прыгнул в машину и помчался к тебе. Ты не открыл дверь и не отвечал на звонки, поэтому я воспользовался своим ключом, и обнаружил тебя здесь на полу в почти коматозном состоянии.

Мне хочется ему верить. Боже, как же отчаянно мне хочется ему верить. Я смотрю ему в глаза и ищу хоть намек на то, что он лжет мне. Он мой брат. Моя плоть и кровь. Но я не знаю, кому теперь доверять. Кажется, будто целая все-

ленная сговорилась против меня.

— Мэдден?

Истон заходит в телефонную книгу, открывает контакт этого парня и передает мне свой телефон.

— Ты предполагал, что тебе понадобится еще один телефон, тот, что я завез тебе вчера. Пришло время им воспользоваться. Давай вернем твою девушку, а потом разберемся с Эмерсон, и я докажу тебе свою невиновность. Эти люди ценят пунктуальность.

Я беру этот прямоугольный гаджет и киваю в сторону двери.

— Сейчас, я только достану его из сейфа, и мы пройдем в другую комнату. Не хочу, чтобы она хоть что-нибудь услышала.

Пять минут спустя я стою в комнате для гостей и трясущимися руками нажимаю кнопки. Нажимая кнопку «Соединить», я мысленно произношу короткую молитву и, затаив дыхание, жду. К счастью, успевает прозвучать всего лишь один гудок, когда грубый мужской голос отвечает:

— Декер.

Он так уверенно произносит мое имя, как будто точно знает, что именно я сейчас нахожусь на другом конце провода.

— Ты уверен, что это надежная линия?

Откашлявшись, я киваю так, будто он может меня видеть:

— Да.

— Хорошо. Ты, конечно, понимаешь, почему я звоню, и это не касается игорных долгов твоего брата.

— Блейк, — с надеждой выдыхаю я ее имя. — Она у тебя.

Пробормотав что-то по-русски, он отвечает:

— Да, но прежде чем ты начнешь задавать кучу вопросов, дай мне сказать. Будешь прерывать меня, я разозлюсь и повешу трубку. Тогда — прощай мое предложение.

При слове «предложение» я оживляюсь и соглашаюсь выслушать его. В конце концов, я не в той ситуации, чтобы что-то требовать. Поэтому, едва он произносит первое слово, я начинаю ходить кругами по комнате, внимательно вслушиваясь в то, что он говорит.

— Для нашей общей безопасности я бы предпочел ответить на все твои вопросы — кто, как и почему — лично. К тому же, она попросила увидеться с тобой, и я ей это пообещал. Но не обольщайся, если ты решишь принять мое предложение, то подвергнешь свою жизнь опасности. Никто больше не должен знать ни об этом звонке, ни о том, что именно я организую вашу встречу. Иначе, если нас поймают, нам всем крышка.

Даже если бы я и хотел задать какие-то вопросы, то все равно не смог бы. Я как будто онемел. Я не знаю, что подумать, сказать или сделать. Это вполне может оказаться ловушкой, чтобы меня убить, избавиться от надоедливого парня, сующего свой нос туда, куда не следует. Но, видимо, это слишком хлопотно и слишком рискованно для банды масштабов Кабинова. Шито белыми нитками. Или мне просто хочется так думать.

Русский принимает мое молчание как приглашение к дальнейшему разговору.

— Я знаю, что к тебе приставили круглосуточного агента, поэтому тебе надо найти способ избавиться от его наблюдения. Кроме того, это даже не обсуж-

дается, если ты хоть слово пикнешь федералам или копам, любое, это будет равнозначно тому, что ты своими руками застрелишь свою обожаемую Блейк, потому что ты не оставишь мне другого выхода. И, Декер, обещаю, я найду тебя.

— К-как мне узнать, что это не подстава? — нервно лепечу я. — Что ты не расставляешь мне ловушку, чтобы убить меня?

Он усмехается.

— Если бы я хотел убить тебя, ты бы об этом знал. Потому что уже был бы на хер мертв. Я не играю в игры. Я не болтаю всякое дерьмо, только чтобы болтать дерьмо. У меня есть девушка, которая сейчас по уши в дерьме, и это, не говоря о ее кошмарном гребанном прошлом. Она хотела тебя увидеть, а я пытаюсь помочь ей в этом. Для нее, не для тебя.

От меня не ускользает легкое изменение интонации, когда он говорит о ней. Его голос невольно смягчается. Затем он рывкает:

— А теперь отвечай: ты в деле или нет?

Я замираю. Каждое мое нервное окончание начинает вибрировать. Язык прилип к небу, а в горле начисто пересохло. Сердце стучит быстрее, чем трепещут крылья колибри. Так быстро, что, возможно, оно совсем перестало биться.

Вот оно. Здесь и сейчас. Вот и настал один из тех поворотных моментов. Я должен принять решение, поверю ли я сумасшедшему русскому по имени Рейз или нет. И это решение определит все мое будущее, определит то, кем я стану. Я как будто стою на развилке на игровом поле и решаю, сделать ли мне следующий безопасный ход. (Голос разума твердит позвонить в ФБР и рассказать им все, что мне известно). Или рискнуть и перепрыгнуть на десять клеток вперед, и проверить собственную смелость: смогу ли я противостоять большому, злему гангстеру, влюбившемуся в мою женщину.

Я выбираю прыжок; да тут и нечего выбирать.

— Я в деле. Говори, что делать.

Глава 18. Мэдден

(One Thing — Finger Eleven)

Шесть. Уже прошло шесть жалких долгих дней с тех пор, как я разговаривал с Рейзом ночью, ставшей одной из самых безумных в моей жизни. После того как он сообщил мне детали нашей встречи, я устало спросил об участии Истоны, и он подтвердил, что мой брат понятия не имел о том, что происходит. Потом я рассказал ему о признании Эмерсон, и он велел поднести трубку к ее уху. Не знаю, что он ей говорил, но, судя по промелькнувшему на ее лице ужасу, можно было решить, что она услышала голос самого дьявола. Даже несмотря на повязку на глазах, было ясно, что она до смерти напугана.

Когда я снова взял трубку, он приказал мне позволить ей одеться и отпустить, чтобы дежурящий снаружи Ланс ничего не заподозрил, а после дал слово, что она получит по заслугам. Не представляю, что это означает, но мне и наплевать, что с ней будет. В ту ночь, когда она вышла из дверей моего дома, я навсегда вычеркнул ее из своей жизни, и могу лишь надеяться, что больше никогда ее не увижу.

Наступила пятница. Прошло ровно две недели с тех пор, как начался этот кошмар. Две недели с тех пор, как я говорил с ней, и восемнадцать дней с тех пор, как обнимал ее, прикасался к ней, целовал ее. Если все пойдет по плану, по крайней мере, сегодня вечером я смогу увидеть мою милую Блейк.

— Ты готов? — спрашивает Истон, просовывая голову в дверь моей спальни. — Ребята, если вы не хотите опоздать на рейс, вам надо поскорее выезжать.

Кивнув, я уже в сотый раз просматриваю документы, которые держу в руке, чтобы убедиться, что ничего не забыл.

— Ага. Твои права, кредитка на твое имя, билет и посадочный талон.

Истон ободряюще улыбается:

— Вот видишь, наше сходство наконец-то пошло впрок.

— Да, если у нас все выгорит, это будет более чем достойная компенсация за все те разы, что мне едва не надрали задницу, потому что ты связался с чьей-то чужой девушкой, — нервно ухмыляюсь я, бросая последний взгляд в зеркало.

На мне черные джинсы, такая же футболка и бейсболка, и я благодарю бога за то, что опухоль на моем лице спала, а ссадины начинают бледнеть. Определенно, выгляжу я не лучшим образом, но хотя бы не напугаю ее при встрече.

— Ладно, вперед, — заявляю я, присоединившись к нему на лестнице. — Наслаждайся жизнью Мэддена Декера. Я сообщу, когда забронирую обратный билет.

Удивляя, Истон крепко, по-братски обнимает меня и бьет кулаком по спине:

— Будь осторожен, брат. Я знаю, что ты крут и все такое, но не забывай думать, прежде чем что-нибудь сказать или сделать. Этот парень долбанный опасный чувак.

Я обнимаю его в ответ, надеясь, что это не в последний раз, но сознавая насколько это реально. Никому из нас не известно, что меня ожидает, когда я

сойду с трапа самолета в Рено, но это шанс, и я твердо намерен им воспользоваться.

Осторожно, чтобы его не заметил через незанавешенные окна Ланс, Истон скрывается в моей комнате. Он останется здесь до моего возвращения, и весь уикенд будет притворяться мной. Провести его этим утром тайком из внедорожника Джей было нетрудно: пока я, отвлекая внимание федерального агента, подошел к его посту, чтобы сообщить, кто такая Джей и что она приехала ко мне позавтракать, сама Джей в это время подъехала к дому с обратной стороны прямо к дверям гаража.

Пробраться из дома в ее машину будет гораздо сложнее. Истон уже не может выйти в качестве отвлекающего маневра, потому что Ланс естественно понятия не имеет, что он здесь, поэтому Джей с важным видом неторопливо подходит к федеральному внедорожнику и засыпает агента кучей разнообразных вопросов, а в это время я делаю сумасшедший рывок к задней двери. Я ныряю в машину и, быстро закрывая за собой дверь, лишь молюсь, чтобы все сработало.

Проходит пять мучительных минут, прежде чем автомобильная дверь открывается, и подруга Блейк проскальзывает на водительское место. Спокойная, как удав. Как будто она понятия не имеет, что я, скрючившись, лежу на полу перед задним сидением ее «инфинити».

По крайней мере, две мили никто из нас не произносит ни слова, пока, наконец, убедившись, что ее никто не преследует, Джей облегченно не выдыхает:

— Окей, кажется, пронесло, — бормочет она, делая большой глоток воды из стоящей в держателе бутылки. — Я скажу тебе, когда сверну на аэропорт. Тогда ты переберешься сюда, будто обычный пассажир, выходящий из машины у зоны вылета.

— Звучит заманчиво, — отвечаю я, прислонив голову к двери, закрываю глаза и сосредотачиваюсь на мерном шуме резины об асфальт.

С того вечера я совсем свихнулся. К черту работу. Как-то раз я попытался, но сделал ошибку, открыв ящик стола. В ту же секунду, когда я увидел спрятанную в глубине фотографию Блейк, я вышел из себя. Я метался по кабинету, как мечется в клетке дикий зверь, и разгромил почти всю комнату, мой гнев не знал пощады.

После этого эпизода мы с Истоном согласились, что до отъезда мне лучше оставаться дома. Но и дома было не лучше. Так как ребра у меня до сих пор болели, я не мог снимать напряжение в зале. Я даже пытался дрончить по утрам в душе, но это лишь усиливало мою не находящую выхода боль. Я чувствовал, что Блейк ускользала от меня все дальше и дальше.

По ночам я без сна лежал в гостевой спальне и таращился в потолок, проигрывая все возможные сценарии того, что может со мной случиться во время поездки. Меня может задержать Управление транспортной безопасности, ФБР или Служба маршалов США за использование фальшивого удостоверения, что само по себе является уголовно наказуемым преступлением с реальным тюремным сроком. Эта поездка может оказаться ловушкой, чтобы взять меня в заложники, пытать, чтобы добыть информацию или чтобы убить. Я могу обнаружить, что они жестоко обращаются с Блейк. И это единственное, что выводит меня из себя. От чего мне физически плохо.

Мысль о моих страданиях в обмен на то, чтобы ее увидеть, ничто по сравнению с вероятностью стать свидетелем того, как над нею издеваются. Бьют. Мучают. Унижают. Я, наверное, умру, если увижу такое, и реально молюсь, чтобы я ошибался. Кажется, у Рейза к ней слабость, и если правда то, что он утверждает, что делает это для Блейк, а я нутром чую, что это так, сомневаюсь, чтобы он позволил кому-нибудь плохо с ней обращаться. Но опять же, он русский гангстер и обучен убивать, поэтому он запросто может врать мне, потому что уверен, ложь — его вторая натура. Самое главное в этой дерьмовой ситуации — сохранять оптимизм.

Спустя примерно час или около того с тех пор, как мы покинули мой дом, Джей, привлекая мое внимание, стучит по своему подголовнику.

— Мы будем на месте примерно через пять минут, — объявляет она. — Вылезай отсюда.

Мысленно благодаря богу, я выпрямляюсь, переползаю через центральную консоль и проскальзываю на сидение, пристегивая ремень безопасности, несмотря на то, что мы уже почти приехали. Мне не хочется давать полиции лишний повод нас останавливать.

Она сворачивает к зоне высадки и останавливает машину. Хотя мы с Джей и не очень хорошо знакомы, я знаю, что она — одна из немногих друзей Блейк и что ей не все равно, и, чтобы эта поездка состоялась, она рискует собственной головой. Я с признательностью ей улыбаюсь.

— Джей, не знаю, как тебя отблагодарить. Я тебе напишу, как только узнаю, каким рейсом полечу назад.

— Буду ждать тебя, Истон, — поддразнивая, напоминает она мне имя, ставшее моим на бог знает какое время. — Удачи, и привези нашу девочку домой.

Я выскакиваю из машины прямо на бордюр и, последний раз помахав ей рукой, вижу, как ее автомобиль вливается в интенсивный трафик Лос-Анджелеса. Повернувшись на пятках, я натягиваю понизже на нос бейсболку и шагаю внутрь. Пока все спокойно.

* * *

Аэропорт Рено-Тахо оказался гораздо меньше, чем я ожидал. И гораздо старше. Думаю, я считал, что он будет похож на Вегасский, но, проходя от ворот к стоянке автобусов, понял, что заблуждался. Древняя мебель, забавный душок, висящий в воздухе, несколько замеченных мною работников, отнюдь не спешащих тебе на помощь по первому зову, все выглядело настолько тусклым и обветшалым, что казалось, будто я смотрю через мутный, пожелтевший объектив. Как во второсортных фильмах восьмидесятых годов.

И это не говоря о возрасте пассажиров. По крайней мере, семьдесят процентов людей, мимо которых я проходил, уже вышли на пенсию. Я даже заметил шесть или семь человек с кислородными баллонами. Вот тогда я и узнал запах: это был запах дома престарелых.

Быстро выбравшись наружу на свежий воздух, я надеюсь, что мне не придется долго ждать нужный автобус. Онлайн-табло показывает, что следующий отправится в одиннадцать тридцать, но сноска внизу сообщает, что в связи с погодными условиями и загруженностью дорог отклонения от расписания могут составлять до одного часа. Мне меньше всего хочется болтаться целых час на разошедшейся деревянной скамейке под стенами самого депрессивного аэропорта в стране. И к счастью, когда я подхожу к автобусной стоянке, то сразу

же замечаю свой, на котором написано «Траки, Калифорния». Туда-то мне и надо.

Сев в одиночестве на заднем ряду, я, прижавшись козырьком бейсболки к окну, вполуха слушаю играющую в наушниках музыку, но, главным образом, стараюсь запомнить любой знак или ориентир, мимо которого мы проезжаем. Если мне вдруг придется искать дорогу обратно, я хочу иметь как можно больше информации.

Едва минуло двенадцать тридцать, когда автобус, несколько раз дернувшись, подвозит нас к последней остановке, тормозя прямо напротив крошечной автостанции. Мы все поднимаемся и, начиная с первых рядов, выходим, и к тому времени, когда я в два больших шага спрыгиваю на забетонированную площадку, у меня безостановочно стучат зубы и нервы на пределе. Я почти на месте.

Как и было велено, я иду пешком два квартала на север по направлению к знаменитым золотым, воспарившим высоко в небо аркам. Когда подошвы моих ботинок ступают на щебенку парковки, я замедляю ход и всматриваюсь в окружающие меня машины. Поначалу я не замечаю старый сине-белый «форд», который, как мне сказали, должен быть здесь, но едва сворачиваю за угол этого ресторана быстрого питания, как сразу вижу припаркованный рядом с мусорным баком пикап.

Отбросив все страхи, я опускаю подбородок к груди и как можно более незаметно направляюсь к пассажирскому сидению. Берусь за ручку, открываю дверь, буквально затаскивая себя внутрь, пока не успел передумать. И только тогда поворачиваюсь, чтобы взглянуть на похитителя моей девушки. Лицом к лицу. Как мужчина с женщиной.

У него, наверное, самая пугающая внешность, которую я когда-либо в жизни встречал. Как будто одной огромной фигуры не достаточно, неоднократно сломанный нос и отвратительный зубчатый шрам, тянущийся по щеке, завершают дело.

— Декер, — кивает он, прогрохотав мое имя.

— Рейз, — отвечаю я, молясь, чтобы он не заметил дрожь в моем голосе.

Затем, не произнеся больше ни слова, он поворачивает ключ зажигания, возвращая к жизни мотор. Мы трогаемся.

Проехав около десяти минут, он прерывает молчание.

— Как только мы выедем из города, я съеду на обочину и до конца поездки завяжу тебе глаза. По очевидным причинам мне не хочется, чтобы ты знал, куда мы направляемся. Тебе и так уже слишком много известно. Я не буду связывать тебя по рукам и ногам, если только ты не дашь мне для этого повода. Мне хочется, чтобы все прошло как можно более гладко. Кроме меня, тебя и Блейк больше никого не будет в конечной точке нашего путешествия, но чтобы быть уверенным, что никто неожиданно не появится, пока вы будете вместе, я буду стоять на страже снаружи. Понял?

Я киваю, не сводя глаз с дороги передо мной.

— Сколько у меня времени?

— Одна ночь. Мы уедем утром до рассвета, я отвезу тебя обратно к Макдональдсу, и ты уедешь отсюда так же, как приехал.

Меня пронзил, пригвождая к месту, его обвиняющий взгляд.

— И не пытайся выкинуть какую-нибудь глупость, например, забрать ее с

собой. Еще не время. Это все испортит, и вот тогда нам всем не поздоровится.

Я решаю положиться на его «еще», надеюсь, что это хороший знак и он, в конце концов, планирует ее отпустить.

— Даю тебе слово. В этот раз я не попытаюсь увезти ее домой.

Разговор ненадолго прерывается, а затем, как и обещал, Рейз сворачивает на обочину и вытаскивает черный шарф. Прежде чем завязать мне этим темным куском ткани глаза, он делает глубокий вдох, задерживает на несколько секунд дыхание, а затем с шумным свистом выпускает воздух. На какой-то короткий момент он кажется уязвимым. Но потом все исчезает.

Поправив повязку, он приказывает мне свернуться калачиком на полу перед сидением, чтобы меня не было видно из проезжающих мимо машин. Никогда раньше я не проводил на полу автомобиля столько времени, сколько сегодня. Дорога, а едем мы куда-то на север от Траки, оказалась ухабистой и извилистой, и я постоянно находился в напряжении, стараясь не удариться о дверь или бардачок.

Рейз, по всей вероятности, был не большим любителем поговорить, по телефону он пообещал ответить на некоторые вопросы лично, поэтому, набравшись храбрости, я спешу воспользоваться шансом:

— Эмерсон рассказала мне, что узнала, кто такая Блейк по старой фотографии, которую она нашла в Гугле, но я до сих пор не знаю точно, как и почему она передала ее твоей семье. Объясни мне это, пожалуйста.

— Ну, я никогда не интересовался тем, как она обнаружила, кто такая Блейк, но ей каким-то образом было известно о деньгах, которые нам задолжал Истон. Это действительно выглядело довольно странно.

Только лишившись возможности видеть, я осознал, сколько могу прочитать по лицу того, что люди обычно не договаривают.

— Странно? — уточняю я, подталкивая его к продолжению.

— Ага, в тот день я получил этот необычный звонок, — объясняет он. — И едва не сбросил его, потому что номер был мне не знаком, но все же поднял трубку. На другом конце провода была Эмерсон. Она сказала, что они с Истоном хорошие друзья и захотела оплатить его долг, но вместо денег предложила обменять Блейк, или Брайли, да по хрен... Поначалу я решил, что она сумасшедшая и велел ей прекратить этот балаган, но она поклялась, что может выдать ее этой же ночью. Более того, она на этом настаивала. За двадцать минут мы все проверили и убедились, что Эмерсон говорит правду, а потом условились о передаче. Вот так все и было.

Погрузившись в молчание, я размышляю, стараясь сопоставить время, детали и события, начиная с той пятницы, хотя это больше и не важно. Это случилось, и я не могу повернуть время вспять, чтобы это предотвратить. Теперь мне необходимо двигаться дальше. Необходимо сосредоточиться на возвращении Блейк.

— Ты можешь рассказать, что вы собираетесь с ней сделать?

— Нет. Еще нет.

Опять это «еще».

Следующие пару часов мы едем молча. Мои ноги несколько раз сводило судорогой от того, что они слишком долго пребывали в не свойственном им состоянии, и я уже собирался спросить Рейза, можно ли мне выйти из машины на несколько минут и размяться, как пикап замедлил скорость и остановился,

а Рейз выключил двигатель.

— Окей, приехали. Можешь садиться обратно.

Он развязывает на затылке узел, несколько мгновений требуется моим глазам, чтобы привыкнуть к солнечному свету. Как только мне удастся сфокусироваться, я начинаю выглядываться в окрестности, но не вижу ничего, кроме густого леса и деревенской хижины.

— Она внутри и не знает, что ты приедешь. Не хотел ее обнадеживать, вдруг бы что-нибудь случилось в поездке, объясняет он. — Поэтому, когда она тебя увидит, то будет, мягко говоря, несколько удивлена.

Я сижу и жду, что произойдет дальше, отчаянно, но безуспешно пытаюсь держать эмоции под контролем. Это слишком.

— Ну? Чего же ты ждешь? — рявкает Рейз, заставляя меня подпрыгнуть на месте. — Я привез тебя не для того, чтобы ты рассиживался у меня в машине. Иди же к ней. Время пошло.

Глава 19. Блейк

(Never Let Me Go — Florence & the Machine)

Нарезая овощи для рагу, готовящегося на ужин, я слышу, как снаружи останавливается пикап Рейза и глохнет звук мотора. До сегодняшнего утра я и не знала, что у него здесь есть машина. Этим утром он разбудил меня, чтобы сказать, что собирается позаботиться о каком-то деле и позже вернется.

— Деле? Каком деле? — чрезвычайно смущенно и слегка паникуя, я тру заспанные глаза, садясь на кровати, в которой, как он настоял, я теперь сплю. — Как? Почему? Ты оставляешь меня здесь?

— Тебе никто никогда не говорил, что любопытство погубило кошку, *kotoупок*? — он похлопал меня по макушке и усмехнулся. — Тебе не о чем волноваться. Я скоро вернусь, но мне нужно, чтобы ты дала мне слово, что ни по какой причине не покинешь это место. Я знаю, что тебе хочется домой. Мне тоже. И тебе придется поверить, что я работаю над этим вопросом. Но если ты сбежишь... велика вероятность того, что я уже ничем не смогу тебе помочь. Снаружи слишком много плохих парней.

Вместо того чтобы прокомментировать сквозящую в его словах иронию, я вздыхаю и с закрытыми глазами откидываюсь обратно на жесткий матрас, ненавидя тот факт, что он прав.

— Я понимаю, Рейз. Даю тебе слово, что не сбегу. Но как ты доберешься, куда ты там собрался? Пешком?

Оттолкнувшись от кровати, он встал, вытянувшись во весь свой огромный рост.

— Нет, я определенно не собираюсь идти пешком. У меня тут за домом стоит пикап. Ты считаешь, что я бы не оставил нам пути к отступлению на случай, если дерьмо вырвется наружу?

— Пикап? — распахнув глаза, пронзительно завизжала я. — Почему ты не сказал мне, что у тебя есть пикап?

С написанным на лице изумлением он покачал головой.

— Уверен, что первое правило в «Руководстве начинающего похитителя» гласит, не сообщать похищенному о вариантах побега, — пошутил он. — Что? Я должен был сделать для тебя второй ключ?

И снова он прав, и это меня раздражает.

— Так почему же ты рассказываешь мне теперь?

— Потому что если ты достаточно сообразительна, чтобы не удрать сегодня, я покажу тебе, почему ты должна мне доверять и что я все делаю, как лучше для тебя.

Он поворачивается, чтобы выйти из комнаты, но, обернувшись через плечо, прежде чем исчезнуть, добавляет одну последнюю фразу:

— Вчера поздно вечером я получил сообщение, что объявился Винсент и ищет встречи с Паханом сразу по возвращению в Штаты. События начинают закручиваться все быстрее. Мне больше чем когда-либо необходимо, чтобы ты мне доверяла.

И он уехал заботиться о каком-то деле — что бы это ни значило — а я прове-

ла утро, убираясь в хижине, вместо того, чтобы беспокоиться о собственной судьбе и о судьбе Винсента Риччи. С этим я все равно не могу ничего поделать. Не спрашивайте почему, но как-то на днях я нашла под раковиной в кухне моющие средства, и так как не уверена, что вынесу на этой неделе еще один фильм или книгу, выплескивая ярость, принялась чистить, мыть, тереть и драить. И это было чертовски здорово!

Именно так я решила приготовить рагу из говядины. Во мне щелкнул какой-то переключатель, и я ощутила настоящую потребность готовить и убираться. Потому что, даже если моя жизнь бесконечно далека от нормальной, занимаясь работой по дому, я, по крайней мере, чувствую себя нормальной.

Звук поворачивающегося в замочной скважине ключа и последовавший за этим скрип дверных петель заставляют меня улыбнуться. Сомневаюсь, что Рейз заметит исчезнувший с каминной полки слой пыли или отсутствие ржавчины вокруг вентилях крана кухонной мойки, но уже сам факт того, что он вернулся, улучшает мне настроение. У нас с ним было жесткое начало, я имею в виду, что не забыла, что он сумасшедший, больной на голову мафиози, принимавший участие в моем похищении, но между нами все изменилось. Люди не всегда такие, какими кажутся на первый взгляд.

— Как все прошло? Тебя не было довольно долго, — кричу я, потому что Рейз не произносит ни слова.

Поначалу я не поворачиваю голову от лежащих передо мной на разделочной доске нарезанных картошки, лука, моркови и сельдерея.

Еще несколько секунд работы, а он так и не поприветствовал меня, поэтому мне естественно становится любопытно, что он делает и почему игнорирует меня. Бросив нож, я вытираю руки о лежащее рядом бумажное полотенце, а затем поворачиваюсь, чтобы посмотреть, что же происходит в гостиной.

И в этот момент время для меня останавливается.

Я медленно моргаю. Потом еще раз. Может, еще сотню раз. А потом, не веря тому, что вижу перед собой, тру глаза, прежде чем опять сфокусироваться на мужчине, выглядящем точно так же, как Мэдден. Наверное, я брежу.

Он смотрит на меня прямо, не отводя глаз, так, как может только Мэдден Декер. Так, будто его взгляд, отбросив все дерьмо, способен видеть во мне только самое лучшее. Ему известно о свете, спрятанном в моей душе.

— Блейк, — глубоко выдыхая, произносит он мое имя так, будто это самый важный глоток воздуха в его жизни. — Это правда ты.

Не знаю почему, но я опускаю глаза вниз и смотрю на свое тело, чтобы убедиться, что этой действительно я. На мне серые спортивные штаны, красная футболка и пушистые носки в тон — вся одежда, что мне привез Рейз — но под всеми слоями одежды, там внутри, это действительно я.

Я поднимаю глаза обратно на него. Одетый в черное с ног до головы, он выглядит еще более великолепно, чем я запомнила.

— Да, я, — шепчу я, до сих пор не в силах поверить, что это не сон. — Но это действительно ты?

Кивая, он поспешно снимает бейсболку и дарит мне такую широкую, такую полную любви улыбку, что, клянусь, мое сердце готово растаять.

— Всю неделю мне пришлось отращивать волосы, чтобы притвориться Истоном и выбраться из дома.

Я не могу сдерживать слез. Я не понимаю, что в данный момент происходит, и все это так странно. Я уже почти убедила себя, что мужчина, который снится мне каждую ночь, на самом деле стоит посреди хижины.

— К-как ты меня нашел? Как ты сюда попал? Ты заберешь меня домой? Где Рейз? О, боже, ты его убил? Мэдден, нам надо выбираться отсюда. Нас будут искать.

Едва задав первый вопрос, я не могу остановиться. Мой мозг сошел с ума, и я не понимаю, смеяться мне или плакать, или вообще упасть в обморок.

К счастью, Мэдден видит, что я балансирую на грани сознания, и в мгновение ока я оказываюсь крепко прижатой к его груди. Окруженной им. Поглощенной им. Вцепившейся в него. И тогда, и только тогда я окончательно осознаю, что это действительно он. Мой Мэдден пришел за мной.

— Ш-шш. Медленно, но верно, сладкая девочка, — прижимаясь щекой к моей макушке, он принимается качать меня. — Я никого не убил, чтобы сюда попасть. Рейз все знает; он привез меня сюда увидеться с тобой.

Запрокидывая голову назад, так, чтобы наши глаза встретились, я озадаченно морщусь лоб.

— Рейз привез тебя сюда? Зачем? Он рассказал, почему они меня похитили? Тебе известно, что Эмер...

Его рот обрушивается на мой в требовательном поцелуе, обрывая меня, прежде чем мне удастся продолжить. Мои губы инстинктивно раскрываются для него, наши языки сталкиваются, жадно и дико лаская друг друга, словно восполняя те дни, что мы были в разлуке.

И как только я чувствую его дыхание, пробую его на вкус, все тревоги и волнения испаряются. Винсент. Ис. Эмерсон. Русские. Все они исчезли. Единственное, что важно — этот мужчина. Этот поцелуй. Это мгновение.

— Потом поговорим, — бормочет он мне в губы. — Сначала мы. Слишком давно.

Я не осмеливаюсь спорить. Я хочу, чтобы мое «мы» всегда было с ним.

Его пальцы зарываются в мои волосы, наши языки кружат в танце отчаяния, а сердце грохочет басами опустошающей мольбы. Его бедра подталкивают меня назад, пока я не чувствую, как спина бьется об обшитую деревом стену, затем его твердое бедро слегка разводит мне ноги так, что теперь он прижимается к моему пульсирующему центру. Я стону в его рот не в силах врать самой себе, что не чувствую настойчивую потребность тереться об него сильнее, ощущая, как начинает твердеть его толстый член. Мне кажется, что я снова сплю, и если это так, то пусть этот сон никогда не кончается.

Едва наши губы в поисках глотка воздуха отрываются друг от друга, Мэдден падает передо мной на колени, стягивает с меня носки и отбрасывает их в сторону, затем он, внимательно глядя на меня сквозь густые ресницы в молчаливой просьбе, подцепляет пальцами пояс моих штанов. Кивая, я втягиваю нижнюю губу и начинаю нервно ее покусывать, глядя, как он спускает их по бедрам и икрам.

Выпрямившись, Мэдден встает в полный рост, хватая за край мою футболку и тянет ее через голову, позволяя в процессе пальцам скользить по моему животу и груди. Я остаюсь лишь в простом белом хлопчатобумажном бюстгальтере и таких же трусиках, когда он делает шаг назад и позволяет своему пристальному взгляду рассматривать мое тело сверху донизу.

— Блейк, ты так прекрасна. Я боялся, что больше тебя не увижу, — признается он, быстро преодолевая расстояние между нами, и сгребает меня в свои объятия. — Здесь есть более уединенное место?

Уцепившись за его шею, я киваю головой в направлении единственной спальни.

— Не могу поверить, что ты пришел, — шепчу я и трусь носом о его покрытую щетиной щеку.

Мэдден делает несколько шагов до кровати, неся меня на руках, а потом наклоняется, чтобы опуститься на одеяло, он ловит губами мои губы в нежном поцелуе.

— Поверь, это так, сладкая девочка. Я пойду за тобой на край земли. Я ничему не позволю встать между нами.

— А как же...

На этот раз, два пальца ложатся мне на губы, обрывая вопрос. Мэдден, располагаясь у меня между ног, с ухмылкой качает головой.

— Я сказал: «После поговорим». А пока я мне хочется, чтобы мой рот занялся другими вещами.

Его губы опускаются вниз по моей шее, а язык кружит по нежной коже, покрывающей бьющуюся жилку.

— Пожалуйста, не проси меня останавливаться.

Интуитивно я поднимаю руки к изголовью кровати и расслабляю мышцы шеи, позволяя голове откинуться на подушки. Теперь он может делать со мной все, что хочет. Я отдаю ему полный контроль. Я безоговорочно доверяю ему. Я беззаветно люблю его.

Когда его губы начинают опускаться вниз на ключицы, а после на грудь, я выпаливаю:

— Стой!

Мэдден вздергивает подбородок, чтобы посмотреть на меня, я приподнимаю голову и встречаюсь с его изумленным взглядом. Он растерян, не может понять, почему я его остановила, и боится, что сейчас я сообщу что-нибудь плохое.

— Я просто хотела сказать тебе, что я тоже тебя люблю. Я знаю, ты думал, что я спала, когда ночью ты прошептал мне это, но я не спала. Я просто испугалась признаться тебе в ответ.

Одной рукой отпуская изголовье кровати, я протягиваю руку и глажу его по щеке, проводя большим пальцем по его прекрасным опухшим губам. Опухшим от наших поцелуев.

— Но теперь я больше не хочу бояться. Я хочу быть храброй. Храброй для тебя. Потому что я люблю тебя. И не важно, что произойдет, я хочу, чтобы ты всегда помнил об этом.

Нет слов, которые бы точно описали выражение, которое приобрело лицо Мэддена, когда он услышал мое признание, но умиротворяющая безмятежность разгладила тревожные складки на его лбу, а глаза весело сверкнули.

— То, что сейчас произошло — то, что ты сейчас сказала — стоит каждой унции боли и агонии, что я вынес за эти две недели. И даже больше, — его губы находят мои снова, на этот раз в мягком, нежном поцелуе, наполненном любовью и восхищением, и ничем больше. — Гораздо больше.

Глава 20. Мэдден

(Everything — Boyce Avenue)

Я смотрю на неё, и у меня перехватывает дыхание. Лёжа подо мной на жалком подобии матраса с разметавшимися по подушке светлыми волосами, она, пристально, с неподдельной любовью и жаждой в прозрачно-голубых глазах смотрит на меня. Перехватив её запястье у своего лица, я подношу руку Блейк к своим губам, и прежде чем завести ее над головой ко второй руке, целую ладонь.

Наклоняясь к ней, я обвожу носом раковину ее ушка, останавливаясь внизу, чтобы пососать мочку.

— Теперь ты позволишь показать мне, как сильно я люблю тебя, сладкая девочка? — хриплым голосом говорю я.

— Да, — отвечает она с лёгкой соблазнительной улыбкой, прежде чем исправиться: — да, сэр.

От звука этих слов мой член звереет, и, оставляя ее губы, уже через несколько секунд моя одежда вместе с ее бюстгалтером и трусиками беспорядочной кучей лежат на полу. Я располагаюсь между ее разведёнными бёдрами, моё тело замирает в каких-то дюймах от неё.

Ладонью я беру одну из ее прекрасных грудей, а губами нахожу другую. Целуя, щелкая, дразня. Растирая, возбуждая, лаская. Ее спина выгибается, пока я продолжаю свой ритуал соблазнения, и боюсь, что могу кончить только от вида того, как она извивается от моих прикосновений.

— Пожалуйста, Мэдден, — стонет она. — Пожалуйста... Ты мне нужен.

То, как Блейк с мольбой произносит моё имя, самое прекрасное, что я слышал, это искушающая песнь отчаяния и желаний, и я лишь огромным усилием воли сдерживаюсь, чтобы не погрузиться в неё одним жадным толчком. Ее пресыщенное ласками обнажённое тело, распростёртое на кровати, это моя погибель. Но я приказываю себе остановиться.

Опускаясь вниз по ее напряжённым мускулам, я кладу бедра девушки себе на плечи, чтобы она не могла их сжать. Губы следуют за рукой, дразня и соблазняя, когда я скольжу меж ее нежных лепестков и порхаю по опухшему комочку нервов. Вверх и вниз, вперёд и назад, пальцы и язык безжалостно терзают ее, пока я наслаждаюсь ощущением, запахом и вкусом ее возбуждения.

— Пожалуйста, — задыхается Блейк — от силы, с которой она сжимает решётку в изголовье кровати, у неё побелели костяшки пальцев. — Мэдден, мне нужно, чтобы ты в меня вошёл, немедленно.

Все моё тело дрожит в предвкушении, когда я скольжу вверх по ее телу, направляя свою подрагивающую головку в ее мокрую щёлку. Я больше не могу отрицать ни себя, ни ее. Мне необходимо почувствовать связь с нею так же, как ей необходима эта связь со мной.

Полностью поглощённый Блейк я медленно вхожу внутрь ее тесной сердцевины. С каждым сладостным дюймом я становлюсь все ближе к тому, чтобы полностью погрузиться в неё, я чувствую, как ее тело растягивается, чтобы приспособиться к моей толщине. И это долбаный рай.

Стараясь не раздавить ее своим весом, я опираюсь на локти так, чтобы моё лицо оказалось напротив ее, и начинаю ритмично двигаться вперёд и назад

из ее тёплого, радушного естества. Постепенно. Осторожно. С любовью.

— Я так тебя люблю, — шепчу я ей в рот, мой ритм постепенно нарастает. — И никогда не перестану.

Когда я позволяю ей освободить руки и ноги, Блейк обхватывает меня, пятками впиваясь мне в зад, а пальцами хватаясь за густую, растрёпанную шевелюру. Наши тела так крепко прижаты друг к другу, что я не понимаю, где заканчиваюсь я и начинается она. И все равно я чувствую необходимость прижать ее к себе еще ближе. Мы движемся как единое целое. Мы дышим как единое целое. И мы любим как единое целое.

Мы одновременно чувствуем приближение оргазма. Оргазм одного из нас разжигает оргазм другого, и мы мчимся к экстазу. Не знаю, ее разрядка спровоцировала мою, или наоборот, но в любом случае, когда мы летим со скалы в нашу благословенную нирвану, мы летим туда вместе. Наши пальцы сплетены. Наши губы прижаты друг к другу. А наши сердца сливаются в одно. Навсегда.

* * *

— То есть я правильно тебя поняла, — Блейк ставит передо мной на маленький столик миску с аппетитно пахнущим рагу, а затем проскальзывает на другой стул, который я передвигаю поближе к себе. — Ты просто зашёл в принадлежащий Винсенту салон автозапчастей без оружия и попросил с ним переговорить?

После того как мы с Блейк еще дважды прошли по этому пути греха и порока, она вдруг вспомнила о еде, которую готовила, когда я приехал, поэтому мы неохотно покинули постель и перебрались на кухню к ее кастрюлям. Я так рад, что ее здесь хорошо кормят, и у неё на рёбрах нет новых шрамов. Бесчисленные часы я волновался не только о ее физическом состоянии, но и о душевном. То, что она выглядит и ведёт себя нормально, немного меня успокаивает.

По ее просьбе я подробнейшим образом, не упуская ни одной детали, рассказал ей все, что произошло с того времени, как она исчезла, вплоть до момента, когда переступил порог этой хижины несколько часов назад, и Блейк сделала то же самое. Ничего из того, что она сообщила, меня не удивило, но я был потрясён, узнав, что с ней всегда хорошо обращались. И хотя у нас слишком мало времени, чтобы терять его на подобные выяснения, я понимаю, что это необходимое зло.

Коротко кивнув, я, хмурясь, признаюсь:

— Да, я вижу, что это был не самый продуманный план, но, Блейк, я с ума сходил, я должен был что-то сделать.

— Ешь, пожалуйста, а то все остынет, — Блейк пристально глядит на мою ложку до тех пор, пока я не набираю в неё рагу, а затем продолжает: — и что бы ты сделал, если бы там оказался Винсент? Потребовал бы меня освободить? Вызвал бы его драться один на один?

— Не знаю, — честно отвечаю я, откусив кусок. — Слава богу, его там не было, и поэтому пришлось договариваться с Тони Тигром. Может, в тот день удача была на его стороне, но если я его еще раз увижу...

Блейк бросает нож и вилку, которые, звякнув, летят в ее миску, и мотает головой:

— Нет! Ты больше не будешь делать никаких глупостей. Достаточно того, что по моей вине ты оказался вовлечён в этот кошмар. Если с тобой еще что-

нибудь случится, я не смогу примириться сама с собой.

— А я не смогу примириться с собой, если в моей жизни не будет тебя.

Потянувшись вперёд, я беру ее за руки и перетягиваю к себе на колени. Мне необходимо чувствовать ее как можно ближе. К счастью, она не уклоняется, и передвигает за собой тарелку и стакан.

— Сегодня утром Рейз сказал мне, что Винсент вышел из укрытия и связался с "Pakhanom".

— С паха-кем?

— С "Pakhanom". "Pakhan". Анатолий Кабинов. Это русский аналог крестного отца, — как ни в чем не бывало, поясняет она. — Рейз сказал мне, что переговоры уже все равно начались, поэтому, я надеюсь, что скоро мы со всем этим покончим, и я буду свободна, как птица.

Со вздохом я прижимаюсь виском к ее виску и изо всех сил стараюсь обуздать вот-вот грозящую нахлынуть на меня дрожь.

— Блейк, мне не нравится этот план. Во-первых, я не понимаю, если тебя хотят использовать как приманку для Винсента, почему кто-нибудь из этих бандитов сам его не убьет? Почему именно ты должна это сделать?

Она молчит, полагаю потому, что у неё нет достойного ответа. И тут я касаюсь наиболее волнующего меня вопроса:

— Ты всерьёз считаешь, что после всего этого, при том, что тебе столько известно об их организации и этом убийстве, Кабинов позволит тебе просто уйти на все четыре стороны?

Скептически на меня поглядев, она раздумывает над моими вопросами, и у меня есть подозрения, что стресс и полученные во время похищения моральные травмы притупили ее способность анализировать ситуацию.

— Рейз дал мне слово, что я буду в безопасности. Он никому не позволит меня обидеть.

Спрятав голову в изгибе ее шеи, я трусь носом о ее гладкую, нежную кожу, перемежая ласки с поцелуями.

— Послушай, я понимаю, что этот самый Рейз хорошо к тебе относится, и понимаю, что я оказался здесь исключительно благодаря ему... Боже, словами не передать, сколько это для меня значит. Но он верен своей семье, сладкая девочка. Если все пойдёт не так, как задумано, мне что-то не верится, что между ними и тобой он выберет тебя.

Блейк ничего не отвечает, и вместо того, чтобы давить на неё с ответом, я принимаюсь кормить ее с ложки густым наваристым домашним супом. Я обожаю заботиться об этой женщине, обожаю давать ей все, в чем она нуждается, выполнять ее малейший каприз, и меня убивает, что в этой ситуации я не могу ничего исправить. Я, конечно, могу сообщить, и то весьма приблизительно, ФБР или Доэрти о ее местонахождении, но боюсь, что едва об этом станет известно Кабиновым или Риччи, нам всем будет несдобровать.

Я стараюсь не заикливаться на этой мысли, но реальность такова, что пока мне или самой Блейк не удастся вытащить ее из этого дерьма, и как можно быстрее, весьма вероятно, что эта наша встреча может оказаться последней. Сама мысль об этом сводит меня с ума, лишает желания жить, потому что я не хочу прожить остаток жизни без неё. Я должен ее спасти. Это моя Блейк. Без неё я просто не смогу существовать.

После того как мы доедаем, Блейк спускается с моих коленей и моет в рако-

вине посуду. Потом, вынув из одного из маленьких ящичков термос, она накладывает в него жаркое. А я могу лишь сидеть и смотреть на неё. Я ошеломлён теми чувствами, что испытываю к ней, особенно теперь, когда мне известно, что ей пришлось вынести.

— Он врал своей семье, чтобы ты сегодня смог быть здесь. Если бы им стало известно, что из-за него наше местонахождение может быть раскрыто, они бы его убили, — медленно произносит она, опустив глаза. — Я не знаю, почему он так поступил, но это факт. Поэтому, пока у меня остаётся реальный шанс решить эту проблему раз и навсегда, я верю каждому его слову. — Медленно поднимая подбородок, она встречается со мной взглядом: — и раз я не собираюсь покидать эту хижину без его разрешения, то была бы тебе очень благодарна, если ты отнесёшь ему это, чтобы он, ночуя в машине, вдобавок к ледяной стуже не умер от голода. А потом я хочу, чтобы ты вернулся и позволил мне снова показать тебе, как я тебя люблю. Столько раз, сколько успею, прежде чем ты уедешь.

Я без колебаний встаю и беру термос, целуя кончик ее носа, прежде чем доставить еду человеку, благодаря которому среди мафиозных войн любовь всей моей жизни осталась жива. Поначалу немного смутившись, он, поняв, что я ему принёс, гулким басом благодарит меня и поспешно закрывает окно, чтобы сохранить в кабине драгоценное тепло.

Остаток ночи мы с Блейк, шепча уверения в любви, по очереди доставляем друг другу удовольствие, и прежде чем я успеваю это осознать, наше время подходит к концу, и я должен оставить ее в этом богом забытом месте, где не могу ее защитить.

В эти наши последние минуты вместе никто из нас не говорит «до свидания», отказываясь принимать тот факт, что это может быть наша последняя встреча. И когда Рейз завязывает повязку мне на глаза, я благодарен ему за то, что ткань впитывает слезы, потоком хлынувшие у меня из глаз.

Глава 21. Рейз

(*Colorblind — Counting Crows*)

Я высаживаю Мэддена перед тем же Макдональдсом, где забрал его вчера, и впервые за очень долгое грёбанное время, чувствую, что поступил хорошо. Но это чувство быстро улетучивается.

По дороге обратно к хижине на телефоне срабатывает напоминание о том, что пришло время для ежедневного звонка в «контору». Я тут же понимаю, что что-то не так, когда мне отвечает не как обычно Александр, мой дядя и по совместительству второй в иерархии человек, а сам *Pakhan*.

— *Dedushka*, — от удивления я называю его русским словом, означающим моего старшего родственника, а не его собственным титулом. Затем, вспомнив о воспитании, я продолжаю по-русски: — Чему обязан такой чести, пахан?

Он коротко и ясно излагает то, что я должен сделать. То, что навсегда изменит жизнь моей семьи. То, что могу сделать только я.

Его приказ прост: забрать у Риччи деньги в обмен на девушку. Убедиться, что Риччи мёртв. Не оставлять свидетелей.

Пришло время для возмездия. Менее чем через неделю передо мной будет стоять человек, с которым я мечтал жестоко расправиться почти два года. У меня слюнки текут от самой мысли о том, как сладка будет месть человеку, приказавшему убить Дарью.

Но есть одна проблема. Не оставлять свидетелей означает — не оставлять никаких свидетелей.

Включая Блейк.

Глава 22. Блейк

(Iris — Goo Goo Dolls)

После того как внедорожник отъезжает от дома, ровно одну минуту я позволяю себе предаваться грусти. Всего лишь шестьдесят секунд смотрю в крошечное окошко, следя за тем, как красные габаритные огни растворяются в окутавшем деревья утреннем тумане. Всего лишь шестьдесят секунд позволяю себе чувствовать себя сломленной, уничтоженной от мысли, что, возможно, этой ночью и утром я в последний раз видела Мэддена.

Когда минута подходит к концу, все уничижительные мысли и вся отрицательная энергия засовываются подальше, и я соскакиваю с дивана с бодрой улыбкой на лице. Может, у меня и не самая идеальная ситуация, но дела потихоньку начинают налаживаться. Мэдден узнал правду о моем прошлом и, несмотря на это, все еще любит меня, что стало последним аргументом, чтобы совершить то, что от меня потребуется, а потом вернуться к нему. Даже если это значит хладнокровно убить человека. Я уже делала это, чтобы спасти себе жизнь, и планирую повторить.

Схватив корзину с чистящими и моющими средствами, я до блеска, как и вчера в отсутствие Рейза, намываю комнаты в доме. Мне отчаянно необходимо чем-то занять голову до его возвращения. Никак не могу дождаться, чтобы поблагодарить его за то, что он сделал, а кроме того, я должна узнать, появилась ли у него еще какая-нибудь информация о переговорах между Винсентом и Анатолием. Теперь я готова.

К часу дня в доме не остаётся ни единого пятнышка, а в туалете чище, чем у многих людей на кухне. Но Рейза до сих пор нет.

Мне приходит в голову принять душ, но я еще не готова смыть запах Мэддена с кожи, поэтому решаю почитать на диване, наудачу выбрав одну из книг, что привёз мне Рейз.

К сожалению, мне не удаётся продвинуться дальше второй страницы, отсутствие сна прошлой ночью даёт о себе знать, и я проваливаюсь в сон.

* * *

Не знаю, что вырывает меня из глубокой дрёмы, то ли хлопок входной двери, то ли топанье ботинками, но что бы там ни было, по резким движениям Рейза и по редким, отрывистым фразам, понимаю, что его что-то ужасно бесит. Он пулей бросается к стоящему в углу спальни сейфу. Приподнявшись и опершись на подлокотник дивана, я беспрепятственно наблюдаю за тем, что он делает.

Рейз торопливо нажимает несколько кнопок на клавиатуре, затем прикладывает большой палец к маленькому прямоугольному сканеру, и с громким щелчком дверца открывается. Первым делом, вытащив оттуда ноутбук, он откладывает его в сторону, а сам начинает копаться в стопке папок с какими-то бумагами, его челюсти сжимаются, когда он находит то, что ищет. Бормоча что-то по-русски, он открывает папку и просматривает первые пару страниц, затем бросает ее обратно к остальным и берет компьютер.

— Что случилось? — кротко спрашиваю я, когда он выходит обратно в гостиную и плюхается на стул.

Не обращая внимания на мой вопрос, он включает ноутбук и, пока тот за-

гружается, сердито смотрит на экран. Рейз даже не поворачивается в мою сторону, будто меня тут нет.

Прокашлявшись, я громче повторяю вопрос:

— Что случилось?

И снова нет ответа. Только ожесточённые пальцы неистово стучат по клавиатуре, останавливаясь каждые несколько секунд, чтобы что-то черкнуть на листке бумаги.

— Рейз, черт тебя дерит, я знаю, что ты меня слышишь, — бросаю я, резко сев, страх за Мэддена начинает потихоньку проникать в душу. — Расскажи мне, что произошло. Я вижу, что с тобой что-то не так.

Он с рыком переводит на меня утрашающий взгляд.

— Ты ничего обо мне не знаешь, девочка. Иди спать.

Вспылив от такой внезапной холодности, я отбрасываю одеяло и поднимаюсь на ноги.

— Ты ошибаешься, — цежу я сквозь зубы, скрестив руки на груди. — Думаешь, я ничего о тебе не узнала за те две недели, что мы практически живём вместе? Будто я даже слова сказать не могу, хотя очевидно, что тебя что-то расстроило?

Сжав ладони в кулаки, он с силой бьёт ими по столу и резко встаёт. Ноздри раздуваются, и, готова поклясться, вижу пену в уголках его губ.

— Это последнее предупреждение. Закрой свой гребаный рот, или я найду тряпку и сам его тебе заткну.

Ни за что на свете.

— Нет! Тебя не было целый день, и вот ты влетаешь сюда, даже не поздоровавшись, и начинаешь с безумным видом искать что-то в сейфе. А когда я тебя спрашиваю, что случилось, ты полностью меня игнорируешь, пока я не закатываю истерику. И это все тот же человек, который, несмотря на все опасности, привёз ко мне любимого мужчину, только чтобы я могла сказать ему, что люблю его... Рейз, я не нахожу этому объяснения. А теперь выкладывай, что происходит!

Он резко откидывается на спинку стула, трёт пальцами переносицу и качает головой, бормоча что-то, чего я не могу понять. Внезапно я больше на него не злюсь, я чувствую тревогу. Единственный раз, когда я видела его таким уязвимым, был тогда, когда он упомянул о своей покойной жене. И хотя он выше ростом почти всех, кого я знаю, крепок как скала, может голыми руками убить человека, а ужасный шрам, уродующий его лицо, испугает кого угодно, прямо сейчас он выглядит как отчаявшееся, потерянное существо, изо всех сил пытающееся найти ответы.

Ноги сами по себе ведут меня по выцветшему ковру, и, не успев ничего понять, я уже сижу у него на коленях, обнимая тонкими руками его шею и притягивая его к себе. Часть меня ожидает, что он будет сопротивляться, вырываться из моих объятий, но тот факт, что он этого не делает, говорит громче всяких слов. Что бы сегодня ни случилось, когда его не было, это действительно сильно на него повлияло, и вместо того чтобы снова его расспрашивать, я замолкаю и позволяю ему самому решить, как с этим быть.

— В тот день я должен был поехать в Чикаго. Это я должен был умереть, я, а не она. Это должен был быть я.

Его голос обрывается, он зарывается лицом в изгиб моей шеи.

Я не знаю, как помочь ему, могу лишь утешить его, поэтому прижимаю Рейза еще крепче и, успокаивая, провожу ладонью по его затылку, пропуская короткие светлые волосы сквозь свои пальцы. Я не давлю. Не задаю вопросов. Я просто даю ему понять, что, если он захочет все рассказать, то я здесь. И хотя мне отчаянно хочется узнать, что случилось, также мне слишком хорошо известно, что каждый человек сам в своё время должен взглянуть в лицо своим демонам. Некоторые из моих до сих пор заперты в тёмных тайниках сознания.

— Я, как сейчас, помню день, когда впервые ее увидел, — помолчав несколько минут, произносит он. Я отпускаю руки, позволяя ему откинуться на спинку стула, наши взгляды встречаются. — Это произошло практически сразу после того, как мы сюда переехали. Дед устроил большое празднество в честь приезда своего младшего сына, моего отца, и всей остальной семьи в Штаты. Я зашёл в дом полный людей, но, казалось, видел только ее. Она была так прекрасна, что я не мог отвести взгляд. Я знал, что женюсь на ней, еще до того как мы произнесли друг другу хоть слово.

При мысли о Рейзе как о влюблённом подростке я улыбаюсь.

— Минутку, — говорю я, спрыгиваю с его колен и направляюсь на кухню.

Потянувшись на цыпочках, я достаю с верхней полки шкафа бутылку водки и два стакана. Налив крепкий напиток по ёмкостям, я возвращаюсь к столу, в этот раз сажусь напротив него и двигаю к нему тот стакан, где больше налито.

— Окей, теперь мы, как следует, подготовились. Рассказывай, что случилось после.

Подняв стакан, Рейз крутит его, взбалтывая жидкость. Его плечи расслабляются, и страдание медленно покидает лицо.

— Ну, для начала я спросил своего кузена и лучшего друга, Алексея, а по совместительству ее отца, есть ли у неё парень. В моей семье, если что-то и нельзя, так это влюбляться в дочь конкурента или в чужую женщину. В обоих случаях ты довольно быстро оказываешься мёртв.

— Значит, парня у неё не было, а происхождение было подходящим?

— Да, определённо парня у неё не было, — с тихим смешком отвечает он. — Ее отец самый страшный человек в Bratve. Мы зовём его Palach, исполнитель приговоров. Ни один мужчина в здравом уме не приближался к ней ближе, чем на двадцать метров из страха, что сначала придётся иметь дело с ним.

Он замолкает, отхлёбывает большой глоток водки, я делаю то же самое.

— Но ты его не боялся?

— Дьявол, конечно боялся. Откуда, как ты думаешь, у меня на лице появилось это уродство? — усмехается он, указывая на шрам, по форме напоминающий молнию.

Сделав над собой усилие и моргнув, я делаю еще один глоток, на этот раз поменьше, и жду его объяснений.

— Я был глупым, заносчивым юнцом, который сначала думал членом, потом сердцем, а уж затем мозгами. Тем же вечером я уединился с ней в какой-то пустой комнате, поцеловал и сказал, что теперь она моя навеки, — продолжает он, мыслями блуждая где-то далеко, будто вспоминая малейшие детали тех событий. — Она посмеялась надо мной, но на следующей неделе, когда я забрался к ней в комнату и должным образом заклеимил, она тоже осознала,

что навсегда будет моей. Мы тайно встречались почти целый год, прежде чем ее отец застукал нас вместе. И, конечно же, это случилось, когда я в ее спальне со спущенными штанами вбивался в неё своим членом, припечатывая к стене. Абсолютно безоружный.

— О, боже! — рука сама собой закрывает открывшийся от удивления рот. — И что ты? А что она?

Прежде чем закончить рассказ, Рейз залпом выпивает то, что оставалось в стакане, и встаёт, чтобы снова его наполнить.

— Вопрос неверный. Тебе следовало бы спросить: «И что ОН?», потому что ни я, ни она не могли так уж много чего сделать. Ты думаешь, что у тебя был чокнутый свёкор, — качая головой, он садится обратно, — да ты понятия не имеешь, что это такое на самом деле.

— Ладно, — соглашаюсь я. — И что он?

— Он схватил меня за волосы и оттащил от неё с такой силой, что чуть не снял с головы скальп. А потом самым спокойным тоном, который ты только можешь вообразить, спросил Дарью, любит ли она меня и хочет ли за меня замуж. Она ответила «да», но не успела она закончить это слово, как ее отец поднёс лезвие к моему виску и опустил его под кожу, проведя вниз на дюйм или около того. После, он снова спросил, любит ли она меня и хочет ли выйти за меня замуж. И она опять ответила «да», наблюдая, как кровь струйкой течёт у меня по щеке. Так он провёл лезвием еще чуть-чуть и спросил третий раз. И четвёртый, и пятый.

Не уверена, осознаёт ли Рейз, что продолжая рассказ, он проводит подушечкой пальца по этой красной зазубренной отметине.

— Надо отдать ей должное, что пока он это делал, Дарья ни разу не дрогнула, не заплакала и не стала умолять о пощаде. Наоборот, с каждым ответом ее голос становился все более уверенным и убеждённым, пока она практически не закричала «Да!». Убедившись в ее искренности, Алексей остановился, освободил меня, а потом расцеловал в щеки — ну там, открытая рана, кровь и все такое — и сказал: «Добро пожаловать в семью!». Спустя полгода мы поженились, и если меня кто-нибудь спросит, стоило ли оно того, я скажу ему и буду все время повторять одно и то же. Я бы поступил точно также много сотен раз. Она стояла каждой гребаной секунды. Я был везучим сукиным сыном, потому что меня любила такая невероятная женщина как Дарья Столянски.

Теперь моя очередь отхлебнуть крепкий напиток, потому что не знаю, что тут можно еще сказать. Не знаю, что сильнее: ужас от того, что ему пришлось вынести или сила его любви к ней.

— Знаешь, то же самое он чувствует к тебе. — Наклонив голову набок, Рейз протягивает руку и кладёт свою ладонь поверх моей. С его стороны это такой тёплый и трогательный жест. — Хоть твой парнишка, Мэдден, ведёт себя глупо и безрассудно, но делает это, потому что неистово любит тебя. Он рискнул и отправился искать тебя прямо в логово к Винсенту, позволил какому-то чокнутому придурку, вроде меня, завязать себе глаза и отвезти хрен знает куда, прекрасно понимая, что там его может ждать ловушка или даже смерть. Но он лучше умрёт, чем потеряет тебя навсегда.

— Вот, что ты чувствуешь? Что лучше умереть, чем жить без неё?

Вопрос слетает у меня с языка, прежде чем я задумываюсь над его смыслом, но вместо того, чтобы увидеть в его необыкновенных голубых глазах горе и

скорбь, я замечаю там искру чего-то. Надежды? Какую-то мысль? Не знаю точно, что это, но это определённо что-то, что освещает его жизнь и заставляет двигаться вперёд.

Быстро заглянув в стоящий рядом ноутбук, он поднимается, берет оба наших стакана и несёт их в раковину.

— Kotyonok, уже поздно, а прошлую ночь ты со своим гостем почти не спала. Тебе нужно отдохнуть. Впереди нас ждёт много дел.

Я не упоминаю того, что он абсолютно проигнорировал последний вопрос, особенно учитывая, как обыденно я спросила его о наличии мыслей о самоубийстве. Но я вся обращаюсь в слух, услышав его фразу о делах, которая напоминает мне слова, оброненные им вчера утром, прежде чем уехать за Мэдде-ном.

— О? — спрашиваю я, следуя за ним на кухню. — Появились еще новости о переговорах Винсента и Анатолия?

С натянутой улыбкой он поворачивается ко мне.

— Все идёт, как я и надеялся. Скоро всё должно решиться, поэтому тебе очень важно хорошо отдохнуть. Иди спать. Мне еще надо немного поработать.

Кивая, я поворачиваюсь на пятках и ухожу, но прежде чем исчезнуть в спальне, оборачиваюсь и гляжу на него через плечо:

— Рейз, кстати, для протокола, думаю, ей очень повезло, что ее любил такой невероятный мужчина, как ты.

Глава 23. Мэдден

(When You're Gone — Avril Lavigne)

— Никкак не могу поверить, что он отвёз тебя к ней. Не понимаю. Почему? — Джей, сидящая напротив меня в закутке, где мы уединились, прищурившись, подозрительно смотрит на меня, затем берет дымящуюся чашку кофе, подносит ее ко рту и делает большой глоток.

Я только что закончил рассказывать ей о последних тридцати шести часах, прошедших с того момента, как вчера утром она высадила меня в аэропорту Лос-Анджелеса, и до этого нашего разговора поздним вечером субботы в местной семейной забегаловке, и честно говоря, я сам до сих пор не могу в это поверить.

Пожав плечами, я смотрю в находящееся справа от меня окно, быстро, но внимательно разглядывая стоящие на парковке машины, и думаю, куда запропастился Истон. Он должен был находиться в моем доме, притворяясь мной до моего возвращения, чтобы приставленный ко мне федералами Ланс думал, что на выходные я заперся дома и зализываю раны. Вместо этого, когда мы чуть больше часа назад припарковались рядом с домом, ни Истона, ни моей машины, ни надоедливого агента ФБР там не было. Внутри находилась лишь оставленная на холодильнике записка из двух слов: «Скоро буду».

Вот и все, что там было сказано, и совершенно никаких объяснений, что такого важного могло случиться, что ему пришлось покинуть дом и поставить под удар всю нашу операцию и нас вместе с ней. Я злюсь. Я устал. И переживаю, как теперь возвращаться домой, если он сам может там появиться в любой момент с Лансом на хвосте.

Несмотря на то, что моя ассистентка Кэролайн утверждает, что в моё отсутствие брат внезапно превратился на работе в самую ответственность и надёжность, он всё равно остаётся тем самым Истоном, которого я знаю. Ярмо на моей шее и эгоистичное ничтожество.

— Я не знаю, — наконец отвечаю я. — Мне это тоже не понятно, но, кажется, Блейк ему доверяет, и очевидно, у неё есть на это причины. Он хорошо с ней обращается. У неё полно еды, есть душ и кровать. На ней нет никаких ушибов и синяков — ни тех, что она могла сама себе нанести, ни прочих — она, вероятно, считает, что он привёз меня туда по своей собственной воле, не сообщая об этом никому из своих людей. Но точно не знаю, как ей об этом стало известно, потому что она понятия не имела, что я приеду.

— Ты полагаешь, он собирается ее убить, поэтому дал возможность попрощаться? — Джей явно вздрагивает, произнося слово «убить», и я уверен, что она изо всех сил старается сохранять самообладание при мысли о смерти Блейк.

Печально, что с того момента, как Рейз высадил меня этим утром под эмблемой фастфуда, там же, где он забрал меня двадцать четыре часа назад, эта мысль не менее тысячи раз приходила мне в голову. В действительности с тех пор как я вышел из самолёта, прилетевшего этим вечером из Рено, это единственная мысль, которая, вероятно, имела смысл. Но все же... зачем кому-то делать что-то для своего пленника?

Блуждающим взглядом я осматриваю ресторан, выискивая людей, которые

демонстрировали бы к нашей беседе повышенный интерес. Мне вполне понятно, что или ФБР, или итальянцы, или русские, или все сразу уже прослушивают мой дом и офис, поэтому там больше небезопасно обсуждать важные дела. Но я не удивлюсь, если узнаю, что и за мной кто-то следит и прослушивает все мои разговоры. Или, может, я параноик.

Наклонившись вперёд, я понижаю голос до тихого шёпота:

— Именно этого я и боюсь, но не знаю, что нам делать дальше. Если привлечём федералов, это разозлит русскую мафию и вынудит их действовать преждевременно и поспешно. И если вдруг они, в конце концов, не собирались ее убивать, а действительно планировали отпустить, после того как она позаботится о Винсенте, я подвергну ее, себя, всех нас ненужной опасности. Плюс, мне точно неизвестно, где она находится, кроме того, что это отдалённая лесистая местность, расположенная в двух часах от Траки.

— Ну, с теми технологиями, что есть у ФБР, они могли бы воспользоваться тепловыми линзами или чем-то еще и поискать в этом районе, — возражает она, явно предпочитая, чтобы я сообщил властям все, что мне известно.

— Может быть... вероятно... я не знаю на хер, что делать.

Я снова проверяю телефон. Опять ничего. Со стоном я провожу напряжёнными пальцами по своей отросшей шевелюре.

— Но в данный момент меня больше интересует, где Истон, и почему он ничего не написал в ответ и не перезвонил. Что на хер означает эта записка? Он же прекрасно знал, как важно было никуда не выходить. Ты же сообщила ему, что едешь забирать меня в аэропорт, да?

Кивнув, Джей откидывается на обитый винилом диванчик:

— Я написала ему сообщение, вставив пароль, о котором мы договорились, поэтому, да. Так что если телефон у него с собой, то он должен быть в курсе.

Чувствуя себя запертым в клетке зверем, я с разочарованным вздохом стучу пальцами по столу. Женщину, которую я люблю больше самой жизни, держит в плену одна мафиозная семья, а она сама готовится убить главу другой такой семьи. Мой брат пропал без вести, наверняка, ввязавшись в какое-то дерьмо, что сулит всем нам большие неприятности. И теперь я не могу никому доверять, кроме девушки, сидящей сейчас напротив, и еще, вероятно, своей домоправительницы и персональной ассистентки. Я понятия не имею, что должен дальше предпринять, но мне необходимо что-то сделать.

— Полагаю, тебе лучше отвезти меня обратно домой, — говорю я, обрывая молчание, на несколько минут затянувшееся между нами. — Будь, что будет. Я не могу провести всю ночь в этой забегаловке, да и тебе нужно домой. Я изучу в подробностях по картам Гугл территорию вокруг Траки и посмотрю, возможно ли сузить район поисков. Это, по крайней мере, хоть что-то...

— Не делай это со своего компьютера, — подняв руку, обрывает она меня, — если ты не хочешь, чтобы они узнали, что ты ищешь. Мы можем остановиться у моего дома, и ты воспользуешься моим ноутбуком. Плюс, у нас появится больше времени, чтобы найти Истона.

Мне, определённо, нравится эта женщина.

— Это ты здорово придумала.

Достав из заднего кармана бумажник, я бросаю на стол двадцатку, которой с лихвой хватит, чтобы расплатиться за два кофе, и еще останутся чаевые.

— Пошли.

Мы покидаем ресторан и, перейдя через тротуар, подходим к ее внедорожнику. Едва я открываю дверь со стороны пассажира, как на парковку на бешеной скорости, ревя мотором, влетает знакомая ярко-красная спортивная машина с тонированным Тахо на хвосте. Даже не попытавшись встать на парковочное место, из неё выскакивает Истон и бросается к нам, вид у него всклокоченный и измученный.

— Что? Что случилось? Где ты был? — требую ответа я.

К нам подходят Джей и Ланс. Сердце начинает само по себе глухо колотиться в груди, потому что по его жалкому взгляду я понимаю, что бы он сейчас не сказал, это будут плохие известия.

Он пару раз пытается начать говорить, но не может справиться с голосом и, наконец, из него начинают вылетать слова:

— Я...я клянусь, я бы никуда не поехал, но ... но мне позвонили Листеры. Это... это ... это Эмерсон. Она мертва.

Глава 24. Блейк

(Never Again — Nickelback)

Как и каждое утро с тех пор как я здесь поселилась, меня будит завывание и шипение водонагревателя, отделённого от моей спальни лишь тонкой стеной. Бедолага стонет так, будто находится на последнем издыхании, и если бы не моя любовь к горячему душу, я бы взяла пистолет Рейза и избавила несчастного от страданий раз и навсегда. Но переворачиваясь на спину и глядя на шершавый белый потолок, я напоминаю себе, что этот кошмар уже скоро закончится.

В четырёх стенах я буквально схожу с ума. И если бы уже не планировала убийство, то после двух с лишним недель, проведённых взаперти в хижине, точно бы всерьёз о нем задумалась. Хотя мне в целом нравится компания Рейза, и я приняла тот факт, что не все бандиты безжалостные чудовища вроде Иса и Винсента, я готова вернуться... к своей жизни... к Мэддену.

После того как несколько дней назад я увидела его, смогла прикоснуться к нему, обнять, поцеловать, ласкать и любить его, я без тени сомнения поняла, где моё место. Рядом с ним. Мэдден пробуждает меня к жизни, придаёт мне уверенности и дарит беспредельное счастье, о котором я и не мечтала. После всего, что мне пришлось пережить за последние несколько лет, я этого заслуживаю и готова сделать все, что угодно, чтобы вернуть его.

Тяжело вздохнув, хоть этого никто и не услышит, я отбрасываю в сторону многочисленные одеяла, надеваю на майку, в которой спала, флисовое худи и натягиваю леггинсы, которых у меня тут две пары, и я их периодически меняю. Хорошенько утеплившись и набравшись храбрости, выхожу в гостиную и замираю перед открывшейся мне сценой.

Рейз, который с самого первого дня нашего знакомства всегда был в чёрном, одет в узкие синие джинсы и клетчатую фланелевую рубашку, из-под которой выглядывает белая футболка с длинным рукавом, а на ногах сильно поношенные простые ботинки. Он стоит и ждёт, когда утренняя порция кофе закончит литься в кофеварку. Я не знаю, что мне делать: таращиться на него, потому что лишь теперь, когда он не выглядит, как наёмный убийца, я осознаю, насколько он привлекателен, или рассмеяться над тем, как нелепо он выглядит в роли лесоруба.

Почувствовав моё присутствие, он оборачивается, смотрит туда, где я замерла на полушаге, и хмурит брови.

— Что-то не так?

— С этим нарядом? Ты сегодня пойдёшь валить лес? — дразню я, подходя к нему.

Он оглядывает свою одежду, будто не понимает, что она совсем не похожа на ту, что он обычно носит, потом опять смотрит на меня, глупо ухмыляясь одними уголками губ:

— Я не собираюсь валить лес, kotyopok, но я рад, что тебе нравится мой наряд. Утром мне нужно съездить в город и кое-что подготовить к нашему быстро приближающемуся «событию», — голос Рейза становится более серьёзным по мере того, как с его лица исчезает улыбка.

От этих слов у меня в желудке завязывается тугой узел, и я хватаю свою

кружку.

— Вчера вечером, когда ты уже спала, мне позвонили, — продолжает он после короткой паузы, пристально глядя мне в глаза. — Три дня. До этого времени еще многое нужно сделать, но через три дня все будет кончено... так или иначе.

Я так ждала этих новостей. Наконец-то. Вот я и узнала точную дату. Свет в конце тоннеля. Но что-то не так. Совсем не так.

— Это ведь хорошие новости, да? — спрашиваю я, надеясь, что непонятное бурление у меня внутри — это лишь реакция на то, что уже через несколько дней я направлю на человека пистолет и нажму на курок. И, честно говоря, сомневаюсь, что после этого буду испытывать сильные угрызения совести. — Мы вернёмся к нашей прежней жизни, а все это останется позади.

На какую-то долю секунды он колеблется, но я успеваю это заметить. Выдавив из себя натянутую улыбку, он кивает и наполняет свой термос, а после уходит в сторону, чтобы я смогла проделать то же самое.

— Да, все это останется позади, — повторяет он мои слова, но когда Рейз их произносит, от них веет бедой.

Я не отвечаю, потому что мой мозг начинает бешено работать, неожиданно изводя себя мыслями о любом возможном исходе этой ситуации, которая, наконец, разрешится через три дня. Как бы сильно не хотелось это признавать, но мне стало слишком уютно в этом созданном мной фальшивом мирке «нормального» Рейза и, возможно, я стала слишком доверять этому человеку, о котором только думаю, что хорошо знаю его.

Когда он, отвезя Мэддена, куда бы то ни было, появился поздно вечером в субботу, было заметно, что его что-то тревожит и, вместо того чтобы в ответ на мои требования рассказать, что же случилось, он отвлѐк меня историей о своей покойной жене. Рейз понимал, что я проглочу наживку, что захочу узнать о ней больше и забуду о том, что его в действительности так разозлило, когда он разъярённо вытаскивал папки из сейфа и с ожесточением стучал пальцами по клавиатуре ноутбука. Если произошло что-то, что вдруг напомнило ему о ней, то все равно это не объясняет подобного поведения. Никакие документы, никакие компьютеры ее не вернут, значит, очевидно, он преследовал какие-то другие цели.

— Ты собираешься наливать себе кофе или будешь пить его прямо из носика? — произносит он низким голосом.

Это пугает меня, стремительно вырывая из хлынувших потоком пугающих мыслей, и я вздрагиваю, расплѐскивая вокруг кофейника обжигающе горячую воду. Моментально ощутив на запястье и предплечье жгучую боль, я отпускаю ручку, и стекло разбивается на полу на тысячи мелких осколков. Я падаю на колени и хватаюсь за горло. Не могу дышать, тьма возвращается.

— *Сегодня вечером отец придѐт на ужин. Надеюсь, ты приготовишь что-нибудь из того, что он любит, — вернувшись вечером с работы и переступив через порог, заявил Ис. — Он придѐт минут через десять-пятнадцать.*

Стоя на кухне перед раковиной, я изобразила на лице улыбку и сглотнула подступившую к горлу изжогу, появляющуюся у меня всегда при упоминании имени свѐкра, затем обернулась, чтобы поприветствовать мужа.

— Ну конечно. Вырезка будет готова через полчаса, а к ней уже готовы ри-

зотто с чесноком и тушёные цуккини. Ты предпочитаешь, чтобы я поужинала с вами, или мне поесть потом?

Пожалуйста, скажи «потом». Пожалуйста, скажи «потом».

— Он просил тебя присоединиться к нам, — подойдя ко мне, гордо заявил Ис, а потом поцеловал, источая гнилостный запах сигарет. — Я же говорил тебе, что он придёт и, наконец, заметит то, что вижу я. — Он просунул руку мне под рубашку и ущипнул за сосок так, что из глаз брызнули слезы. — А теперь иди и приведи в порядок лицо, и надень что-нибудь пристойное. Если сегодня вечером ты ему понравишься, уверен, он вернёт тебе это сторицей.

Я поторопилась укрыться в ванной комнате. Это единственное место в доме, где я чувствовала некое подобие покоя. Естественно, я не была столь наивна, чтобы полагать, что меня защитит хлипкая деревянная дверь, если муж захочет туда войти, но обычно Ис позволял мне побыть там одной хотя бы несколько секунд. Быстро почистив зубы и причесавшись, я подправила макияж и отважилась пройти в гардеробную, чтобы подобрать «что-нибудь пристойное».

Едва застегнув на блузке последнюю пуговицу, я услышала, как открылась и закрылась входная дверь, а потом до меня донёлся голос свёкра:

— Что за вонь! Здесь что-то сгорело. Ты вроде говорил, что эта сучка умеет готовить.

Ис что-то забормotal в ответ, но что именно, я не смогла разобрать, зато отчётливо расслышала следующие слова его отца:

— Я же говорил тебе, что она просто никчёмная американская мандавошка, но тебе застила глаза ее девственная кровавая киска. Надо было убить ее сразу, когда ты о ней рассказал, и заставить тебя жениться на той невесте, которую я сам для тебя выбрал. Может, тогда все бы и забыли, что ты ублюдок.

И тут началось самое интересное.

Притворившись, будто ничего не слышала, я выплыла из спальни и как положено поздоровалась:

— Добрый вечер, Винсент, — вежливо выдавила я, целуя его в обе щеки. — Я так рада, что вы пришли к нам на ужин.

Не потрудившись ответить, Винсент довольно долго, заставляя меня чувствовать себя неловко, таращился на мою грудь, а потом, рывкнув, потребовал себе выпить, что я немедленно побежала исполнять.

Остаток вечера проходил примерно также. Пока Винсент с Исом разговаривали о «делах», я прилежно ждала следующих указаний. В основном на меня не обращали никакого внимания, чему я, честно говоря, была очень рада, потому что иначе пришлось бы терпеть постоянные издёвки и оскорбления. И когда они оба подчистили свои тарелки от поданной мною еды, я приняла это за добрый знак, что еда им понравилась, потому что, упаси их бог, когда-нибудь меня похвалить.

Убрав со стола посуду, я подала им кофе и десерт, но по глупости совершенно позабыла, они любят разный кофе: Винсент пьёт его без молока с двумя кусочками сахара. Сделав первый глоток сладкой жидкости, свёкор выплюнул его так, что брызги разлетелись по всему столу, а после швырнул в меня чашку, обжигая кипятком руки, шею и грудь.

— Долбанная тупая шлюха! Хотела отравить меня этим дерьмом? — за-

вопил Винсент, резко вскакивая со стула и глядя на меня, как на последнюю шваль.

«Нет, но как я только не догадалась».

Копируя отца, Ис подскочил и отбросил свою салфетку на стол:

— Брайли, какого хера ты творишь? Ты такая тупая, что даже не можешь запомнить, что отец пьёт чёрный кофе? — принялся ругаться он, одновременно помогая Винсенту оттирать темно-коричневые пятнышки, усыпавшие рубашку. — Гляди, что ты наделала! Теперь эту рубашку можно только выбросить.

Никому в голову не пришло спросить, как себя чувствую я, когда на моей бледной коже начали проступать красные пузыри, а после того как Ис, беспрестанно глубочайше извиняясь, проводил своего папочку до двери, он вернулся на кухню, чтобы как следует меня наказать. Когда я на следующее утро проснулась, небольшие ожоги от кофе выглядели как детский лепет по сравнению со спиной и внутренней частью бёдер.

Уже позже мне пришлось перенести не одну пластическую операцию по пересадке кожи в тех местах, где муж, используя только зажигалку и именные запонки, клеймил меня своими инициалами, не пропуская ни одного миллиметра в самых интимных местах.

Бьющий прямо в лицо поток холодной воды вырывает меня из воспоминаний, и, чтобы спастись от ледяной струи, я отворачиваюсь, моргаю, открываю глаза и отчаянно озираюсь. Первым делом я встречаюсь с встревоженным взглядом Рейза, и тогда на меня накатывает огромная волна облегчения.

— Как ты, kotyonok?... что с тобой,... что это было,... я на минуту подумал, что потерял тебя.

Слова и вопросы, едва не перерастая в истерику, сыплются как из ведра, превращаясь, кажется, в одно длинное предложение.

— Нормально, — отвечаю я, стуча зубами. — Мне холодно.

Когда он отворачивается, чтобы сделать воду потеплей, я про себя улыбаюсь и думаю, как же хорошо, что сегодня утром не прострелила бойлер.

— Так лучше? — спрашивает он, глядя на меня через плечо.

Я коротко киваю в ответ.

— Прости, но у меня никак не получалось привести тебя в чувства, и я подумал, что ты поранишь себя. Ты все рвала на себе свитер, глубоко царапала ногтями тело, рыдала и повторяла, что тебе очень жаль.

Я опускаю глаза на своё полностью одетое в вымокшую до нитки одежду тело и с усмешкой думаю о нелепости собственной жизни.

— Просто плохие воспоминания, — со слабой улыбкой говорю я. — Дай мне пару минут, чтобы прийти в себя.

Рейз кивает, а потом берет мою руку, без слов показывая, что он все еще на моей стороне. Резко откинувшись назад, я тут же чувствую удар головой о бортик ванны, закрываю глаза и напоминаю себе о том, что действительно имеет значение. Я в безопасности. Это уже в прошлом. Ис уже в аду. А через три дня там будет и Винсент.

Глава 25. Мэдден

(Wherever You Go — The Calling)

В часовне, сидя на жесткой неудобной скамье в своем лучшем костюме и потерявшись в море других темных одежд и потрясенных лиц, я, отрешившись от заунывного голоса распорядителя похорон, мысленно заново повторяю череду невероятных событий, произошедших за последние полторы недели. Похищение Блейк. Признание Эмерсон. Тайная поездка, организованная русским гангстером. А теперь и смерть Эмерсон.

Кажется, будто я жил наполовину нормальной жизнью, а потом вдруг проснулся в альтернативной вселенной, где происходит такой ужас, которого я себе не мог даже вообразить. Но, посмотрев украдкой налево, туда где сидят мои родители и брат, а потом вперед через ряд туда, где, тесно прижавшись друг к дружке, уютятся родители Эмерсон, к сожалению, вынужден признать, что теперь это моя реальность. И я не представляю, каким образом это остановить.

Наши дела и так были дерьмовыми: Блейк, находящаяся между двумя соперничающими мафиозными кланами, ФБР, Служба федеральных маршалов, казалось бы, куда уж хуже, но нет, все запуталось еще больше в субботу вечером, когда родители Эмерсон нашли в ее доме предсмертную записку, в которой говорилось, что она не может жить после того, как испортила жизнь стольким людям, и в частности мне. Поначалу, когда Истон сообщил мне, что произошло, я не поверил. Хотя и нехорошо так говорить, но я считал, что Эмерсон слишком любит себя, чтобы решиться на самоубийство, и полагал, что это лишь уловка, чтобы привлечь внимание и вызвать у меня жалость.

Тем не менее, после того как один бездомный заявил, что видел, как рыжеволосая женщина бросилась в океан с рыбацкой пристани на маленьком пляже, недалеко от того места, где жила Эмерсон, а полиция впоследствии обнаружила припаркованную рядом пустую машину Блейк, оказалось, что я ошибался. Даже несмотря на то, что ее тело так и не нашли — вероятнее всего, оно почти сразу стало пищей для акул — а уголовное дело еще не было прекращено, похоже, что Эмерсон Листер действительно мертва, де-факто и де-юре. А мне пришлось ответить на миллион вопросов, причем не только от ее семьи, но и от властей.

Просмотрев запись того вечера в моей спальне — тут следует заметить, что и маршал Доэрти, и агент Ланс не сильно удивились методам, которыми я добился от Эмерсон признания ее вины — оба офицера заключили, что она и в самом деле могла покончить с собой из-за меня. Но более того, из-за того, что Истон, уехав из моего дома, пока я возвращался из Рено от Блейк, раскрыл всю нашу маленькую операцию, они пришли в негодование от этой моей очередной эскапады. Конечно, я не выдал им ни единой детали, и Джей, и Истон, к счастью, тоже. Каждый из нас повторял одну и ту же историю, о которой мы договорились заранее, еще перед поездкой: что я обнаружил в квартире Блейк обрывок письма с каким-то адресом на озере Тахо и поехал на разведку. И хоть они и не могли доказать, что мы врем, но явно что-то подозревали и, готов биться об заклад, уже послали своих людей прочесывать эту местность.

— Мэдден, дорогой, все закончилось, — шепчет мама, слегка подталкивая

меня локтем и возвращая в реальность. — Ты не передумал по поводу сегодняшнего вечера? Ты мне там нужен.

Повернувшись к ней, я обнимаю ее рукой за плечи и прижимаю к себе:

— Мама, я знаю, что последние пару дней вам с папой было непросто, особенно если учесть, что Эмерсон выросла буквально на ваших глазах, но я твердо решил, что не пойду на поминки. Я согласился прийти на похороны только ради тебя, но отказываюсь сидеть и слушать разговоры о том, каким она была замечательным человеком. Мне жаль, что она мертва, но я не могу простить ее за то, что она сделала с Блейк. И со мной.

Ее глаза еще больше наполняются слезами, черные полосы туши стекают по бледным щекам, и хоть мне и невыносимо огорчать маму, я не поддамся на ее уговоры. За эти два дня она поднимала этот вопрос не менее пяти раз, и мой ответ остается прежним. Я не иду.

— Потихе, сынок. Ты не мог бы заскочить хотя бы на несколько минут? Даже твой брат согласился ненадолго заехать.

Глядя поверх маминого плеча, папа пронзает меня взглядом, напоминающим, что, сколько бы мне не было лет, они остаются моими родителями. Но в этот раз прием не срабатывает.

— Прости, пап, — я решительно мотаю головой, — но мой ответ «нет». Я понимаю ваше желание поддержать Листеров, а Истон волен делать все, что ему угодно; но я все равно не приду. Я в последний раз обсуждаю эту тему. А теперь, пожалуйста, извините меня. У меня уже назначена на это время встреча.

Развернувшись на пятках, я оставляю позади своих подавленных родителей и бесхребетного брата и пробираюсь сквозь кучу народа, до сих пор толпящегося в проходе и перед алтарем. Никому кроме властей, моей семьи и Листеров не известны подробности оставленной Эмерсон записки, в которой она рассказывает о том, что совершила, поэтому большинству ее друзей и дальних родственников, пришедших сегодня, непонятно, с чего бы молодой, красивой, образованной женщине, у которой были и хорошая работа, и поддержка со стороны состоятельных и любящих родителей, так внезапно кончатся с жизнью. Меня несколько раз просили и мои, и ее родители не предавать огласке то, что случилось, и хотя я в общем согласился, если бы кто-то задал мне прямой вопрос, сомневаюсь, что стал бы врать.

Вырвавшись наружу, я вижу, что специальный агент Ланс, прислонившись к своему черному внедорожнику, припаркованному рядом с моей машиной, уже ждет меня на стоянке и разговаривает с кем-то по телефону. Заметив меня, он заканчивает звонок и выпрямляется, а когда я подхожу к машине, слегка кивает:

— Куда это вы теперь направляетесь, мистер Декер? К родителям? — надменно спрашивает он.

— Нет, — коротко бросаю я, открывая дверь с брелока. — Мы ужинаем с Джей.

Не углубляясь в дальнейшие подробности, я сажусь на водительское место. Он, конечно же, последует за мной, возможно, даже зайдет в тот же ресторан и займет какой-нибудь столик неподалеку, и пока мы с Джей будем ужинать, агент Ланс будет за нами следить своим натренированным взглядом и контролировать, чтобы я еще раз самым коварным образом не удрал. Мне остается

ся лишь надеяться, что нам с Джей удастся сохранить в тайне содержание нашего разговора, и молиться, что они не отслеживают активность ее компьютера в сети.

Дорога в маленький мексиканский ресторанчик, расположенный недалеко от ее кондоминиума, занимает больше времени, чем я предполагал, за что следует поблагодарить дорожные работы и начинающийся час пик. С тех пор как закрутилась вся эта история с исчезновением Блейк, проект, над которым девушки трудились для «Декер Энтерпрайзес», моей компании, отошел на второй план. На неопределенный срок. Единственная гребанная причина, по которой я согласился на дурацкий проект по выпуску видеоигр, предложенный Истоном и не имеющий к тому же ничего общего с тем, чем занимается моя фирма, состояла в том, что я решил, что брат, наконец, нашел себе дело по душе. А раз это так, то будет серьезно и ответственно к нему относиться. Увы, но я ошибся, единственное светлое пятно в этом — то, что я встретил Блейк.

Но теперь со всеми этими событиями и по моей просьбе, работодатель девушек согласился дать Джей оплачиваемый отпуск — в реальности оплачиваемый мной — пока сам будет ожидать от меня дальнейших инструкций по контракту. Я не возражаю; мы с Джей быстро подружились и, кроме того, нам больше не с кем поговорить об этом деле. Поразительно, как иногда помогает просто рассказать, что у тебя на сердце, пусть даже этот кто-то ничем не сможет тебе помочь, ему достаточно просто сидеть и слушать, как ты изливаешь душу. Плюс, она способна быстро находить слабые места в моих планах, когда мысли у меня в голове крутятся так быстро, и я упускаю какие-то детали.

Так что она единственный человек, кроме Истона, которому я могу доверять, и в данный момент я еще сам не понимаю, как отношусь к своему младшему братишке. Несмотря на то, что он изменился и стал проводить гораздо больше времени на работе, я до сих пор виню отчасти и брата за то, что происходит. Нет, не он передал Блейк русской мафии, но если бы изначально он не связался с этими бандитами, Эмерсон просто не к кому было бы обратиться. Тем не менее, я вынужден ему доверять, потому что пока он никому ни слова не проронил о том, что происходит. Даже когда на следующий день после того, как обнаружили записку Эмерсон и машину Блейк, его целый день продержали на допросе, пытаясь выбить информацию о Кабиновых.

После почти часа, проведенного в пути, я, наконец, подъезжаю к захудалой забегаловке и замечаю, что «инфинити» Джей уже припаркован на стоянке. Изо всех сил стараюсь не обращать внимания, что Ланс останавливается через несколько парковочных мест от меня, я торопливо вылезаю из машины, открываю стеклянную входную дверь и ныряю внутрь. Мне довольно быстро удается найти Джей, сидящую в дальнем углу на диванчике, и когда я вижу на ее подсвеченном экране ноутбука лице обнадеживающую улыбку, прибавляю ходу и со всех ног мчусь к ней.

— Ты что-то нашла? — спрашиваю я с явной надеждой в голосе, плюхнувшись рядом с ней на сидение.

После известий о смерти Эмерсон мне с родителями пришлось провести кучу времени, которого у меня нет, в местном отделении ФБР и врать федеральным агентам о том, что я знаю о русской мафии. Меня больше всего пугает тот факт, что им известно у кого сейчас Блейк, и мне лишь остается молить бога, чтобы Рейз понял, что они узнали это не от меня. Подслушав вчера один из те-

лефонных разговоров Ланса, я узнал, что в ее поисках федералы перерыли несколько принадлежащих Кабиновым домов в Южной Калифорнии, но так ничего и не нашли. Но больше всего меня тревожит, как бы теперь мафия не бросилась второпях и без должной подготовки осуществлять свой план по «ловле Винсента на живца» или вообще не заставила бы Блейк исчезнуть. На- всегда.

— Возможно, — тихо отвечает Джей, бросая взгляд туда, где за столиком у окна усаживается Ланс. Убедившись, что ему ничего не слышно, она низко опускает голову так, чтобы ее речь нельзя было бы прочесть по губам, и продолжает: — я целый день просматривала увеличенные изображения со спутника и, похоже, обнаружила дорогу в ста сорока милях от Траки в Каскадных горах. Ею пользуются. Но что интересно, мне не удалось узнать, куда она ведет. Лес там слишком густой, и сверху она не просматривается.

Я вглядываюсь в картинку, которую Джей вывела на экран — снимок со спутника, судя по дате и времени, отпечатанным в углу, он сделан сегодня утром — и довольно четко вижу там дорогу со свежими отпечатками шин, которая идет от пустынного шоссе к плотно переплетенным кронам и палой листве. Не знаю, может, это и она, так я и говорю Джей. Мы просматриваем еще несколько фотографий этого места, снятых с воздуха за последние несколько дней, в надежде отыскать на дороге крохотное цветное пятнышко, которое могло бы быть пикапом Рейза, но так сильно нам не везет. Джей соглашается продолжить поиски в этом районе, а также поискать и другие возможности.

Как только убран компьютер, я отодвигаюсь на другую сторону стола, чтобы избавить себя и Джей от неловкости, ведь мы не пара, за едой мы немного болтаем о похоронах и отсутствии свежих новостей. Когда я достаю бумажник, чтобы расплатиться за ужин, мой второй телефон, убранный во внутренний карман пиджака, начинает вибрировать. Удивившись, кто это и какого черта звонит мне по этой линии, я уже было машинально достаю его, но во время вспоминаю, что за мной следят.

— Пойду в туалет, посмотрю, что там, — шепчу я Джей. — Сейчас вернусь.

Она кивает, и я ухожу. Укрывшись в тесной кабинке, я выуживаю телефон и изумленно смотрю на сообщение на экране, пришедшее с номера Рейза.

Рейз: События развиваются быстрее, чем ожидалось. Будь наготове завтра утром в Рено. Привези с собой подмогу. Дальнейшие инструкции получишь там.

Глава 26. Блейк

(Waiting for the End — Linkin Park)

Наступает утро. Я как обычно сижу на диване с миской хлопьев и свежесваренным кофе. Если можно назвать обычным, что меня удерживают здесь против воли, а я до сих пор проигрываю в голове назначенное на завтра убийство. Весьма необычный клубок эмоций и, сомневаюсь, что я способна подобрать для них верные слова, каково это — убить человека. Но одно я знаю точно: самое важное из них — вина. Хотя я и понимаю, что делаю и себе, и обществу огромное одолжение, еще в раннем детстве меня научили, что правосудие находится в руках Божьих, и только в его власти наказывать тех, кто этого заслуживает... и вот я здесь, с пальцем, лежащим на курке.

С тех пор как я решила, что ценю свою жизнь больше жизни Винсента Риччи, я пыталась сосредоточиться на повседневной работе по дому, а не на собственном расщепленном сознании. Потому что, по сути, я должна сделать этот трудный выбор. Если я при первой же выпавшей возможности его не убью, весьма вероятно, что или он, или Кабиновы уничтожат не только меня, но и сотрут с лица земли любое напоминание обо мне. Только теперь я, скорее всего, не обойдусь просто пулей промеж глаз... особенно если попаду в лапы свекра.

Донесшийся снаружи грохот, и последовавшее за ним сердитое ворчанье, которое, полагаю, на самом деле было потоком нецензурной русской брани от Рейза, отвлекают меня от скучного завтрака и мыслей, крутящихся вокруг одной и той же темы. Осторожно поставив миску и кружку на журнальный столик, я ставлю ноги на пол, на цыпочках подхожу к входной двери и прикладываю ухо к холодному дереву. Поначалу мне ничего не слышно, поэтому я решаю, что Рейз занят сейчас там, что так его разозлило.

Последние пару дней после того, как все детали плана были окончательно улажены, он трудится, как сумасшедший. И вечно находится в ужасном настроении. Все светлое время суток он либо куда-то ездит и покупает какие-нибудь припасы или стройматериалы, либо мастерит что-то в сарае, который, как мне теперь известно, находится рядом с хижинкой. А с наступлением темноты он постоянно сидит за компьютером или «висит» на телефоне, напоминая безумного брокера перед закрытием биржи. Так он готовится к приезду Винсента и, хоть я ничего в этом не понимаю, не может же это быть так сложно!

Пока, по словам Рейза, вырисовывается такая идея: ему передают на руки Винсента, возможно, связанного и, вероятно, с завязанными глазами или кляпом во рту, а я достаю пистолет и стреляю в него. Потом русские устраивают так, чтобы все подумали, что Винсент держал меня здесь, а когда мне удалось каким-то образом сбежать, я его убила, чтобы вырваться на свободу. И, в конце концов, мы все отправляемся по домам и возвращаемся к нашей обычной жизни. Кажется, ничего сложного.

— Я говорил тебе, что делать, а ты не сделал. Я дал тебе время, ты им не воспользовался. Неужели это, на хер, так трудно, делать, что тебе говорят? — я слышу, как гремит голос Рейза, явно выведенного из себя собеседником на том конце провода.

Подобный тон от него я слышала лишь однажды, когда он говорил с теми первыми бандитами, что привезли сюда припасы, и я боюсь, что он убьет того человека. Кроме того, я впервые, за исключением того же памятного дня, слышу, как он разговаривает с кем-то, помимо меня, по-английски. Да и в тот раз он делал это, по-моему, ради меня. Умирая от любопытства, я сильнее прижимаю ухо к двери, надеясь, что это каким-то чудесным образом улучшит мои способности слушать сквозь стены.

— А мне по херу; ты уже налажал. Федералы в курсе, все летит к чертям.

В его голосе продолжает кипеть гнев и, готова поклясться, как если бы видела собственными глазами, что сейчас он со стиснутой челюстью меряет туда-сюда шагами промёрзшую землю.

За этим следует длинная пауза, а потом я слышу, как он резко бросает:

— Оставайся на хер на месте. Буду через полтора часа. Приготовься.

От грохота его тяжёлых ботинок снаружи трясутся ступеньки, и я стремительно мчусь обратно к дивану, хватаю миску с хлопьями и делаю это как раз вовремя, потому что в это мгновение распахивается настежь дверь, и на пороге, загоразивая собой весь проход, оказывается ужасно рассерженный Рейз. Его лицо угрюмо, а грудь вздымается так, будто он готов бросить вызов самому грозному сопернику. Он излучает такую мощную энергию, что, кажется, распугал вокруг все живое.

— Доброе утро, — выдавливаю я из себя вымученную улыбку, притворившись, что понятия не имею о разговоре снаружи. — Ты уже пил кофе? В кофейнике есть свежий.

Сердце нервно выстукивает барабанную дробь, пока я дожидаясь, как же он ответит. Он расскажет мне, что происходит? Очевидно, что-то случилось. Что-то плохое. Надеюсь, завтра все в силе. Я и в правду готова разобраться со всем этим. Сейчас.

— Мне нужно уехать. Вернусь через несколько часов.

С этими словами, не глядя на меня, он пересекает комнату и исчезает в спальне.

Я сижу и жду, уставившись на свой завтрак, который больше не выглядит таким уж аппетитным, хотя не знаю из-за чего: то ли из-за того, что хлопья промокли, то ли из-за ужаса, камнем опустившегося у меня внутри. Рейз несколько минут роется в сейфе, потом со стуком захлопывает его и выходит из комнаты. Собравшись с силами, чтобы прямо спросить его о том, что происходит, потому что мне невыносима неизвестность, я уже было открываю рот, но прежде чем из меня успевает появиться хоть слово, он бросает мне маленький сотовый телефон, который я каким-то чудом ловлю в воздухе.

— На нем записан только мой номер. Надеюсь, что ты не будешь с него никому звонить. Ни в 911. Ни Мэддену. Никому, — его пронизывающие голубые глаза умоляют меня подчиниться. — Буду с тобой честен, дела наши пошли дерьмово, и теперь все идет не так, как должно. Я делаю все, что могу, чтобы вернуть это дерьмо в правильное русло, прежде чем все пойдёт к чертям, и оно нас накроет, но мне необходимо, чтобы ты мне верила.

Широким, уверенным шагом преодолев расстояние между нами, он садится передо мной на корточки и выжидательно выгибает бровь, наши глаза встречаются на одном уровне.

— Ты сделаешь это, kotyopok? Ты можешь довериться мне?

Энергично кивая, я чувствую, как мои глаза наполняются слезами, и я сама не могу сказать почему. Просто это уже слишком. Меня переполняет столько эмоций, дай только повод — и они вырвутся наружу. У меня такое чувство, будто я прощаюсь с Рейзом, хотя он только что сказал, что скоро вернется.

— Да, Рейз. Могу.

— Spasibo.

Он протягивает руку и подушечкой пальца убирает несколько слезинок. Я потрясена тем, как сильно он отличается от того человека, каким был всего лишь пять минут назад, когда ворвался внутрь.

— Больше никаких слез, сладкая девочка. Скоро все закончится.

— Что я должна делать с этим телефоном? — всхлипывая, удаётся выговорить мне.

Рейз резко встает, вытягиваясь во весь рост:

— Я позволю тебе за пять минут до приезда, чтобы ты знала, что это я припарковался. Если ты услышишь снаружи звук мотора или хлопок закрывающейся двери, а звонка от меня перед этим не было, беги в спальню и тотчас звони мне. Я никого не жду, но мало ли, на всякий случай.

От его зловещего предостережения у меня внутри внезапно разливается слабость, но, изобразив на лице улыбку, я снова киваю.

— Понятно. Со мной все будет хорошо. Иди и делай, что должен.

Не проронив больше ни слова, он выскальзывается из хижины, и через несколько секунд до меня доносится звук его мотора. Следующие три часа двадцать минут я постоянно держусь начеку, слишком напуганная даже для того, чтобы сходить в туалет, потому что боюсь пропустить звуки приближающейся смерти.

Когда телефон, наконец, оживает, я, прежде чем ответить, несколько секунд таращусь на экран, трясущийся в моей дрожащей руке.

— Алло!

— Это я. Буду через несколько минут, — услышав на том конце провода голос Рейза, я облегченно вздыхаю.

— Окей. Тут все спокойно, — отвечаю я. — Жду.

— Постой! — говорит он прежде, чем я вешаю трубку, а потом, поняв, что я еще на линии, продолжает: — Оденься потеплее, надень ботинки и шапку.

Первым порывом было спросить его, что, ради всего святого, это все значит, но я напоминаю себе, что пообещала доверять ему:

— Сейчас переоденусь.

Раздаются гудки, и я на несколько мгновений замираю, раздумывая, что происходит. Затем, пулей сбегав к шкафу, где хранится моя одежда, я торопливо сбрасываю домашнее и натягиваю джинсы, свитер, хватаю какие-то носки, ботинки и вязаную шапку, чтобы надеть их в гостиной, пока жду его приезда.

Едва я заканчиваю завязывать двойным узлом шнурки, до меня доносится грохот его подъехавшей машины; я встаю на свободное от мебели и вещей место и держусь наготове, когда же он войдет. На его лице, на какой-то момент, мелькает тень сожаления, но я не знаю из-за чего: то ли из-за того, что его так долго не было, то ли из-за того, что вот-вот должно произойти.

— Выходи. Мне надо тебе кое-что показать, — командует он, протягивая руку.

Не без опасений я вкладываю свою крошечную ладошку в его большую и

страшную ладонь и позволяю вывести себя на свежий, колючий, почти полуденный воздух. Щурясь и пытаюсь спрятать лицо от солнца, которого не видела уже несколько недель, я, спотыкаясь, бреду за ним к пассажирскому сидению его пикапа.

Когда мы подходим ближе, я начинаю улавливать звуки, похожие на рокот и крики, но они едва различимы. Когда мы находимся уже всего лишь в нескольких футах от машины, а шум становится громче, я замечаю, что ее кузов слегка раскачивается, и тут же понимаю, что в багажнике кто-то есть. Связанный и с кляпом во рту.

Я сразу же думаю о Мэддене, и мир вокруг рушится. Я со стоном падаю на колени, но Рейз продолжает идти вперед, пока не останавливается прямо напротив двери пассажирского сиденья. С усилием нажав кнопку большим пальцем и потянув за ручку, он распахивает настежь дверцу, и я встречаюсь взглядом с такими знакомыми ясно-голубыми глазами.

Из легких выходит весь воздух, я падаю вперед на дрожащие руки, едва способные меня удержать. Рейз быстрым движением поворачивается ко мне, подтаскивая мое тело к себе, а после шепчет на ухо:

— Господи прости меня, ибо я согрешил.

Болезненный укол в шею. И меня поглощает тьма.

Глава 27. Рейз

(The Reason — Hoobastank)

В тот день, когда Пахан дал мне инструкции, я долго и бесцельно ничего не делал, кружил на машине по улицам и думал. Думал, что жизнь моя на самом деле началась в тот день, когда я повстречал Дарью, и каким счастливым я был, что меня полюбила такая прекрасная женщина. Думал, что на самом деле жизнь моя закончилась в тот день, когда она умерла, и вспоминал те бесконечные ночи, когда я лежал без сна и молил бога, чтобы он забрал меня вместо неё, чтобы дал мне еще один шанс все исправить, сделать все так, как должно было быть. Думал о невинной Блейк и той безнадёжной ситуации, в которой она оказалась только потому, что влюбилась не в того человека. Думал о мужчине, который любит ее теперь, мужчине, который доказал, что с радостью отдал бы за неё жизнь. Так же, как когда-то и я.

К сожалению, два года назад бог не дал мне шанса ничего изменить, и сейчас я ничего не мог сделать, чтобы вернуть жену. Но пока я крутил руль, я понял, что у меня есть возможность все исправить для кого-то другого. И может быть, всего лишь может быть, Дарья посмотрит вниз оттуда, где бы она теперь не находилась, и сумеет простить меня за то, что не поехал тогда в Чикаго вместо неё, отпустил, не настоял... Это мой единственный шанс.

С того самого дня я трудился, не покладая рук, круглыми сутками. Было непросто, никоим образом, но наконец, вчера вечером я все организовал. И очень вовремя.

Оставленная Эмерсон предсмертная записка в подробностях сообщала, какую сделку та заключила с моей семьёй по поводу Блейк. И спустя несколько часов после ее находки у каждого дома, склада, магазина и прочего, в общем, у каждого сарая, принадлежащего Кабиновым, уже стояла толпа федералов с ордером на обыск. Благодаря нашим «крысам» в Бюро, предупредившим нас о том, что случится, к тому времени, как появились агенты, все главари братвы были уже далеко. Но то, что федералы буквально дышали нам в спину, заставило Пахана поторопиться с «делом Риччи». Если не успеть сегодня вечером, другой возможности, вероятно, уже не будет.

Я дважды и трижды проверяю, чтобы к моменту их прибытия всё и все были на своих местах. Винсент Риччи, один из его людей и Дмитрий, пожалуй, самый кровожадный из нашей банды с минуты на минуту должны были появиться в хижине, и это был мой единственный шанс сделать все, как надо. Все исправить. Это больше не имело никакого отношения к мести; это было искупление.

* * *

Едва услышав рычание приближающейся машины, я отправляю заранее заготовленную смс. Открыв патронник, я в последний раз убеждаюсь, что он полон, и засовываю пистолет за пояс. Потом, хлопнув по бёдрам, проверяю, на месте ли крошечный пульт управления. Около хижины уже раздаются чьи-то голоса и шаги, и после нескольких тихих ударов по дереву входная дверь распаивается.

У меня перехватывает дыхание, меня застигают врасплох стоящие передо мной трое мужчин. И не из-за Винсента Риччи или его подручного у меня так

пересохло во рту, а все тело дрожит от страха. Нет. Это из-за сопровождающего их русского, и очевидно, что это вовсе не Дмитрий.

— Vnuchok, — используя это ласкательное слово, по-русски обозначающее внука, обращается ко мне пахан и, зайдя внутрь, приветствует меня поцелуем в обе щеки. — Надеюсь, для наших друзей все подготовлено.

За ним, закрывая дверь, проходят два итальянца и обнимают меня будто старого друга после долгой разлуки, а не заклятого врага, но я слишком занят торопливым разработыванием нового плана, чтобы обращать внимание на подобное дерьмо.

Обретя, наконец, дар речи, я протягиваю руку к журнальному столику.

— Пожалуйста, присаживайтесь, отметим окончание сделки. У меня тут есть отличная водка. По рюмашке, а?! А потом я приведу нашу «женщину дня». Она... «отдыхает» в той комнате.

— Я и рад бы выпить с тобой, мой друг, — на лице Винсента вспыхивает обращённая ко мне зловещая улыбка, — но сначала хотел бы увидеть леди. А после можно пить, сколько тебе вздумается.

Я с трудом моргаю. Ну, вот и все. Пришёл час расплаты.

— Как пожелаешь. Проходите сюда.

Широким шагом я иду к закрытой двери, разделяющей две комнаты, а эти три человека спешат за мной, стгорая от нетерпения и желая увидеть Американскую принцессу. Медленно я поворачиваю ручку и распаиваю ее настежь. Затем, засунув руки в передние карманы, захожу внутрь и выставляю на всеобщее обозрение накачанную наркотиками молодую женщину, обнажённую и привязанную за лодыжки и запястья к кровати. Ее голова обрита наголо, изо рта вырваны все зубы, но нет никаких сомнений в том, кто она.

Меньше, чем через секунду мне в лицо смотрят три пистолета, требуя ответа громче всяких слов. У меня на лице расплывается широкая улыбка, а сам я обхватываю спрятанный в кармане пульт и, слегка улыбнувшись, нажимаю на кнопку.

— Надо было стрелять первыми.

Глава 28. Мэдден

(Gone Away — The Offspring)

Несколько секунд я таращусь на текст, прежде чем понимаю, что цифры на экране смартфона — это географические координаты. Но как только до меня доходит, я мигом срываюсь с места, выскакиваю из кафетерия в Траки, где проторчал большую часть дня, и отчаянно машу руками. Агент Диомасси, маршал Доэрти и еще несколько человек стоят вокруг капота внедорожника и разглядывают снимок местности со спутника, едва они меня замечают, сразу же бегут навстречу.

— Он вышел на связь? — кричит один из них по дороге.

Я энергично киваю и, как только они подбегают к тротуару, где я стою, я сую им в лицо свой смартфон:

— Это их координаты. Они там. Поехали!

— Черт, ребята! — Диомасси подзывает своих людей. — Началось. Пять минут на сборы!

Дальше всё происходит как в тумане.

Пока агенты вводят в свой навигатор координаты и вычисляют самый короткий путь, меня заталкивают на заднее сидение одного из внедорожников. Спустя всего несколько минут мы уже мчимся со скоростью звука мимо заснеженных горных вершин, но мои мысли сосредоточены на одном.

Блейк.

Сегодня я молился, наверное, больше, чем за всю жизнь, потому что, если мне от Него когда-то что-то и было нужно, так лишь то, чтобы Он вернул мне ее живой и невредимой. Она — мой божественный дар. Моё медленно, но верно. Моя сладкая девочка. Она все для меня.

Лишь только водитель, которого, кажется, зовут агент Каннингем, сообщает, что нам осталось проехать еще пятнадцать миль, меня оглушает сильный, раскатистый грохот, от которого дребезжат автомобильные стекла. Все тело напрягается, и во время последовавшего затем короткого молчания мы четверо обмениваемся понимающими взглядами. А потом, как только над деревьями поднимается дым, начинается настоящий ад.

Каннингем до упора выжимает педаль, каким-то немислимым образом заставляя внедорожник двигаться еще быстрее, а я, пока мы петляем по опасному серпантину, специально стараюсь не думать, как опасно мы гоним. Сидящий впереди на пассажирском кресле Диомасси не отрывается от телефона, отчаянно пытаюсь выяснить причины того грохота, который мы все так отчетливо слышали, но ему так и не удаётся получить ответ к тому моменту, когда мы съезжаем с главной дороги.

Я чувствую запах дыма раньше, чем замечаю сам огонь, но в ту же секунду, когда вижу поглощённую пламенем хижину, я, не дожидаясь остановки, настежь распахиваю дверцу. Неуклюже приземлившись на твёрдую промёрзшую землю, я, прихрамывая, поднимаюсь и делаю отчаянный рывок к чистилищу, которое, если Блейк окажется там внутри, может стать и адом.

— Блейк! Нет, ради бога, нет! — рыдая, снова и снова повторяю я, добравшись до нескольких одинаковых черных внедорожников, припаркованных прямо за пикапом, на котором Рейз отвозил меня к Блейк, и белым «мерседе-

СОМ».

Все агенты, держа пистолеты на изготовке, со всех сторон окружают горящую конструкцию, но я не обращаю ни на них, ни на какие-то другие возможные опасности никакого внимания. Мне только нужно пробраться внутрь. С трудом, несмотря на пульсирующую боль в лодыжке и приказы остановиться, я двигаюсь вперёд. На хер ногу и их тоже на хер.

Когда мне остаётся пройти ещё около десяти ярдов, от нестерпимого жара пламени становится так горячо, как на поверхности Солнца, и в этот момент кто-то обхватывает меня сзади и толкает лицом вниз на холодную твёрдую землю.

— Ты что, идиот? Жить надоело? — орёт Доэрти, вдавливая колено мне в поясницу.

— Если она там, то да, — цежу я сквозь зубы, хоть мне больно дышать.

— Только не в мою смену, Декер. Не в мою грёбанную смену.

Он бьёт меня прикладом по затылку, и я погружаюсь во тьму.

Глава 29. Мэдден

(Here Without You — 3 Doors Down)

После того как наконец прибывшие пожарные потушили огонь, на пепелище среди обломков были найдены останки пяти обгоревших трупов. Четыре мужских и один женский. Мужчины были опознаны по стоматологическим картам как Винсент Риччи, Гейб Скализе, Анатолий Кабинов и Рейзкин Кабинов; у женщины зубы отсутствовали, вероятнее всего, по мнению следователей, из-за пыток. На основании всей имеющейся информации, а также моего признания, что Рейз привозил меня в эту хижину навестить Блейк, пятое тело было официально идентифицировано как Брайли Картер Оливейра, она же Блейк Мартин.

Я опустошён, я уничтожен, у меня нет желания продолжать эту жизнь. Я не хочу ни с кем разговаривать. Не хочу принимать душ и одеваться. Не хочу идти на работу. Не хочу разбирать почту, лежащую кучей на кухонном столе, даже тот весёленький конвертик без марки. Что бы в нем не находилось, оно уже не сможет ее воскресить, как не могут этого сделать ни моя семья, ни друзья, ни работа.

Все это бессмысленно, если у меня нет ее. Я должен был охранять ее, защищать ее. Но я облажался. А теперь... теперь мне остаётся только дожидаться смерти.

КАЛИФОРНИЯ ТРИБЬЮН

четверг, 27 августа 2015 года

Преступный мир обеспокоен в связи с гибелью главаря Русской мафии Анатолия Кабинова, его внука и, кроме того, третьего в «очереди на преступный трон», Рейзкина Кабинова, главаря Итальянской мафии Винсента Риччи, его бывшей невестки Брайли Оливейры, а также одного из его подручных. В ФБР, Службу маршалов, местную полицию и службу скорой помощи из анонимного источника поступило сообщение о том, что в одном из отдалённых районов Редвудса, Северная Калифорния, в некоей хижине будет проведена сделка по продаже людей. Несмотря на то, что представители власти выдвинулись туда без промедления, было уже поздно. Под хижину была заложена взрывчатка такой мощности, что ее взрывы были слышны в радиусе двадцати миль. Это дало властям основания предполагать, что, кто бы ни планировал данную операцию, он был уверен: все ее участники должны умереть. По сведениям наших источников, в этой хижине Кабиновы удерживали мисс Оливейру как наживку, чтобы выманить Винсента Риччи из убежища, где тот скрывался. В результате произошедшего будущее обоих мафиозных семейств остаётся под вопросом. Рейзкин Кабинов возглавлял американское подразделение Русской мафии, по некоторым слухам он обвинял семью Риччи в произошедшей несколько лет назад смерти своей жены Дарьи. Мы продолжим информировать вас о дальнейших событиях.

Глава 30. Блейк

(*Second Chance — Shinedown*)

Мои веки будто налиты свинцом, кажется почти невозможным их хотя бы чуть-чуть разлепить, во рту абсолютно пересохло... но я все же жива. Опираясь на трясущиеся руки, сажусь на кровати и тотчас оглядываюсь вокруг. Я до смерти боюсь того, что могу увидеть или кого, но я устала прятаться. Я готова все прекратить, даже если это означает мою собственную смерть. По крайней мере, я умру сражаясь.

Первая проверка затуманенным взором показывает, что похоже, я нахожусь совершенно одна в обычном номере мотеля. Две кровати с тумбочкой посередине. Репродукция популярного пейзажа в дешевой раме. Напротив, у стены, одиноко стоит деревянный комод, на нем телевизор, ведерко для льда с парой разномастных стаканов и маленький кофейник. В углу подставка для багажа, на ней чемодан...

Погодите-ка.

Почему я сейчас в мотеле, а не в хижине? Где Рейз? Что он делал в машине с Эмерсон до того, как все ушло во тьму? Что тут делает чемодан?

Я сползаю с матраса, после того как мои ноги касаются пола, еще несколько секунд пытаюсь сохранить равновесие, остатки того, чем меня опоили, до сих пор затрудняют движения и затуманивают мысли. Как только я уверяюсь, что способна стоять на ногах, я нетвердой походкой по покрытому пятнами ковру пересекаю комнату по направлению к единственному предмету багажа. Протянув трясущиеся от неуверенности руки, с невольным выдохом расстегиваю молнию.

Вся одежда, которую для меня купил Рейз и которую я носила в хижине, лежит аккуратно сложенная вместе с совсем новой, с которой даже еще не сорваны этикетки. Два парика, оба из волос насыщенно-черного цвета, и несколько солнцезащитных очков. Но тут я вижу прямоугольный бежевый конверт, из тех, в которых рассылают официальные письма, со словом *Kotyonok* на лицевой стороне, и меня начинает трясти. Я понятия не имею, что там внутри, но каким-то образом чувствую.

Взяв пухлый пакет, я устраиваюсь на кровати и, глубоко вдохнув, считаю до десяти, прежде чем его открыть. На покрывало вываливается все содержимое: сначала сотовый телефон, за ним паспорт, кошелек для монет и стопка бумаг.

Сверху прикреплено письмо.

Блейк,

Когда ты это прочтешь (прости за такую дозу успокоительного, но я не мог рисковать, чтобы ты проснулась раньше времени), я уверен, что сообщения об ужасной гибели главаря итальянской мафии — Виктора Риччи, Американской принцессы в бегах — Брайли Оливейры и внука главаря русской мафии — Рейзкина Кабинова будут уже на всех телеканалах. Хорошая новость в том, что ты жива, но, думаю, это ты уже поняла. А плохая — что по поводу остальных информационных сообщения не ошибаются... но пожалуйста, не грусти обо мне. Все случилось именно так, как я и планировал. Я нахожусь в точно-

сти там, где и должен был быть, вскоре и ты тоже.

Я не буду много тут писать, потому что я парень и не много подобных писем написал за свою жизнь... но хочу попробовать и ответить на все вопросы, которые у тебя, должно быть, накопились, ну и помочь тебе начать новую главу в своей жизни. Поэтому вот мой рассказ. Kotyonok, ты не заслуживаешь того дерьма, в которое тебя окунула эта жизнь. Ты совсем молоденькой влюбилась не в того человека, и тебя затянуло в такой мир, о существовании которого ты даже не подозревала. Но все же, каким-то образом, ты нашла в себе силы и смелость, чтобы бороться и выбраться из этой ситуации, хотя тебе и было понятно, что это будет непросто. Ты сделала все, что должна была, чтобы спастись. Я так и не успел сказать тебе, как я тобою восхищаюсь, потому что ты это сделала.

Тебе уже известно, как ты оказалась на моем попечении, поэтому, этот кусок я опять пропущу. Единственное, чего ты не знала, и я кстати тоже, что мой дед с самого начала планировал убить тебя после того, как ты убьешь своего свекра. Как только я об этом узнал, сразу постарался предпринять меры, чтобы этого не произошло, и я молюсь только, чтобы все вышло, как я и задумал.

Мне понятно, почему Эмерсон Листер сдала тебя. Именно поэтому ее тело полиция идентифицировала как твое. (Я предусмотрительно до пожара удалил с тела ногти и все волосы. И, да, все последние дни, что я провел вне хижины, я посвятил тому, что закладывал повсюду вокруг взрывчатку, чтобы гарантированно уничтожить все возможные улики. Когда я что-то делаю, я делаю это на совесть).

Когда Мэддену стало известно, что в твоём исчезновении виновна Эмерсон, и он прогнал ее из своей жизни, она была в отчаянии и смятении. Я пообещал ей новую жизнь под новым именем, а также банковский счет с кругленькой суммой, и мне без труда удалось уговорить ее имитировать собственную смерть и сделать новые документы.

Только я соврал.

Именно для тебя я устроил все это, все, что могло бы тебе помочь начать все заново, потому что я надеялся, что вы с Мэдденом сможете найти свое счастье, которое вы заслуживаете. В конверте с этим письмом ты найдешь новое свидетельство о рождении, паспорт, права и карточку социального страхования, банковскую карточку с десятью тысячами долларов на счету и немного наличных. Добро пожаловать в новую жизнь, мою Kotyonok Anastasia, в переводе с греческого это означает «воскресшая». Надеюсь, ты не против темных волос, если тебе не понравится твое новое имя, можешь называть себя Аной или Стейси.

Еще в конверте ты найдешь билет на этот понедельник на самолет в один конец (аэропорт находится в сорока пяти минутах езды от твоего отеля, возьми такси и заплати наличными) из Рено в Бруней, маленькое островное государство в Юго-восточной Азии, обещаю, тебе там точно понравится. До этого времени не выходи из этой комнаты (еда в сумке-холодильнике в ванной). Тебя никто не должен искать, потому что все считают, что ты мертва, но не испытывай судьбу. Когда будешь собираться в дорогу, воспользуйся одеждой и париками, что я оставил, чтобы ты смогла изменить внешность. Когда ты прилетишь в Бруней, там тебя будет ждать водитель, который отвезет тебя туда, где ты остановишься, и даст тебе дальнейшие инструкции, что делать дальше. Я кое-что приготовил, чтобы помочь тебе освоиться на новом месте.

Я также отправил Мэддену такой же пакет с новыми документами на другое имя, но из-за того, что он все время на виду, у него есть семья, друзья, его перелет состоится ровно через три недели после твоего. Это время понадобится ему, чтобы придумать достойную легенду и оборвать все связи здесь... и не переживай, он это сделает. Этот мужчина любит тебя больше самой жизни. Он бросит все и вся, если узнает, что у него есть шанс быть с тобой. Я точно знаю, потому что чувствую то же самое к Дарье.

Мне хочется, чтобы ты поняла, что я бросаю все и вся, чтобы быть с женщиной, которую я люблю. Наконец-то я нашел способ доказать своему Котику Дарье, что я верю и ценю настоящую любовь, и поэтому я дарю тебе и Мэддену возможность начать вместе новую жизнь, и вместе с тем, я отправляюсь домой, чтобы быть с ней. Пожалуйста, не плачь по мне, потому что долгие годы я мечтал об этом дне.

Моя работа здесь закончена. Я больше не занимаюсь тем, для чего был рожден, я хочу жить, так как решил. Это значит быть с Дарьей. Что-то я тут много уже написал... видимо, у меня не так уж плохо получается писать письма. Окей, по-моему, я осветил все вопросы, но если ты когда-нибудь, не важно почему, попадешь в беду, я записал в телефон номер надежного человека. Просто скажи ему, что ты котуенок Рейза, и он, несмотря ни на что, тут же примчится на помощь.

Наконец, я просто хочу сказать тебе спасибо. Когда мне вручили в обмен на карточный долг твое бесчувственное тело, я понятия не имел, насколько ты изменишь к лучшему мою жизнь... что покажешь мне цель в жизни. И хотя, конечно, лучше бы ничего этого не было, и ты жила бы обычной жизнью, я так благодарен, что ты, в конце концов, оказалась у меня. Надеюсь, ты никогда не забудешь время, которое мы провели в хижине.

А теперь будь умницей, вытри слезы... потому что, уверен, ты естественно меня не послушала... сожги это письмо, чтобы не оставлять никаких улик. Коробок со спичками — в ящике тумбочки. Вперед. Забирай документы и сожги этот листок, медленно, но верно, чтобы не включилась пожарная сигнализация.

И наслаждайся жизнью в раю. Ты этого заслуживаешь.
— Рейз.

Я рыдаю, рыдаю и рыдаю. Выплакав все слезы, я делаю сэндвич и смотрю по центральному телеканалу репортаж о произошедшем, на экране появляется фотография Рейза, и я вновь разражаюсь рыданиями. Я похожа на кран, у которого сорвало вентиль.

Слезы счастья. Слезы грусти. Слезы облегчения. Слезы вины. Все, что могут выразить слезы. Я плачу все следующие четыре дня. А когда наступает понедельник, встаю с постели, принимаю душ, одеваюсь, прилаживаю стильный парик из волос цвета вороного крыла и отправляюсь в аэропорт с уверенностью и спокойствием, которых никогда в себе не подозревала.

В ту минуту, когда я схожу с самолета на моей новой родине с новым именем и внешностью, мое лицо расплывается в широкой улыбке, и я начинаю считать дни до того момента, когда вновь стану сладкой девочкой.

Медленно, но верно.

Эпилог. Мэдден

(Without You — Jeremy Camp)

Спустя три недели

— Внимание! Закари Конви, улетающий рейсом «Королевских авиалиний Брунея» подойдите, пожалуйста, к стойке обслуживания пассажиров, расположенной у выхода на посадку номер девять терминала один. Повторяю, подойдите к стойке обслуживания пассажиров, расположенной у выхода на посадку номер девять терминала один. Спасибо.

Объявление повторили на филиппинском по всему Международному аэропорту Манилы, я выбрасываю то, что осталось от обеда — или, возможно, ужина, потому что мои внутренние часы, преодолев столько часовых поясов, основательно сбились — и со всех ног тороплюсь, пробираясь сквозь толпу, к тому выходу, куда меня вызывали. Тревога так и бурлит у меня в горле, угрожая отринуть еду, которую я только что проглотил. И когда я подхожу к маленькому столику, где пожилая женщина в униформе аэропорта нахмурившись смущенно смотрит в экран монитора, я боюсь, что если открою рот, то меня мгновенно вырвет.

Я сглатываю комок страха с привкусом желчи и произношу про себя молитву, чтобы все не закончилось, даже не успев начаться. Когда много часов назад я появился в Международном аэропорту Лос-Анжелеса, я понимал, что иду на риск. Самый большой в своей жизни.

Но еще я понимал, что оно того стоит. Она этого стоит.

До этого момента все шло как по маслу. Никто не обращал на меня никакого внимания, если не считать девушки-бармена на вид лет двадцати, бросившей на меня украдкой взгляды в аэропорту Гонконга. Но судя по тому, как она старалась перегнуться через барную стойку именно напротив меня и ставила руки так, чтобы подчеркнуть ложбинку между грудями, полагаю, ее абсолютно не интересовал тот факт, что я оставил позади тридцать пять прожитых лет и приобрел новую личность. Для нее, да и для всех, кого я сегодня встретил, я был просто Закари Конви, еще один американец с крашенными черными волосами и такой же бородой, одетый в самую неприметную одежду, которая только пришла мне в голову — джинсы, серая футболка-поло и парусиновые туфли.

— Привет, — я вежливо улыбаюсь сотруднице аэропорта, про себя проклиная волосы на лице, скрывающие ямочки, которые обычно добавляли мне очарования. Редкая женщина устоит перед ямочками. — Меня зовут Закари Конви. Услышал объявление, и вот я здесь. Какие-то проблемы с рейсом?

Не отрывая глаз от экрана монитора, женщина поднимает вверх указательный палец, показывая мне, чтобы я подождал, пока она закончит то, чем занимается в данный момент. Пользуясь отсрочкой я оглядываю зал, меня успокаивает, что вокруг не слишком много служащих аэропорта и охранников. Но очевидно, что что-то случилось, иначе меня бы не вызвали сюда по громкой связи. А сегодня, больше чем когда бы то ни было, мне необходимо, чтобы все было хорошо.

Через пару минут она наконец отрывается от монитора и непонимающе

глядит на меня, явно не услышав мои слова, когда я подошел.

— Извините. Чем я могу Вам помочь, сэр? — интересуется она.

— Меня зовут Закари Конви. Меня сюда вызвали по громкой связи, — повторяю я изо все сил, стараясь скрыть раздражение.

— Ах, да, мистер Конви, — кивает она и выдавливает из себя вежливую улыбку. — Возникла проблема с вашим рейсом в Бруней.

На какую-то долю секунды мое сердце перестает биться, а после из легких резким толчком выходит весь воздух. По бровям стекает пот, а в глазах мутнеет.

— Произошла ошибка, и на ваше место в салоне был зарегистрирован еще один пассажир, — продолжает она, мельком еще раз взглянув в свои бумаги. — Если вы не против, мы пересадим вас с места 2А около окна на 4В около прохода?

От ее слов, будто от электрического разряда, по всему телу разливается облегчение. Грудная клетка увеличивается от того, что я пытаюсь вдохнуть как можно больше воздуха, в пальцах рук и ног от потока свежей крови, текущей по венам, начинается покалывание.

— Да, конечно. Все в порядке.

Мне каким-то образом удается сдержаться и не перепрыгнуть через стойку, чтобы расцеловать в эту женщину в знак переполняющей меня благодарности за то, что она не сообщила мне, что я разоблачен. Вместо этого я сдержанно киваю и крепко сжимаю губы, перед тем как она дает мне новый посадочный талон.

Ее улыбка становится искренней, как только она понимает, что я не собираюсь скандалить.

— Большое спасибо, мистер Конви. Благодарю за понимание. Посадка начнется примерно через пятнадцать минут. Надеюсь, вам понравится полет и ваше пребывание в Брунее. Деловая поездка или отпуск?

Одна лишь мысль о том, почему я еду в эту крошечную восточную страну на другом конце света, наполняет меня теплом, я чувствую, как напрягаются щеки от того, что губы растягиваются в необычно широкой улыбке.

— Любовь.

* * *

Не прошло и десяти минут от моего двухчасового рейса, как я уже чувствую к той женщине еще большую благодарность за то, что меня пересадили, потому что в конце концов место рядом со мной оказалось пустым. Этот самолет меньше, чем два предыдущих, на которых я проделал первую часть пути: по четыре кресла в каждом ряду, по два кресла через проход, четырнадцать или около того рядов. За исключением свободного места рядом со мной, все остальные места, похоже, заняты. И снова, по-видимому, никто не обращает на меня никакого внимания. *Мэдден, мы почти на месте.*

Когда мы набираем высоту и можно расстегнуть ремни безопасности, я наклоняюсь к своей дорожной сумке и достаю из нее сложенный листок бумаги, который читал уже столько раз, что удивляюсь, как он еще не развалился на части от такого частого просмотра. Ненавижу это признавать, но за последние две недели я даже несколько раз спал ночью с этой бумагой, хватаясь за нее как за спасательный трос.

Я знаю, что должен был сжечь её. В этой чертовой бумажке даже специаль-

но для меня говорится, что я должен обратить ее в пепел, но я не могу. Еще не время. Пока я не увижу ее и не удостоверюсь, что это не какая-то невероятно жестокая шутка. Господи, пусть это окажется правдой.

Я осторожно разворачиваю письмо и сосредотачиваюсь на написанных от руки словах в надежде, что читаю их в последний раз. Если все пойдет по плану, все обещания, написанные на этом клочке бумаги, через несколько часов станут реальностью. Если нет, я сожгу сам себя, а не эту чертову записку.

Декер,

Я очень надеюсь, что ты прочтешь это письмо, прежде чем совершишь какую-нибудь глупость, например, прикончишь кого-нибудь и окончишь свою жизнь в тюрьме, так и не узнав, что на самом деле произошло в хижине. Большая часть того, что сообщила полиция, было действительно так, но кое в чем они ошиблись. Кое-что, о чем я позаботился. Это не твою девушку обнаружили среди обгоревших развалин. Мне это известно, потому что я лично накачал ее наркотиками и отвез в мотель еще до появления Винсента, и именно я оставил ей такой же конверт и письмо.

Полагаю, что она воспользовалась моими инструкциями, и все вышло так, как я и планировал, и теперь она сидит на другом конце света и ждет, что через несколько недель ты к ней приедешь. У вас обоих есть новые документы, и в этом конверте ты найдешь все необходимое, чтобы начать новую жизнь под именем Закари Кови. О билетах и визах я также позаботился, но, повторюсь, я отложил срок твоего отъезда на несколько недель, потому что тебе придется решить множество вопросов, прежде чем оставить свою прошлую жизнь. Если ты не передумаешь.

Не прогадай. Если ты захочешь провести остаток жизни с женщиной, которую ты любишь, с женщиной, ради которой ты уже не раз рисковал своей жизнью, тебе придется обрубить все концы, прервать все связи с людьми, которые тебе дороги, включая семью и друзей. Ни единая душа не должна знать твое новое имя или куда ты направляешься, иначе вы оба окажетесь в большой опасности. Ты должен все начать с чистого листа.

Что бы и как бы ты не решил это организовать, это должно быть убедительным, и тебе придется принять тот факт, что ты никогда больше не станешь снова Мэдденом Декером. Это огромная жертва, и это решение можешь принять только ты, но скажу тебе, что я прожил без женщины, которую люблю, последние два года, и это был ад. Взорвав эту хижину, я после долгого ожидания опять буду с ней, и моим страданиям придет конец.

Если ты решишься ехать за ней, она расскажет недостающие детали истории, а пока я просто напишу, что тебе делать дальше. Во-первых, каким бы ни было твое решение, сожги это письмо. Никогда не оставляй никаких улик. Во-вторых, прими решение и держись его. Не трать остаток жизни на всякие «если бы...» И, последнее, не будь долбаным идиотом. Иди к своей девушке.

Рейз.

Сморгнув с глаз навернувшиеся слезы, я снова вчетверо складываю листок и засовываю его обратно в сумку. А если вспомнить, что я мог никогда не открыть этот конверт...

Я прогоняю эту кошмарную мысли из головы. Не важно, что только через семь дней после похорон Блейк у меня дошли руки до лежащей на столе стоп-

ки писем; важно, что все-таки дошли. И вот я здесь.

Еще столько вопросов ждут ответов, но мне плевать. Если я еду к ней — к своей сладкой девочке — вовсе не важно, какие у нас теперь имена, где мы живем и что теперь мы можем положиться только друг на друга. Я лишь хочу быть с ней. Она заполнила пустоту в моей душе, пустоту, о существовании которой до появления Блейк я даже не подозревал. И если есть хоть один шанс быть с ней, я брошу все... я бросил все. Потому что все остальное в моей жизни не стоит и сотой части моей девочки.

Самое трудное было оставить родителей. Я понимаю, что предсмертная записка их убьет, но это был единственный вариант. Перед тем как якобы броситься в Тихий океан и, как Эмерсон, покончить жизнь самоубийством от пожиравшей меня депрессии из-за смерти ее и Блейк, я постарался провести с ними как можно больше времени и показать им, как много они для меня значат. Попрощавшись с родителями, той ночью я в кровати в одиночку выпил бутылку виски, но в конце концов у меня не было выбора. Меня ждала бы жалкая жизнь, если бы я не реализовал этот план.

Наш последний вечер с Истоном прошел несколько проще. Во-первых, события последних двух месяцев послужили для него определенным толчком, он наконец занялся своей жизнью. Попадание в должники к русской мафии, потеря Эмерсон и Блейк, или так он считал, — все это заставило его в какой-то момент понять, что на самом деле важно, и он стал принимать более активное участие в жизни компании и семьи. Во-вторых, он упомянул, что уже несколько раз приглашал Джей на ужин и в кино, и похоже, она ему по-настоящему нравится. Не знаю, к чему это все у них приведет, но надеюсь, что мое «самоубийство» сблизит их еще больше. Часть меня почувствовала, что когда мы с Истоном попрощались в последний раз, он догадался, что что-то происходит, и я был бы не удивлен, если он не поверит моей записке. Но если он считает, что я что-то задумал, он знает, почему я так поступил, и я верю, что он сохранит мою тайну.

Откинувшись назад, на спинку кресла, я закрываю глаза, и предо мной снова возникает Блейк: как мы познакомились, постепенно узнавали друг друга и быстро влюбились. Из воспоминаний меня внезапно вырывает голос капитана, гулко прозвучавший эхом по всему салону и объявивший о скорой посадке. Спустя немного времени я выхожу из самолета и подхожу к мужчине, держащему табличку, на которой написано «Мр. З. Кови».

Он не называет мне своего имени, но хорошо говорит по-английски и, похоже, знает все входы и выходы в этом аэропорту. С головокружительной скоростью этот мужчина отводит меня к багажной ленте, одним махом снимает с нее мой единственный большой чемодан и ведет меня к припаркованной вдоль тротуара машине. Едва мы с дорожной сумкой оказываемся на заднем сидении, мужчина садится за руль — расположенный с правой стороны — и мы трогаемся.

— Полагаю, я должен поинтересоваться, куда вы меня везете, мистер... — с нервным смешком я выглядываю, не указано ли где-нибудь впереди имя этого парня.

— У меня есть инструкция, мистер Кови, и согласно этой инструкции я вас и везу, — многозначительно отвечает он, ни единым мускулом лица не давая мне каких-либо намеков.

Вздохнув, я киваю и отворачиваюсь к окну:

— Могу я хотя бы узнать, как долго нам ехать? Я уже двадцать шесть часов в дороге и очень устал. Мне хотелось бы понять, есть ли у меня время, чтобы вздремнуть.

Тень улыбки мелькает на его лице, прежде чем он отвечает:

— Дорога займет час, сэр, но я сомневаюсь, что вам удастся выспаться, когда вы приедете.

Исполнившись надежды, сердце начинает биться чаще, но я ничего не отвечаю. У меня до сих пор нет уверенности, что этот парень не везет меня куда-нибудь, чтобы прикончить. Хотя если это последнее, что собирался сделать перед смертью Рейз, он, конечно, мог бы выбрать способ и попроще.

Как и было обещано, спустя час автомобиль останавливается перед домом в современном стиле, расположенном в каком-то уединенном элитном поселке. Водитель глушит мотор и выпрыгивает из машины, торопясь обойти ее, чтобы распахнуть передо мной дверь. Я вытаскиваю наружу трясущиеся ноги, отталкиваюсь от сиденья и, схватив сумку, выхожу.

Я молча слеую за ним до парадной двери, при этом усердно стараюсь запомнить обстановку вокруг, но чувствую, что все мои сенсорные системы перегружены, и мозг просто не способен воспринимать информацию. Я не представляю, где нахожусь и что делаю, но могу лишь надеяться, что все будет хорошо. На самом деле я хочу лучше, чем хорошо. Я хочу ее.

Протянув руку, мужчина берется за ручку двери, поворачивает ее, но прежде чем ее открыть, он смотрит на меня через плечо.

— Мистер Кови, мисс Анастасия уже давно ждет этого дня, и я надеюсь, что здесь вы оба найдете счастье, которое так долго искали. Вместе.

Часть про «мисс Анастасию» сбивает меня с толку, но когда мой спутник широко распахивает дверь и я вижу свою Блейк — с такими же крашеными черными волосами как у меня — стоящую в прихожей, мне уже больше ничего не важно.

Это было лучше, чем в любом самом романтическом фильме — наши взгляды встречаются, и мы бежим в объятия друг другу, и целый мир сходит со своей оси. Ангелы дуют в трубы. Из небытия на небе рождаются звезды. Звенят колокола. И мое сердце оживает.

Она жива. Она настоящая. Я прикасаюсь к ней. Я ее целую. Наши слезы сливаются в едином потоке. И никогда ничего подобного не было и больше не будет на этой земле. Ничто не может с этим сравниться.

— Ты пришел.

Это были первые слова, которые ей удалось произнести в промежутках между нашими упоительно-долгими жаркими поцелуями.

— Навсегда, сладкая девочка, — отвечаю я, вдыхая ее дурманящий аромат. — Я пойду за тобой куда угодно. Я люблю тебя больше, чем саму жизнь.

— И я люблю тебя, — она поднимается на цыпочки и прижимается губами к кончику моего носа, — сэр.

Перевод: Ольга П.

Примечания

1

О, боже мой! (*исп.*)

[^^^]

2

Проклятая ведьма (исп.).

[^^^]